

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

3/2014
(№ 88)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 5 **Е. В. Головацкий.** Специфика использования в политических проектах и нововведениях социального моделирования
- 14 **Л. П. Канаева.** Эффективность реализации приоритетных национальных проектов в регионе
- 21 **М. С. Лысцев.** Арктическая политика североамериканских государств в XXI в.

Региональные проблемы науки и образования

- 30 **В. И. Жидкин, М. А. Якупчев.** Становление региональной системы непрерывного экологического образования
- 37 **Н. Е. Нехаева.** Опыт проведения летних детских финно-угорских лагерей России

Экономика региона

- 43 **С. М. Вдовин.** Улучшение инвестиционного климата как предпосылка устойчивого развития региона
- 55 **И. Е. Илякова.** Институциональные условия инновационного развития экономики: региональный аспект
- 64 **А. М. Гудов.** Финансовое обеспечение и приоритеты инновационно-ориентированного совершенствования инвестиционного процесса
- 71 **И. Б. Юленкова.** Оптимизация налогообложения как условие стимулирования инновационной активности малого предпринимательства в регионе
- 79 **А. В. Данильцев, О. В. Бирюкова.** Правила происхождения услуг в региональных торговых соглашениях как инструмент торговой политики
- 92 **Л. И. Зинина, С. В. Малкин.** Стратегические социально-экономические приоритеты производства продукции пчеловодства в системе продовольственного обеспечения региона
- 101 **С. В. Булярский, А. О. Синицын.** Условия формирования региональных промышленных кластеров
- 113 **Г. В. Морозова.** Роль налога на доходы физических лиц в формировании доходов бюджетов
- 119 **Н. Н. Федякова.** Моделирование производственного развития хозяйств населения в агропродовольственной системе Республики Мордовия

Редколлегия:

С. М. ВДОВИН
(главный редактор)
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
В. П. БАБИНЦЕВ
В. И. ГРИШИН
А. В. ДАХИН
П. В. ДРУЖИНИН
А. Н. ЕРШОВ
В. В. ИЛЬИН
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
А. КЕРЕЖИ
В. А. КОВАЛЕВ
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
В. В. МАРЕСЬЕВ
А. И. СУХАРЕВ
Ж. СИМАНВИЧЕНЕ
Э. К. ХАРАЦИДИС

Экспертный совет:

И. В. БАХЛОВ
О. А. БОГАТОВА
Н. И. ВОРОНИНА
Н. Д. ГУСЬКОВА
Д. В. ДОЛЕНКО
Ю. А. ЕЛИСЕЕВА
Е. А. НЕРЕТИНА
В. А. ПИСАЧКИН
С. В. ПОЛУТИН
И. Л. СИРОТИНА
И. М. ФАДЕЕВА

- 127 **М. В. Игнатьева, Л. Н. Липатова.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты

Социология региона

- 135 **Е. В. Жаднова.** Конструирование идентичности в рамках перформативных концепций
142 **И. А. Юрасов, О. Н. Юрасова.** Социальное положение рабочего класса в регионе
150 **О. Г. Прошкина.** Инновационный потенциал студентов-менеджеров в регионе
158 **Н. В. Ивашкина, Д. В. Ивашкина.** Диаспоральные отношения в регионе
164 **А. С. Скакун.** Основные подходы к дефиниции понятий «молодежная культура» и «молодежная субкультура»

Информационное пространство региона

- 174 **А. А. Ефанов.** Моральные паники в повестке дня региональных СМИ
182 **О. В. Федотова.** Этические и правовые принципы профессиональной деятельности журналиста в глобализирующемся пространстве
190 **Л. А. Васильева.** СМИ периода «застоя»: особенности политического мифотворчества

Философия в регионе

- 197 **Е. В. Мочалов.** Наследие Сергея Радонежского в контексте древнерусской философии, культуры и этики
206 **Е. В. Викторова.** К вопросу о духовном производстве в современном обществе
211 **Е. Н. Песоцкая.** Социально-философский анализ особенностей формирования личности и уровневая концепция глобализации

- 218 **К. В. Извеков.** Социально-философский анализ защиты прав человека
226 **Г. П. Туманова.** Смена юридических парадигм в контексте структурной информации социума
233 **М. Э. Рябова.** Социокультурное разнообразие в региональном измерении

Провинциальная культура

- 240 **П. Д. Миничкин.** Методологические и теоретические основы изучения духовной культуры этноса
250 **А. В. Лебедев.** Репрезентация концепта «сотворение мира» в культурах (на материале библейских сюжетов, вавилонской и финно-угорской мифологии)
258 **Д. М. Добатовкин.** Особенности претворения мордовского фольклора в Первом концерте для балалайки с оркестром Л. И. Воинова

REGIONOLOGY

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder:

Federal State-Funded
Educational Institution
of Higher Professional
Education "Ogarev Mordovia
State University"

The journal has been
published since October 1992

The journal is
published quarterly

3/2014
(№ 88)

CONTENTS**Regional Political Space
and Territorial Administration**

- 5 **Ye. V. Golovatsky.** Specifics of Using Social Simulation in Political Projects and Innovations
14 **L. P. Kanaeva.** Effectiveness of Implementation of the Priority National Projects in a Region
21 **M. S. Lystsev.** The Arctic Policy of the North American States in the 21st Century

**Regional Issues of
Science and Education**

- 30 **V. I. Zhidkin, M. A. Yakunchev.** Establishment of the Regional System of Continuous Environmental Education
37 **N. Ye. Nekhaeva.** Experience of Arrangement of Summer Children's Finno-Ugric Camps in Russia

Regional Economy

- 43 **S. M. Vdovin.** Improvement of the Investment Climate as a Prerequisite for Sustainable Development of a Region
55 **I. Ye. Pyakova.** Institutional Conditions of Innovative Development of Economy: the Regional Aspect
64 **A. M. Gudov.** Financial Provision and Priorities of the Innovation-Oriented Improvement of the Investment Process
71 **I. B. Yulenkova.** Optimization of Taxation as a Condition for Stimulation of Innovative Activity of Small Business in a Region
79 **A. V. Daniltsev, O. V. Biryukova.** Rules of Origin for Services in Regional Trade Agreements as an Instrument of Trade Policies
92 **L. I. Zinina, S. V. Malkin.** Strategic Socio-Economic Priorities of Beekeeping Production in the System of Food Supply of a Region
101 **S. V. Bulyarsky, A. O. Sinitsyn.** Conditions of Formation of Regional Industrial Clusters
113 **G. V. Morozova.** Role of the Personal Income Tax in Formation of Budget Revenues
119 **N. N. Fedyakova.** Modeling Industrial Development of Small-Scale Farming in the Agricultural and Food System of the Republic of Mordovia
127 **M. V. Ignatieva, L. N. Lipatova.** Human Potential for Economic Development: Federal and Regional Aspects

Editorial board:

S. M. VDOVIN
(Editor-in-chief)
N. M. ARSENTIEV
V. P. BABINTSEV
V. I. GRISHIN
A. V. DAKHIN
P. V. DRUZHININ
A. N. ERSHOV
V. V. ILYIN
L. V. KALACHINA
(Executive secretary)
B. F. KEVBRIN
A. KEREZHI
V. A. KOVALEV
V. V. KOZIN
(Deputy editor-in-chief)
V. V. KONAKOV
V. V. MARESEV
A. I. SUKHAREV
Z. SIMANAVICHENE
E. K. CHARATSIDIS

Expert board:

I. V. BAKHLOV
O. A. BOGATOVA
N. I. VORONINA
N. D. GUSKOVA
D. V. DOLENKO
Yu. A. ELISEEVA
E. A. NERETINA
V. A. PISACHKIN
S. V. POLUTIN
I. L. SIROTINA
I. M. FADEEVA

Regional Sociology

- 135 **E. V. Zhadnova.** Construction of Identity within the Performative Concepts
142 **I. A. Yurasov, O. N. Yurasova.** Social Status of the Working Class in a Region
150 **O. G. Proshkina.** Innovative Potential of Students Majoring in Management in a Region
158 **N. V. Ivashkina, D. V. Ivashkina.** Diaspora Relations in a Region
164 **A. S. Skakun.** Basic Approaches to Definition of the Concepts of «Youth Culture» and «Youth Subculture»

Information Space of a Region

- 174 **A. A. Efanov.** Moral Panics on the Agenda of Regional Mass Media
182 **O. V. Fedotova.** Ethical and Legal Principles of Professional Activities of a Journalist in the Globalized Space
190 **L. A. Vasilieva.** Mass Media in the «Stagnation» Period: Features of Political Myth-Making

Philosophy in a Region

- 197 **Ye. V. Mochalov.** Legacy of St. Sergius of Radonezh in the Context of Ancient Russian Philosophy, Culture and Ethics
206 **E. V. Viktorova.** On the Issue of Spiritual Production in the Modern Society
211 **E. N. Pesotskaya.** Socio-Philosophical Analysis of Peculiarities of Formation of Personality and the Level Conception of Globalization
218 **K. V. Izvekov.** Socio-Philosophical Analysis of Protection of Human Rights
226 **G. P. Tumanova.** Change of Legal Paradigms of Structural Information of a Society
233 **M. E. Ryabova.** Socio-Cultural Diversity in the Regional Perspective

Provincial Culture

- 240 **P. D. Minichkin.** Methodological and Theoretical Fundamentals of the Study of the Spiritual Culture of an Ethnic Group
250 **A. V. Lebedev.** Representation of the Concept of «Creation of the World» in Cultures (Case Study of Biblical Stories, Babylonian and Finno-Ugric Mythology)
258 **D. M. Dobatovkin.** Features of Conversion of the Mordvin Folklore in the L. I. Voinov's First Concerto for Balalaika and Orchestra

*Е. В. ГОЛОВАЦКИЙ***СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ
И НОВОВВЕДЕНИЯХ
СОЦИАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Ключевые слова: социальное моделирование, нововведения, ресурсы

Key words: social simulation, innovations, resources

Рассматривается социальное моделирование в качестве концептуального метода изучения социально-политического взаимодействия. Описаны структура и содержание элементов социальной модели, роль моделирования в изучении нововведений и ресурсного оснащения инновационных процессов.

The paper considers social simulation as a conceptual method of studying socio-political interaction. The structure and content of the elements of the social model are described, as well as simulation in the study of innovations and resource equipment of innovative processes.

Активизация спроса на построение прогнозных моделей, помимо популяризации методов компьютерного моделирования, связана с наличием у общества сформированных и относительно четких представлений о вариативности развития социально-политических процессов. Политические и общественные организации готовы измерять и рассчитывать свои ресурсы в соответствии с содержанием моделируемых явлений и ситуаций, например ограничивать или активизировать участие в инновационных процессах, «делать запасы» актуальных ресурсов, осуществлять трансферты инноваций. Моделирование освоено во многих сферах общественной жизни, наработан значительный исследовательский материал, построены реляционные базы данных для социальных моделей, конструируются прогнозные и проектные модели развития общества¹.

Существенным условием успешности социального моделирования является гибкость технологии построения и апроби-

¹ ГОЛОВАЦКИЙ Евгений Васильевич, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, кандидат социологических наук.

рования рабочих моделей. Гибкость в нашем понимании — наличие способности элементов модели переключаться на новые виды деятельности и возможность выбора внешних ресурсов по отношению к модели, «ресурсов прочности», заложенных в процессе построения модели. Главное абстрактное достоинство модели — возможность не осуществлять выбор (что, по сути, оставляет за исследователем право использовать множество вариантов выборов), т. е. действовать непосредственно, в максимальной степени свободно от объективных условий социальной системы.

Применительно к эмпирическому уровню модели необходимо иметь определенное решение. Согласно социоинженерным подходам, развиваемым в социологии управления и организации, стороны, принимающие решения, должны предлагать не менее двух «исходов», т. е. способов решения ситуации, обеспечивать вариативность ее развития. Выделяют различные виды моделей, в частности модели социальных изменений, жизненного цикла, волновые и циклические, модели транзитивных и инновационных процессов, уменьшенные (эксплицированные), формальные (математические), компьютерные, игровые, а также модели, создаваемые в виртуальном пространстве.

Следует отметить, что в последнее 50-летие в социологической науке математическое и компьютерное моделирование становятся неотъемлемой частью моделирования. Формальные модели позволяют получать более точные оценки результатов социологических измерений и использовать модели с большим (практически бесконечным) количеством переменных и наблюдений. Социологи применяют пакеты прикладных программ для анализа качественной и количественной социологической информации. Среди наиболее распространенных в России электронных пакетов можно назвать: «SPSS»², «STATISTICA»³, «Systat», «ДА-система» и др. Программы позволяют проводить множественный математический анализ и работу с эмпирической информацией различной сложности и соотношением количественных и качественных индикаторов (единиц) измерения. Среди сложных динамических моделей анализа социальных систем пакеты прикладных программ поддерживают моделирование с помощью нейронных сетей (разработано и поддерживается в версиях пакетов «SPSS» и «STATISTICA»).

Электронные статистические программы существенно помогают ученым: снижают время пилотажа инструментария (подготовка измерительных процедур перед построением модели); позволяют использовать сравнительные результаты различных исследований (сведение значения электронных словарей и объединение переменных, а также самих эмпирических данных); экономят время на этапе анализа и отображения результатов. Современные электронные статпакеты имеют доступ измерительного модуля в Интернет, электронный ресурс поддерживает несколько форматов сохранения и конвертации данных. Обработанные в программах результаты исследований оснащают/визуализируют социальную модель, в том числе в режиме «живой карты», социального картографирования (в ряде зарубежных источников используется понятие «картирование») или «on-line».

В качестве вспомогательных инструментов участники моделирования обращают внимание на проективные методы, сопровождающие построение социальных моделей. Социологи могут использовать, например, эвристические методы, «брейн-шторминг»: в предпрогнозной фазе, при анализе ситуаций, для решения вспомогательных задач, уточнения отбора специалистов, анализа работы адхократических⁴ коллективов и т. д.

К числу типичных процессов социального моделирования относятся объект исследования, субъект(ы) исследования, модель субъектно-объектных отношений, другие возможные модели. В настоящее время можно учитывать базы «старых» моделей, которые уже осваивались в 1990-х — начале 2000-х гг. Современные лидеры и политические организации прибегают к имитации или частичному заимствованию советских политических приемов. Создаются комбинированные конструкции, когда мобилизационные политические практики сочетаются с виртуальными технологиями политического участия и т. п. Перед построением модели учитываются возможности ресурсного оснащения моделирования нововведений.

В первую очередь производится сбор первичной информации об оригинальном объекте. Особенностью подготовительного этапа является невозможность полностью описать содержание моделируемой ситуации, объективно она не может быть охвачена, измерена и охарактеризована в целом.

Социальная модель на этапе конструирования имитирует значимые свойства оригинального объекта. Гносеологическая сложность описания и соотнесения свойств этой модели и действительного состояния общества, невозможность полного замещения свойств общества свойствами социальной модели делают процесс корректировки эквивалентной модели протяженным и требующим не столько конечного результата, сколько постоянного процесса освоения нового в транзитивных условиях.

Мы признаем, что телеоцентричность необходима для реализации социальных и политических проектов. Без этого свойства проект теряет целевую ориентированность и управляемость. Построение социальной модели неоднородно. Использование необходимых ресурсов позволяет описать определенные стороны оригинального объекта, ряд свойств и состояний останутся невключенными в социальную модель. Реализуемые инновационные проекты имеют слабые места, неучтенные свойства или рассматриваемые однобоко, например только в количественном аспекте либо только в качественных оценках, но без учета динамики и масштаба взаимодействующих сторон. Следовательно, для исследуемой/моделируемой ситуации возможно создание более чем одной модели, которые смогут подчеркнуть характерные социальные признаки и свойства, специфику и детализацию процессов взаимодействия.

Социальная модель начинает свое абстрактное функционирование, запускаются система освоения последовательных этапов (как и в случае с освоением нововведения), проверка релевантности параметров модели. Происходит моделирование без переноса на реальные объекты. Можно подкорректировать параметры, например продлить или сократить время этапов моделирования, пригласить специалистов для измерения оптимальных параметров, проведения экспериментов и т. п. Модель обладает циклическими свойствами, и это позволяет проводить корректировку социальных технологий, приемов и методов, которые используют создатели социальных моделей.

При повторной отработке модели исследователи с каждым этапом получают новые уточненные данные о моделировании, согласно закону средних значений уравниваются исходы социальных экспериментов, если только «модераторы

проектов» не ставят задачу построения моделей, ориентированных на крайние или полярные параметры (наподобие моделей выживания в медицине или моделей с «условиями, максимально приближенными к боевым», как у военных).

Если на первых этапах моделирования обнаруживаются недостатки, то при оптимальном распределении этапов, методов и ресурсов с каждым последующим построением количество ошибок и казусов стремится к нулю. Могут строиться, например, параллельные модели, модели с усложненными параметрами, «учебные» для отработки этапов или технологий, привлекаются новые или другие категории населения, территории, ресурсы.

На этапе сравнительного моделирования исследователи, согласно правилам интерпретации и операционализации данных, осуществляют сравнение параметров, перенос и совмещение языково-символьной системы социальной модели и оригинала. При переносе параметров модели и самой реальной системы выдерживается правило описания и интерпретации совпадающих и уникальных, оригинальных свойств той и другой. Свойства модели, не отражающиеся в реальной системе, также важны для исследователей и требуют обобщения и систематизации.

Завершающим этапом построения социальной модели является протяженный процесс трансформации или корректировки социальной реальности, преобразования и управления обществом. В теоретическом плане строится обобщенная теория на основании новых данных о свойствах исследуемого объекта, появляются новые знания. На практике социальная реальность получает еще один новый оттенок, новое направление развития.

Для построения социальной модели нововведений мы выделяем ряд основных условий: время нововведений, историческое время, наличие социальных ресурсов, образовательный уровень общества, наличие/отсутствие ресурсов развития (внешних или внутренних) территории, социально ориентированные коммуникации и культуру общества (включая политическую). Количество и качество совместных решений в условиях нововведений анализируется по методу декомпозиции. Исходные или промежуточные выборы в сочетании с общей канвой раскладываются на элементы с различным качеством связей и функций (внешних и вну-

тренных, служебных и «частных»). Участники моделирования могут использовать значительный методологический набор, включающий методики принятия коллективного решения. К ним относятся «консенсусные», «дискурсные», «диалектические», «директивные», «коллективистские» (в рамках партисипативной организационной структуры), Дельфи-метод.

Модели инновационных процессов являются одними из наиболее сложных управляемых исследовательских практик с точки зрения прогнозирования социально-политического взаимодействия, а также изучения методов и последствий реализации нововведений. Инновационная деятельность часто рассматривается в сочетании с диффузными эффектами от реализации нововведений. Даже несистемные признаки, уникальные и неуправляемые примеры развития инновационных процессов демонстрируют различные диффузные признаки. Исследователи социальных моделей не всегда способны однозначно идентифицировать диффузные эффекты и описывать их социальную значимость. В моделях инновационных процессов преимуществом можно считать возможность замерять скорость распространения нововведений на различных этапах. Имитационные возможности социального моделирования используются в изучении последствий освоения политических новшеств.

Освоение нововведений, качественные изменения в моделях можно анализировать, подвергнув формализации свойства и результаты, используя лишь общие признаки, итоговые результаты. Можно также применять детальное моделирование, подробно разбирая этапы, процедуры, методы и техники. Накопление результатов социального моделирования, по сути, создает самостоятельную базу исследований.

С применением математических методов моделирования связаны современные исследования долгосрочных моделей на продолжительную перспективу (в социологии это мир-система И. Валлерстайна)⁵, протяженные демографические жизненные циклы, а также построение моделей исторического развития «клиодинамики».

Социальное моделирование используется во всех сферах современного общества и большинстве социальных систем. Стратегическое моделирование позволяет «прокачать» развитие глобальных социально-экономических и политических процессов, прогнозы вооруженных конфликтов, ожиданий и

последствий природных катаклизмов и т. п. Микромоделирование адаптирует, сглаживает включение индивидов и групп в новые условия, например процессы локальных нововведений. Можно предположить создание модели для сопровождения социальных технологий в обществе практически любой сложности и плотности внутренних и внешних связей.

Социологическое сопровождение с использованием методов математического моделирования возможно в том числе в виде трендов во временном лаге и пространственном рассеянии. Такой подход позволит обеспечить результативность построения и апробации результатов социального моделирования, создаст возможности экстраполяции результатов/данных модели на реальный объект и позволит корректировать новые варианты развития качества и признаков исследуемой системы.

Модели, описывающие нововведения, включают в рассчитываемые параметры ресурсное оснащение социальными, материальными, политическими, административными и другими запасами. Процесс моделирования вынужденно связан с аккумулярованием субъектами необходимых средств, эти ресурсы помогают в подготовке нововведений, оснащают инновационные процессы, способны сымитировать недостатки или расходование заложенных средств. Непосредственно в процессах освоения нововведений в структуре модели учитываются оптимальные формы и объемы использования ресурсов. В связи с существованием не реальной, а моделируемой ситуации исследователи закладывают в диагностические процедуры возможности восстановления (пополнения) социальных ресурсов.

При помощи социального моделирования увеличиваются объемы и активизируются возможности ресурсного обеспечения (поиск ресурсов, пополнение, мобилизация и т. п.), которыми располагают индивидуальные участники нововведений, группы и организации для достижения конкретных результатов. В частности, личные заслуги или возможности в качестве индивидуально-личностных ресурсов могут превышать количественные эффекты или, например, продолжительность массовидных социальных процессов. Моделирование в практической деятельности объединяет анализ не только очевидных ресурсов и возможностей рациональных и практически выполняемых, но и иррациональных прак-

тик, латентных возможностей и пр., например практики эффективного и рационального охвата пространства, использования времени.

Анализируя соотношение моделируемой и реальной социальной системы (или ее части), исследователи способны изучать идентичность и практическую наполненность этапов, персональные или групповые зоны успешности участников взаимодействия, «мертвые», не охваченные, например, ресурсами зоны. Объектами наблюдения могут становиться региональные политические процессы, личные истории участников взаимодействия, профессиональные, бытовые, жизненные ситуации (сопровождение карьеры, «персональные технологии»), специфика межличностных отношений (на стыке психологии, социологии и транзитивной социологии). Точность сравнения повышается в зависимости от возможности охватить большую исследуемую совокупность. В подобного рода сравнениях для исследователей и участников социально-политического взаимодействия важно наличие обратной связи и независимых друг от друга источников наблюдения (измерения, сравнения информации). Возможность повторять циклы моделирования обеспечивает формирование свойств «обучаемой» модели, способной учитывать множество ситуаций, условий и переменных. Исследователи могут использовать базы данных, опыт и ошибки предыдущих измерений, накапливать полезные сведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дридзе Т.М., Орлова Э.А. Основы социокультурного проектирования. М.: Изд-во РАН, 1995. 246 с.

² См.: Бююль А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2002. 608 с.

³ См.: Боровиков В.П. Программа STATISTICA для студентов и инженеров. 2-е изд. М.: КомпьютерПресс, 2001. 301 с.

⁴ См.: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Изд-во «Логос», 2004. С. 291—292.

⁵ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 105—123.

Поступила 20.02.2014.

Ye. V. Golovatsky. Specifics of Using Social Simulation in Political Projects and Innovations

The interest in social simulation is associated with the presence of clear ideas in the society about the variability of socio-political processes. The success of social simulation is conditioned by flexibility of the technique of making and testing working models.

Different kinds of models are singled out: the wave and cyclic ones, models of transitive and innovation processes, formal, computer, game models, those created in the virtual space, and other ones. Formal models allow providing more accurate estimates of the results of sociological measurements and using models with a large number of variables and observations. The author allocates the basis for formation of resource sharing in a social model, describes the development stages of the innovations model, and examines the structure and content of the required elements of a social model.

Models of innovation processes allow measuring the speed of spread of innovations at various stages. Social simulation capabilities are used to study the aftereffects of political innovations. The models describing innovations include resource equipping with social, material, political, administrative and other reserves. The resources are useful in developing innovations: they equip innovative processes; they can simulate shortage or expenditure of the built funds, and possibilities of resource provision.

The capability to repeat cycles of simulation contributes to the formation of properties of an «educable» model able to take into account many situations, conditions and variables. Analyzing the correlation between the simulated and the real social system (or a part of it) researchers are able to study the identity and practical filling of the stages.

GOLOVATSKY Yevgeny Vasilievich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Л. П. КАНАЕВА

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: социальные технологии, приоритетные национальные проекты, индикаторы реализации ПНП, развитие материально-технической инфраструктуры, институциональные изменения

Key words: social techniques, priority national projects, indicators of implementation of the priority

national projects, development of material and technical infrastructure, institutional changes

В статье дан анализ механизмов реализации приоритетных национальных проектов в регионе. Национальные проекты рассматриваются как инновационные социальные технологии, главная цель которых — стимулировать инициативу в регионе и повысить эффективность социальной политики государства по четырем социальным направлениям: здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, развитие агропромышленного комплекса.

The paper analyzes the mechanisms of implementation of the Priority National Projects in a region. The National Projects are considered as innovative social technologies whose primary purpose is to stimulate the initiative in a region and to improve effectiveness of the state social policy in four social areas: public health, education, housing and communal services, development of the agro-industrial complex.

Интерес к проблематике социальных технологий управления общественной жизнью в российской социологической науке наблюдается с 60-х гг. XX в. Исследования показали, что внедрение социальных технологий, связанных с развитием человеческого потенциала, может обеспечить рост промышленного производства на 20—25 %.

Приоритетные национальные проекты (ПНП) являются инновационной социальной технологией, основанной на системе целевых индикаторов и предполагающей комплекс правовых, организационных и финансовых мер, предприни-

КАНАЕВА Лидия Петровна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук.

маемых с целью качественного улучшения жизни населения страны. Их реализация направлена на решение актуальных социальных проблем. Национальные проекты как социальная технология включают четыре этапа: отбор приоритетов социально-экономического развития, разработку механизмов реализации ПНП, процесс их реализации, оценку эффективности выполнения проектов.

В 2005 г. в России началась реализация ПНП «Здоровье», «Образование», «Развитие агропромышленного комплекса», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». Каждый из них содержит ряд подпрограмм (подпроектов), которые в комплексе призваны модернизировать социальную инфраструктуру российского общества, повысить качество жизни граждан России.

Особенность проектов — их инновационная направленность. Государственную поддержку получают те направления развития, которые связаны с использованием и внедрением передовых технологий. Это, в частности, компьютеризация школ, обеспечение доступа к Интернету, снабжение медицинских учреждений передовым оборудованием, финансовая поддержка вузов, использующих современные методы и формы обучения, высокотехнологичные инновации в жилищном строительстве и АПК. Национальные проекты имели целью стимулировать инициативу в регионах и повысить эффективность ряда направлений социальной политики государства.

В Республике Мордовия для решения социально-экономических проблем воплощается ряд важных социальных программ, касающихся улучшения демографических процессов, здравоохранения, социальной защиты населения, молодежной политики и т. д. Большинство этих программ являются механизмом реализации ПНП. Основные направления проекта «Здоровье» аккумулировала «Программа модернизации здравоохранения Республики Мордовия на 2013—2020 годы», основной целью которой стало совершенствование системы охраны здоровья граждан для профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья людей, поддержания долголетней активной жизни человека, оказания ему медицинской помощи.

В результате реализации программы ожидается снижение показателя общей смертности до 11,4 на 1 тыс. чел. населения; уменьшение показателя материнской смертности до

12,0 случая на 100 тыс. чел. родившихся живыми; снижение показателя младенческой смертности до 7,5 на 1 тыс. чел. родившихся живыми; увеличение обеспеченности врачами до 46,2 на 10 тыс. чел. населения; достижение соотношения врачей и среднего медицинского персонала 1:3; достижение соотношения заработной платы врачей и работников медицинских организаций РМ, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, к средней заработной плате по экономике республики до 200 %; увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 74,5 года.

С 2009 г. республика включена в мероприятия ПНП «Здоровье», нацеленные на формирование здорового образа жизни у граждан, включая сокращение потребления алкоголя и табака, в рамках которых созданы два центра здоровья для взрослых на базе ГБУЗ РМ «Республиканский консультативно-диагностический центр» и ГБУЗ РМ «Республиканский врачебно-физкультурный диспансер». Постановлением Правительства России от 31 декабря 2010 г. № 1222 Мордовия в 2011 г. включена также в программу ПНП «Здоровье» по направлению «Совершенствование медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями», в результате чего были организованы межрайонные онкологические кабинеты. Основным учреждением, координирующим их работу, является ГУЗ «Республиканский онкологический диспансер». В 2011 г. в рамках ПНП «Здоровье» по направлению совершенствования медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями приобретено современное лечебно-диагностическое оборудование.

Регион активно включился в реализацию направлений ПНП «Образование». Координацию и общее руководство в данной сфере осуществлял Совет при Правительстве Республики Мордовия, созданный в соответствии с Указом Главы РМ от 6 января 2006 г. № 1-У. Одно из важных направлений проекта модернизации образования — создание региональной системы оценки качества образования. Это система организационных и технологических элементов для обеспечения нового качества образования в республиканской образовательной системе. В настоящее время основным индикатором качества образования выступает степень усвоения выпускниками образовательных учреждений программ среднего (полного) общего образования, определяемая в рамках ЕГЭ.

В рамках направления «Дистанционное образование детей-инвалидов» созданы условия для обучения на дому с использованием дистанционных образовательных технологий, поставлено необходимое техническое оборудование, подключен безлимитный Интернет. Для каждого обучающегося разработаны индивидуальные образовательные программы, внедрение которых началось 1 сентября 2010 г. Проведено повышение квалификации учителей, а также специалистов органов, осуществляющих управление в сфере образования, ответственных за организацию дистанционного обучения детей-инвалидов в республике.

На развитие системы общего образования повлияли демографические процессы. За последние пять лет контингент школьников сократился более чем на 13 тыс. чел., из которых около 9 тыс. чел. — в сельской местности. Количество общеобразовательных учреждений за пять лет сократилось на 216, на 3,9 тыс. чел., уменьшилось число работающих учителей. Возникла необходимость оптимизации сети учреждений общего образования, особенно сети малокомплектных сельских школ. Благодаря внедрению программы «Школьный автобус» организовано более 200 школьных маршрутов, обеспечивающих подвоз школьников в базовые школы, школы — ресурсные центры. В рамках реализации комплексного проекта модернизации в региональной системе образования происходят институциональные изменения, прежде всего в сфере экономики образования. Введение новой системы оплаты труда улучшает материальное положение педагогов и повышает престиж учительского труда. Переход на нормативно-подушевое финансирование, расширение общественного участия в управлении образованием формируют новый стиль и принципы управления в системе образования.

К индикаторам реализации ПНП «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» относятся комплексные индикаторы (уровень обеспеченности населения жильем, коэффициент доступности жилья (соотношение доходов и цен на жилье)). На реализацию в республике ПНП «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» направлена республиканская целевая программа «Жилище» на 2011—2015 годы. Программа нацелена на продолжение преобразований в жилищной сфере республики, начатых в рамках реализации республиканских целевых программ

«Жилище» на 2006—2010 гг. и «Свой дом». Общий объем финансирования Программы в 2011—2015 гг. составит 63 128,14 млн руб. Реализация Программы должна обеспечить повышение доступности приобретения жилья для населения Мордовии (средняя стоимость стандартной квартиры площадью 54 м² будет равна среднему общему доходу семьи из 3 чел. за 4 года); увеличение годового объема ввода жилья с 276,6 тыс. м² общей площади в 2009 г. до 324,0 тыс. м² в 2015 г.; увеличение годового объема ввода малоэтажного жилья со 106,0 тыс. м² общей площади в 2009 г. до 163,4 тыс. м² в 2015 г.; достижение годового объема ввода жилья экономического класса до 194,4 тыс. м² в 2015 г.; снижение доли ветхого и аварийного жилья до 1,4 % к 2015 г.; создание условий для улучшения демографической ситуации в республике, обновление производственной базы домостроения, организацию новых конкурентоспособных производств, развитие строительных предприятий и организаций, повышение квалификации кадров в строительной отрасли.

Жилищный фонд в республике в настоящее время составляет 19,74 млн м² общей площади, в том числе в городских поселениях — 11,0 млн м², в сельской местности — 8,7 млн м² общей площади. В расчете на одного жителя республики приходится 23,9 м². Это один из самых лучших показателей в Приволжском федеральном округе¹. Достигнутые результаты подтверждают правильность выбранного курса модернизации жилищной сферы в рамках приоритетного проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России».

Одна из главных отраслей материального производства республики — сельское хозяйство. Агропромышленный комплекс является ведущей системообразующей сферой экономики Мордовии, формирующей агропродовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий. Механизмом реализации ПНП «Развитие АПК» стала Государственная программа Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг., утвержденная Постановлением Правительства Республики Мордовия от 19 ноября 2012 г. № 404. В рамках реализации

Государственной программы сельхозтоваропроизводителям осуществляется субсидирование части затрат на уплату процентов по кредитам и займам, на оформление земли в собственность, на страхование сельскохозяйственных культур, приобретение мелиоративного оборудования, ведется поддержка племенного животноводства, элитного семеноводства, развивается консультационная помощь. Также в целях поддержки сельхозтоваропроизводителей республика принимает активное участие в реализации ведомственных целевых программ, осуществляемых Минсельхозом России.

С 2005 г. в агропромышленном комплексе республики активно внедряются новые технологии, увеличивается механизация труда. Росту производства сельхозпродукции способствуют расширение и модернизация базы ее переработки. Среди новых объектов — сыродельный завод «Сармич», рассчитанный на переработку до 350 т молока в сутки и выпуск 9 тыс. т сыра, 1,5 тыс. т масла, 25 тыс. т концентрированной молочной сыворотки в год. Проведена полная реконструкция Саранского консервного завода, где установлено оборудование для шоковой заморозки и построен низкотемпературный терминал на 8 тыс. т. Реконструкция сахарного завода позволила увеличить его мощности с 1,5 до 7,0 тыс. т в сутки².

Таким образом, ПНП оказали существенное положительное влияние на развитие материально-технической инфраструктуры соответствующих отраслей. Увеличение финансовых и материальных ресурсов отраслей опосредовало социальную эффективность ПНП. В рассматриваемых сферах произошли институциональные изменения, поскольку задача проектов по внедрению новых организационных механизмов была максимально реализована.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Республиканская целевая программа «Жилище» на 2011—2015 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906303414> (дата обращения: 12.12.2013).

² См.: АПК Мордовии поставляет продукцию в регионы России и за рубеж. URL: <http://izvmor.ru/news/view/13323> (дата обращения: 12.10.2013).

**L. P. Kanaeva. Effectiveness of Implementation
of the Priority National Projects in a Region**

The paper describes the main results of implementation of the Priority National Projects in the Republic of Mordovia. The mechanism for the implementation of the Priority National Projects is analyzed as an innovative social technology based on a system of target indicators and involves a complex of legal, organizational and financial measures to be undertaken towards the qualitative improvement of life of the population of Russia.

Since 2005, Russia has started the implementation of the four Priority National Projects «Health», «Education», «Development of the Agricultural Sector», «Affordable and Comfortable Housing — to Russian Citizens», which are designed to combine the efforts and resources of the Federal Center, constituent regions of the Federation, business and community in solving social problems, modernization of social infrastructure, improving the level and quality of life of the population of the Russian Federation.

The Republic of Mordovia has been actively involved in the implementation of the Priority National Projects, which represent a new organizational and economic form of coordination of social development on the basis of the program and target method of control. The main areas of the Priority Projects are accumulated in programs related to the improvement of the demographic processes, health, education, social protection, youth policy, etc. So, the main goal of the «Program for Modernization of Public Health in the Republic of Mordovia for 2013—2020» is improving the public health services to prevent diseases; preservation and strengthening of physical and mental health of each person, keeping his long active life, providing him with medical care. The State Program of the Republic of Mordovia for development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013—2020 approved by the decree of the Government of the Republic of Mordovia has become the mechanism of implementation of the Priority National Project «Development of the Agricultural Sector».

The Priority National Projects had a significant positive impact on the development of material and technical infrastructure of the respective areas. In these areas, institutional changes have taken place, as the task of the National Projects on introduction of new institutional arrangements has been implemented as much as possible.

KANAeva Lydia Petrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

М. С. ЛЫЦЕВ

**АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ
ГОСУДАРСТВ В XXI в.**

Ключевые слова: Арктический регион, стратегии освоения Арктики, национальные интересы, международное сотрудничество

Key words: Arctic region, Arctic development strategy, national interests, international cooperation

В статье рассматриваются особенности политики североамериканских государств в Арктике в XXI в., а также военно-политические, экономические интересы США и Канады и инструменты реализации этих интересов.

The paper discusses the features of the policy of the North American states in the Arctic region in the 21st century, as well as the military, political, and economic interests of the United States and Canada, and the tools to implement them.

До начала XXI в. североамериканские государства не проявляли заметного интереса к Арктическому региону. Его росту у властей США и Канады способствовала активизация деятельности других государств: России, Дании и Норвегии. Среди американских государств первой интерес к арктической тематике стала проявлять Канада. В 2006 г. ее правительство подтвердило суверенитет над Арктикой и заявило о необходимости усиления своих вооруженных сил для осуществления контроля над этим регионом¹.

В рамках освоения природных ресурсов Арктики Канада совместно с США в 2008—2009 гг. провели совместные исследования по изучению шельфа в районе к северу от Аляски до хребта Альфа-Менделеева и на восток до Канадского арктического архипелага. В марте 2009 г. властями Канады была разработана «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее», которая содержала основные направления политики страны в Арктическом регионе. Стратегия определяет всестороннее развитие се-

ЛЫЦЕВ Михаил Сергеевич, доцент кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета, кандидат политических наук.

верных территорий и включает четыре аспекта политики властей, направленных на их развитие: защиту суверенитета Канады в арктическом секторе; обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона; защиту окружающей среды и адаптацию к изменениям климата; развитие самоуправления, хозяйственной и политической активности северных территорий как части политики по освоению Севера.

Стратегические планы Канады включают наращивание военного присутствия для усиления контроля над воздушным пространством, морями и сухопутными территориями Арктики. Это связано не только с демонстрацией готовности защитить суверенные права. Как отмечает премьер-министр Канады С. Харпер, «первый принцип арктического суверенитета состоит в том, чтобы его использовать, либо он будет потерян»². Проводя политику защиты суверенных прав, власти Канады оспаривают у Дании принадлежность острова Ханс и разграничительную линию в море Линкольна. У своего южного соседа Канада оспаривает морскую границу в море Бофорта, а также статус Северо-Западного прохода. Еще с XX в. Канада настаивает на своих суверенных правах в Северо-Западном проходе, однако правительство США считает эти воды международными.

Для защиты собственных северных территорий канадские власти расширяют военно-учебную базу Резольют на острове Корноуоллис и начинают строительство нескольких арктических патрульных судов для защиты своих границ (стоимость проекта — 7,5 млрд долл.). Также в Арктике будет дислоцироваться гарнизон в тысячу арктических стрелков, а в столице северо-западных территорий (пос. Йеллоунайф) на постоянной основе будет развернуто подразделение количеством около 100 чел. из состава резерва Вооруженных сил (ВС) Канады. Эти решения были приняты после завершения крупных военных учений в Арктике «Нанук-2008» с участием около 500 военнослужащих, двух кораблей канадских ВМС и нескольких самолетов. Некоторые специалисты считают, что размещение военного подразделения в Йеллоунайф следует расценивать в качестве важного сигнала о серьезности отношения властей Канады к Арктике.

В 2009 г. проведены военные учения «Нанук-2009», на которых отработывались методы защиты внутренних вод Канады.

В августе 2010 г. прошли арктические учения ВС Канады с участием ВС США и Дании³. На них были направлены лучшие корабли с каждой стороны: эсминец «Портер» (США); фрегат «Вэдэрэн» (Дания), способный действовать в арктических льдах; фрегат «Галифакс» (Канада). Однако власти Канады одновременно с наращиванием своего военного потенциала выступают за демилитаризацию Арктики и укрепление международного сотрудничества.

Оттава продвигает инициативу о создании в Арктике зоны свободной от ядерного оружия. Главным препятствием здесь является позиция властей США, а также России, вооруженные силы которых продолжают патрулирование Арктики и не собираются сбрасывать со счетов ее военно-стратегическое значение. В случае достижения такого соглашения Россия попадает в невыгодные условия, так как Северный флот РФ с главной базой в Североморске оснащенный ядерным оружием, является гарантией сдерживания потенциальных противников. Кроме того, в арктической зоне России находятся предприятия и военные полигоны, на которых производят и испытывают ядерное оружие.

Внешнеполитическая стратегия Канады защиты и укрепления суверенитета над своим арктическим сектором опирается на дву- и многосторонний диалог с другими государствами и организациями. При этом политика властей Канады базируется на активном участии в международных организациях и на поддержке США.

Многостороннее взаимодействие по арктическим вопросам Канада ведет с Россией, Норвегией, Данией, Финляндией, Швецией и Исландией. Между Канадой и Россией подписаны различные договоры о эксплуатации арктических маршрутов, торговле, защите окружающей среды и т. д. Власти Канады открыты к диалогу с неарктическими государствами, но при условии признания ими суверенных прав арктических государств⁴. Канада активно участвует в деятельности всех рабочих групп Арктического совета, созданного в Оттаве в 1996 г. В Декларации, принятой в Илулиссате в 2008 г., Россия, Норвегия, Дания, Канада и США обязались решать все спорные вопросы мирным путем в рамках международных организаций и на основе международного права, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву.

Канадская арктическая стратегия имеет четко выраженное социальное измерение. Правительство Канады организует культурный центр на р. Клайд, где студенты изучают традиционную культуру народов Севера и участвуют в различных программах. В Арктическом совете Оттава сотрудничает с 6 организациями коренных народов Севера, которые имеют статус постоянных участников.

Власти Канады создали агентство, которое содействует экономическому развитию северных территорий, разрабатывает стратегию экономического развития Севера Канады. Расширение добычи полезных ископаемых и осуществление крупных проектов — основа обеспечения устойчивого развития канадских приарктических территорий, где ежегодно добывают алмазов на 2 млрд долл. Благодаря геологическим работам, которые проводятся на суше и шельфе в море Бофорта, правительство Канады объявило о составлении карты энергетических ресурсов и минеральных месторождений на Севере, включая Арктический архипелаг. Для улучшения условий жизни и работы в Арктике создается новая и развивается имеющаяся инфраструктура путем реализации проектов «Рекреация и зеленая инфраструктура» и «Строительство рыболовецкого порта в Пангиртунге».

Арктическое направление политики играет важную роль в политической жизни Канады и активно используется во время выборов в парламент. Подавляющее большинство граждан поддерживает нынешнюю политику консервативного правительства, направленную на всестороннее освоение Арктики, включая усиление военного присутствия в регионе для утверждения суверенитета над северными территориями.

Наиболее близким союзником Канады по арктическим вопросам остаются США. Сотрудничество этих государств в Арктике имеет давнюю историю, связанную с созданием в годы холодной войны системы «НОРАД». Кроме того, у США и Канады тесные экономические и политические связи. В опубликованной в 2011 г. Национальной военной стратегии США говорится, что региональная безопасность в Арктике будет обеспечиваться совместно с Канадой.

Как уже отмечалось, до XXI в. североамериканские государства не проявляли заметного интереса к Арктике. Пересмотр позиции США начался в 2007 г. с подготовки заместителем госсекретаря Э. Блумом доклада об оценке

американских интересов в Арктике и деятельности международных институтов. Особый резонанс в США вызвала российская экспедиция летом 2007 г., в ходе которой на дне океана в точке Северного полюса был установлен флаг России.

Осенью 2008 г. Сенат США принял положение об определении границ морской экономической зоны и континентального шельфа США. Была создана комиссия, которая должна составить точную карту территориальных вод США. Руководство комиссией поручено военным — ВМФ, инженерным войскам и береговой охране. В начале января 2009 г. президент США Дж. Буш-младший подписал директиву «О региональной политике в Арктике», провозглашающую регион зоной национальных интересов США. В ней подчеркивается, что «в Арктике Соединенные Штаты имеют широкие фундаментальные интересы в сфере национальной безопасности и готовы действовать независимо либо в союзе с другими государствами по защите этих интересов»⁵.

В то же время при президенте Дж. Буше-младшем США во время проведения арктической политики были сторонниками многосторонней дипломатии. По сравнению с Россией, Канадой, Данией и Норвегией, США имеют в Арктике самый маленький сектор и поэтому по вопросам об экономических границах американские власти хотели бы открыть дискуссию со всеми странами, имеющими выход в Арктику. Некоторые аналитики считают, что такую позицию американское руководство занимает потому, что США сильно отстали в освоении Арктического региона от конкурентов.

Власти США негативно относятся к позиции России по Северному морскому пути (СМП). Российское руководство считает, что СМП исторически использовался только российскими судами и никогда иностранными. Поэтому моря, по которым проходит морской путь, можно приравнять по статусу к внутренним морям России.

Национальные интересы США в Арктике можно сгруппировать в несколько блоков: 1) военно-стратегические интересы: ПРО, стратегическое сдерживание, присутствие военно-морских сил и проведение морских операций, свобода навигации и перелетов. При отстаивании и защите этих интересов власти США готовы действовать в одностороннем порядке; 2) обеспечение внутренней безопасности

по предупреждению и предотвращению террористических атак или других действий, усиливающих уязвимость США в Арктике; 3) политико-экономические интересы, которые включают расширение присутствия и активизацию деятельности, обеспечивающие морское могущество США в Арктике. Вашингтон намерен не только защищать свои суверенные права над исключительной экономической зоной, но и осуществлять «надлежащий контроль» над прилегающей акваторией. Главным приоритетом власти США называют свободу трансарктических перелетов и свободу мореплавания по всей Арктике.

В принятой в 2009 г. директиве закреплено важное военно-политическое значение Арктики для США. Министр обороны США Р. Гейтс, выступая перед военнослужащими на Аляске, отмечал: «Соревнование за ресурсы Арктики будет усиливаться, потенциально вырастая в новую беспрецедентную экономическую и политическую проблему, и даже проблему безопасности. Я думаю, с течением времени ваша роль здесь будет возрастать»⁶. Об этом же свидетельствуют планы по увеличению военной спутниковой группировки, нацеленной на Арктику.

При Б. Обаме, новом президенте США, продолжен курс прежнего президента. Военное руководство США активизировало деятельность средств ПВО, нацеленных на перехват патрулирующей Арктику и Северную Атлантику российской стратегической авиации. Были проведены военные учения «Ice Exercise 2009», где приняли участие две подводные лодки США типа «Лос-Анджелес», для отработки оперативных действий в условиях Арктики и обеспечения безопасности научных исследований. Летом 2009 г. в штате Аляска силами ВМС и ВВС с участием авианосца USS «John C. Stennis», была проведена крупная операция «Northern Edge 2009». Очевидно, что руководство США вместе с руководством других западных стран планирует усиливать многостороннее военное сотрудничество в Арктике.

В октябре 2009 г. была опубликована «дорожная карта» развития ВМС США. В ней было прописано обеспечить ВС США системами оружия, обнаружения, связи и управления, адаптированными к условиям Арктики. В рамках реализации «дорожной карты» на базе в Анкоридже планируется разместить 36 истребителей F-22 «Raptor»⁷.

Одним из слабых мест США в арктической политике является нехватка тяжелых арктических ледоколов: в распоряжении США в настоящее время имеются всего три таких корабля, что явно недостаточно. Как отмечал адмирал Т. Аллен на слушаниях в конгрессе США, «Россия в 2009 г. завершает программу строительства национальных атомных ледоколов нового поколения, что гарантирует ей наличие нескольких тяжелых ледокольных судов после 2020 г.»⁸. В связи с тем, что срок эксплуатации старых ледоколов подходит к концу, США необходимо вкладывать значительные денежные средства в строительство новых.

Изменение климата постепенно открывает водные пространства Арктики не только для разработки новых ресурсов, но также для новых судоходных маршрутов, которые могут изменить глобальную транспортную систему. Об этом говорится в «Стратегии сотрудничества по военно-морским силам XXI века». Этот документ является концептуальным планом развития США как военно-морской державы в XXI в. Возможные планы развития ситуации в Арктике авторы документа включили в список «вызовов новой эры» для властей США, к которым необходимо быть готовыми.

Директива президента США, принятая в 2009 г., на данный момент определяет стратегию государства в Арктическом регионе. Она строится на том, что расширение военного присутствия в Арктике необходимо с целью обеспечения и защиты национальных интересов в этом регионе, а также гарантии свободы мореплавания в арктических водах для судов США.

Несмотря на призыв прежнего президента Дж. Буша-младшего, США до сих пор не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву. При этом американское правительство признает ее в качестве юридической базы для развития международного сотрудничества. Большие возражения вызывает у США создание Международного органа по морскому дну, который в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву обладает правом решать международные территориальные споры. Некоторые политики считают, что в случае присоединения к Конвенции подчинение США решениям этого органа будет означать ограничение суверенитета государства.

США связывают с Арктическим регионом обеспечение своей национальной безопасности и готовы отстаивать и защищать свои интересы в этом регионе, в том числе с возможным применением военных средств. Директива президента США утверждает, что роль природных ресурсов Арктики в обеспечении энергетических потребностей страны будет возрастать, так как именно здесь находится большая часть еще не открытых запасов углеводородов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Bayers M. Re-packaging Arctic sovereignty // Ottawa citizen. August 5, 2009.

² Fight for the Top of the World // Time. October 1. 2007. P. 31.

³ См.: Канада вновь проявила свое присутствие в Арктике. URL: <http://russian.cri.cn/841/2010/08/27/1s350671.htm> (дата обращения: 15.02.2014).

⁴ См.: Statement on Canada's Arctic foreign policy. URL: http://www.international.gc.ca/polar-polaire/canada_arctic_foreign_policyla_politique_etrangere_du_canada_pour_arctique.aspx?lang=eng&view=d (дата обращения: 17.02.2014).

⁵ См.: National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). January 9, 2009. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (дата обращения: 17.03.2014).

⁶ См.: Baker F. Gates Stops in Alaska to Talk with Troops. URL: <http://www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=54584> (дата обращения: 12.03.2014).

⁷ См.: Conley H., Kraut J. U.S. Strategic Interests in the Arctic. An Assessment of Current Challenges and New Opportunities for Cooperation. A Report of the CSIS Europe Program. Washington: CSIS, 2010. P. 8.

⁸ США готовятся к войне за Арктику. URL: <http://www.dni.ru/polit/2008/7/17/145832.html> (дата обращения: 12.03.2014).

Поступила 23.05.2014.

M. S. Lystsev. The Arctic Policy of the North American States in the 21st Century

The paper examines the policy of cooperation between Canada and the United States, as well as other Arctic States in the Arctic-related issues. It covers the basic components of the Arctic policy of the North American states at the beginning of the 21st century. The paper reflects the policy of the North American elites for the protection and upholding of national interests in the Arctic. The essence of the relationship between Canada and the United States, as well as protection of national interests is in the fact that in spite of proximity to the Arctic policies of these countries in key

issues such as the status of the Northwest passage and arrangement of an Arctic zone free from nuclear weapons, they take opposite stands.

The relevance of this issue is in the fact that before the beginning of the 21st century, the governments of Canada and the United States rarely paid attention to the issues related to development of the Arctic region. Because of this, in the beginning of the 21st century, other Arctic countries and international organizations, such as Russia, Norway, the EU managed to seriously outperform the United States on key aspects of development of the Arctic region (absence of large nuclear-powered icebreakers, emergence and development of major infrastructure projects, etc.).

The paper provides an analysis of governmental policies of the North American countries in such areas as military and political, economic, and social ones. It also provides well-reasoned proofs of the stand of the authorities of Canada and the United States advocating their national interests in the Arctic region.

The paper concludes that the government of Canada and the United States have changed their policies towards the Arctic region. It also examines possible options for development of the situation in the region. The authorities of the North American states associate the Arctic region with national security protection and are ready to defend its interests in the region, including possible use of military means.

LYSTSEV Mikhail Sergeevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

В. И. ЖИДКИН, М. А. ЯКУНЧЕВ **СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: непрерывное экологическое образование, регион, экология, охрана природы

Key words: continuous environmental education, region, ecology, protection of nature

В статье даны сведения о становлении региональной системы непрерывного экологического образования в Мордовии в 60—90-е гг. XX в., названы учреждения образования и педагоги республики, внесшие свой вклад в новое направление образования.

The paper provides information about the establishment of a regional system of continuous environmental education in Mordovia in 1960—1990's; names of educational institutions and teachers of the republic who contributed to the new direction of education are given.

Радикальным средством решения экологической проблемы является экологическое образование подрастающего поколения, подготовка специалистов и экологическое просвещение населения.

Эколого-природоохранное движение в Мордовии имеет свою историю и заслуживает отдельного внимания. В нашей республике понятие «экология» начало входить в обиход в 60-е гг. XX в. На базе творческого коллектива преподавателей и аспирантов химико-биологического факультета Мордовского государственного университета был создан научно-технический совет Мордовского республиканского общества охраны природы, который вел большую работу по изучению природных ресурсов республики, экспертизе важных технических проектов и крупных народно-хозяйственных начинаний. Регулярно проводились комплексные научные экспедиции по Мокше и Суре, создавались вре-

---

ЖИДКИН Владимир Ильич, профессор кафедры товароведения и технологии торговых процессов Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, кандидат биологических наук.

ЯКУНЧЕВ Михаил Александрович, профессор кафедры биологии, географии и методик обучения Мордовского государственного педагогического института, доктор педагогических наук.

менные природные полигоны, наконец, открылся постоянный учебно-научный стационар — биостанция университета. В учебные планы ряда специальностей были введены спецкурсы по охране природы.

В 70-х гг. в Мордовии активизировалось природоохранное просвещение. В этот период начали издаваться сборники научных статей, посвященные проблеме использования природных ресурсов республики и их охраны. Идеи экологии и природопользования стали чаще обсуждаться на регулярно действующем в ту пору в университете научном семинаре по проблемам комплексного развития региона. В эти годы вышли в свет издания эколого-краеведческого содержания¹.

В 80-е гг. при научно-исследовательском секторе Мордовского государственного университета была создана лаборатория гидрогеологии и охраны природы. В эти годы в университете через аспирантуру была начата подготовка научно-педагогических кадров по специальностям «Экология» и «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов». С 1982 г. вопросы координации экологического образования в университете стал частично решать сектор экологии и природопользования при научной лаборатории регионологии. Начала активно распространяться идея открытия в университете кафедры охраны природы или природопользования.

Мордовский государственный педагогический институт в Ельниковском районе создал биологическую базу для проведения полевых практик и исследовательской работы преподавателей и студентов. В подготовке учителей биологии и химии стали широко использоваться ролевые игры экологического содержания.

В Мордовском республиканском институте усовершенствования учителей (ныне МРИО) в курсовую подготовку учителей географии, биологии и химии постоянно включались вопросы охраны природы. Педагоги школ получили для использования в своей работе новые издания ученых вузов².

Экологическое обучение в образовательных учреждениях республики стало принимать более организованные и действенные формы в 90-е гг. Толчком к работе послужило проведение Министерством образования республики по инициативе Мордовского института усовершенствования учителей в мае 1990 г. республиканской научно-практической

конференции «Экологическое образование и воспитание подрастающего поколения в учреждениях народного образования Мордовской АССР», нацелившей педагогов республики на усиление эколого-природоохранного обучения и воспитания подрастающего поколения.

Во исполнение решения Верховного совета республики приказом Министра образования республики от 27 августа 1991 г. в школах Мордовии было введено преподавание нового предмета «Основы экологии» по региональным программам и учебнику³. На V Международной конференции по экологическому образованию в г. Москве (1995 г.) прошла презентация учебника и было констатировано, что в Мордовии издан первый отечественный школьный учебник экологии, а на VI аналогичной конференции в Санкт-Петербурге (1996 г.) он был признан экспертной комиссией наиболее удачным из 9 изданных к тому времени в России учебников и учебных пособий. Об этом свидетельствуют публикации в журналах «Биология в школе», «Экология и жизнь», а журнал Российской ассоциации «Экологическое образование» — «Вестник АсЭКО» опубликовал полностью один параграф учебника «Краткий очерк эколого-природоохранительной деятельности людей».

Учебник экспонировался на выставках в Нижнем Новгороде и Волгограде, организованных Экологическим парламентом Волжского бассейна и Северного Каспия, в павильоне «Народное образование» Всероссийского выставочного центра (ВДНХ), на международных выставках в Болгарии и Нидерландах. Федеральный министр образования Е. В. Ткаченко, опираясь на мнение советника Президента России по экологическим вопросам академика А. В. Яблокова, продемонстрировал учебник во время выступления по центральному телевидению и дал ему высокую оценку. В экологическом воспитании добрую службу сослужили книги и пособия, изданные в 90-е гг.⁴

Предметом особой заботы стал новый предмет «Основы экологии», который был включен Министерством образования республики в региональный компонент Республиканского базисного учебного плана. Мордовия первая ввела преподавание экологии в школах и профессиональных училищах.

В помощь учителю было издано методическое пособие «Уроки экологии в 10—11 классах», имеющее выраженную

региональную направленность⁵. Важным событием в республике стало проведение в 1998 г. в г. Саранске Всероссийской экологической олимпиады школьников. Выбор столицы Республики Мордовия для этого мероприятия стал свидетельством признания опыта республики по экологическому образованию подрастающего поколения. Об указанном опыте республики информировал педагогическую общественность России авторитетный федеральный журнал «Народное образование». Итоги Всероссийской олимпиады показали достаточно высокий уровень теоретических знаний у учащихся республики. В Мордовии ежегодно организовывались экологические олимпиады школьников. На них обращали на себя внимание успехи школ № 7, 26 г. Саранска, № 4, 5 г. Рузаевки, Шаверской средней школы Краснослободского района и др.

Координацию всей работы осуществлял Республиканский совет по экологическому образованию, функционировавший как общественный орган при Министерстве образования республики. Совет регулярно предоставлял информацию о состоянии экологического просвещения в образовательных учреждениях республики в «Государственный доклад о состоянии окружающей среды в Республике Мордовия», издаваемый Министерством экологии и природопользования республики.

Осуществлялось плодотворное сотрудничество с Региональным учебным округом при Мордовском государственном университете. Совместно была организована секция экологического образования. К юбилейной конференции, организованной Учебным округом ко Дню Земли, был выпущен по инициативе секции отдельный номер федерального журнала «Интеграция образования», посвященный вопросам экологического образования и экологическим проблемам Мордовии.

Большую работу проводит детская республиканская организация «Зеленый мир», которая была организована в средней школе № 7 г. Саранска. Экологическую направленность приобрела деятельность республиканской станции юных натуралистов. Любовь к природе у саранских школьников прививал отдел натуралистической работы городского Дворца детского творчества г. Саранска. Много интересных поездок станция юных натуралистов г. Рузаевки организовывала в музеи и вузы республики. Большую работу с детьми про-

водила Атяшевская станция юных натуралистов. Во многих дошкольных учреждениях республики организованы уголки живой природы для привития детям любви к природе. Следует также отметить, что в республике сформировался весьма профессиональный актив педагогов, ведущих эффективную эколого-природоохранную работу с детьми.

Вопросы содержания и методики экологического образования занимали заметное место в работе Мордовского республиканского института повышения квалификации работников образования. В курсовой подготовке читались лекции для различных категорий педагогических работников республики, выполнялись курсовые работы по экологической тематике. В межкурсовой период читались спецкурсы. Был проведен республиканский семинар для заведующих районными (городскими) методическими кабинетами на базе школ Большеберезниковского района, биостанции Мордовского государственного университета и с участием лицез № 7 г. Саранска.

Для учителей биологии и географии школ республики был организован экологический практикум на турбазе «Сура» для передачи опыта наблюдений в природе и экологического мониторинга состояния среды, который был приобретен нами на практикуме для преподавателей вузов и школ на озере Байкал. Тон работе задавал ВНИК «Экология», в состав которого входили преподаватели и методисты Мордовского республиканского института повышения квалификации работников образования.

Экологическое направление работы стало популярным в образовательных учреждениях республики. Об этом свидетельствуют республиканские выставки, проводившиеся на ежегодных августовских конференциях. Так, это направление развивали школы Озерная Zubово-Полянского, Новотроицкая Старошайговского, Мокшалеяская Чамзинского, Лесозаводская и Турдаковская Ардатовского районов и др. Во многих школах республики велось преподавание экологии в начальном и среднем звеньях. Для исключения дублирования и обеспечения преемственности в преподавании экологии была подготовлена и издана программа для 5—9 классов. Экологическое направление развивали и некоторые дошкольные учреждения республики.

Еще на II Республиканской конференции (1995 г.) поставлена задача создать в республике систему непрерывного экологического образования, структура которой была изложена в журнале «Интеграция образования»⁶. В 2000 г. на III Республиканской конференции обсуждена Концепция непрерывного экологического образования, с принятием которой завершился этап становления региональной системы, охватывающей все ступени образования: от дошкольной до послевузовской. Дальнейшее развитие системы требует инициативы и творчества нынешних педагогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Луговой А.Е. Птицы Мордовии. Горький: Горьк. гос. пед. ин-т, 1975. 299 с.; Душин А.И. Рыбы реки Суры. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1977. 130 с.

² См.: Луговой А.Е. Крылатые друзья. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 128 с.; Ануфриев А.Н. Полезные ископаемые Мордовской АССР, 1985. 74 с.; Голубчик М.М. География Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 104 с.; Астрадамов В.И., Ворсобица Л.И. Редкие и исчезающие виды растений и животных. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 102 с.; Нарезный В.П. Инерка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 52 с.; Писачкин В.А. Мораль и экологическое воспитание. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 76 с.; Терешкин И.С. Живи родник! Пойма Мокши: экологические аспекты преобразований. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 44 с.

³ См.: Жидкин В.И. Программы по экологии (10—11 классы). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 28 с.; Жидкин В.И., Астрадамов В.И., Ворсобица Л.И., Якунчев М.А. Основы экологии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 352 с.

⁴ См.: Аладышев Ю.А., Константинов С.А. Бумеранг: экология и безопасность развития Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 96 с.; Писачкин В.А. Природа, разум и милосердие. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 184 с.; Аладышев Ю.А. Вступаю в XXI в. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 160 с.; Каменев А.Г. Биопродуктивность и биоиндикация водоемов Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. 96 с., Альба Л.Д., Вечканов В.С. Редкие и исчезающие позвоночные животные Мордовии. Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та, 1994. 84 с.; Фролов А.Ф. Экология и здоровье населения. Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та, 1994. 289 с.; Фролов А.Ф., Владимиров Ю.П. Гигиенические основы радиационной безопасности населения. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1994. 214 с.; Аширов Р.С., Фролов А.Ф., Владимиров Ю.П. Актуальные проблемы радиационной медицины и гигиены. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1996. 216 с.; Астрадамов В.И. Особо охраняемые природные территории. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 154 с.; Бударков В.А., Зенкин А.С., Киршин В.А. Краткий радиозоологический словарь. Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та,

1998. 255 с.; Прохоров А.А. Синичкин сарафан. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. 62 с.; Прохоров А.А. Полотенце Вирявы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 69 с.; Прохоров А.А. В гостях у бабушки Ведявы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 77 с.

⁵ См.: Якунчев М.А., Жидкин В.И. Уроки экологии в 10—11 классах: пособ. для учителя. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 376 с.

⁶ Жидкин В.И. Система непрерывного экологического образования // Интеграция образования. 1999. № 2. С. 6—12.

Поступила 28.05.2014.

**V. I. Zhidkin, M. A. Yakunchev. Establishment
of the Regional System of Continuous Environmental Education**

The main approaches to solving ecological problems are environmental education of the younger generation, environmental training of specialists and environmental education of the population, therefore it is important to introduce into the minds of children and adults the so-called «ecological imperative» that defines the attitude of a man towards nature. This task was taken on by the teachers of universities and other higher education institutions who began the implementation of environmental education in Mordovia using various forms and methods, creatively applying them in their work.

Due to the publication of children's books about nature, and then a textbook and a training manual for teachers, a planned and systematic development of ecological thinking was conducted. On this basis, a responsible attitude of students towards nature has been formed. Successful performance of schoolchildren at the Republican and the all-Russian Environmental School Olympiads are the indicators of this attitude.

The republic has developed a group of activists who practice a creative approach to environmental education of the younger generation; a regional system of continuous environmental education have been formed, covering all levels of education — from pre-school to postgraduate.

Teachers of the older generations are an example for young teachers in learning the new environmental approach in education.

ZHIDKIN Vladimir Ilyich, Candidate of Biological Sciences, Docent, Professor at the Department of Merchandising and Technology of Trading Processes, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

YAKUNCHEV Mikhail Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Biology, Geography and Teaching Methods, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

N. E. НЕХАЕВА

**ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕТНИХ
ДЕТСКИХ ФИННО-УГОРСКИХ
ЛАГЕРЕЙ РОССИИ**

Ключевые слова: опыт, летний лагерь, детский финно-угорский лагерь, национальная культура, школьники, творчество, этнокультурный лагерь, национальная политика, финно-угорские народы России

Key words: experience, summer camp, children's Finno-Ugric camp, ethnic culture, schoolchildren, creativity, ethno-cultural camp, ethnic policy, Finno-Ugric peoples of Russia

В статье анализируется важность организации летнего отдыха детей, значение детских этнокультурных лагерей, а также рассматриваются география и опыт проведения в России летних детских финно-угорских лагерей.

The paper analyzes the importance of arrangement of summer holidays for children, the importance of children's ethnic and cultural camps, it discusses the geography and the experience of arranging them in Russia.

Изучение опыта проведения летних детских финно-угорских лагерей позволяет выявить положительные и отрицательные моменты его организации, оригинальные идеи, используемые инновационные методики.

Организация летних детских лагерей не только рассматривается в научных трудах, но и становится темой обсуждения педагогических работников и ученых за круглыми столами¹. Летние каникулы составляют значительную часть годового объема свободного времени школьников и являются активной порой социализации детей и подростков, когда есть все возможности для занятий по интересам, творческой самореализации, интеллектуального развития, формирования общественно значимых компетенций, лидерских качеств. Летние лагеря, помимо функции оздоровления детей, несут и функцию дополнительного образования посредством работы

НЕХАЕВА Наталья Евгеньевна, доцент кафедры международного и регионального туризма Мордовского государственного университета, кандидат географических наук.

различных творческих мастерских. Творчество сопровождает человека всю жизнь, является мощным средством совершенствования духовного здоровья личности, дает ощущение свободы, необходимое для поиска гармонии в себе и окружающем мире, гармонии во взаимоотношениях с другими людьми. В творческой деятельности происходит слияние четырех основных направлений воспитательного воздействия: познавательного, созидательного, ценностно-ориентационного и коммуникативного. Эти направления должны быть представлены в программе в виде определенных форм работы с разновозрастным коллективом детей.

Научных работ по тематике детских финно-угорских лагерей мы не нашли, а ведь сегодня в России и мире национальная политика и развитие национальных языков — один из приоритетов. Детский этнокультурный лагерь дает возможность развития творческого потенциала молодежи, формирования культуры межнационального общения и толерантного сознания. В результате у учащихся пробуждается интерес к культуре, традициям не только своего народа, но и других, в том числе финно-угорских народов. Это значит, что в будущем традиции народов финно-угорского мира будут сохранены и переданы потомкам.

Анализ детских финно-угорских лагерей России позволил определить их основную цель — возрождение и сохранение культурного наследия финно-угорских народов и приобщение к нему детей во время летних каникул.

Среди всего многообразия задач следует выделить основные: организация системы мероприятий, направленных на пробуждение у детей интереса к изучению языка и традиций своего народа; раскрытие творческого потенциала детей; укрепление навыков здорового образа жизни; развитие различных форм языкового общения в разновозрастных группах; сохранение и развитие родного языка как основы национальной культуры; формирование знаний об истории своего народа, его языковой культуре, национальном характере, традициях и обрядах, нормах и правилах поведения, художественных и ремесленных промыслах, фольклоре; воспитание активных, ответственных граждан, осознающих себя представителями своего народа, способных сохранить и развивать национальные традиции и культуру, быть равными среди других культур и народов; развитие и

укрепление региональных и межрегиональных отношений, дружеских контактов².

Многонациональный состав населения Мордовии предполагает существование в рамках ее образовательной системы комплекса специфических национальных проблем образования от определения и обеспечения языка обучения до реализации целей воспитания на этнической, культурной основе. Поэтому Министерство образования Республики Мордовия оказывает всемерное содействие в изучении мордовских (мокшанского, эрзянского) языков в регионах России с компактным проживанием мордовского населения, а с 2009 по 2013 г. для победителей и призеров межрегиональных и республиканских олимпиад по мордовским (мокшанскому, эрзянскому) и татарскому языкам и литературе были организованы межрегиональные образовательно-оздоровительные этнокультурные лагерные смены «Живи, родной язык!» на базе детских оздоровительных лагерей «Орленок» Ичалковского района (2009, 2011 гг.), «Сивинь» Краснослободского района (2012—2013 гг.) и на базе санатория «Алатырь» Ичалковского района Мордовии (2010 г.). В этнокультурных лагерных сменах «Живи, родной язык!» отдыхали до 100 чел. учащихся общеобразовательных учреждений республики и 8 регионов России.

Программа этнокультурного лагеря состоит из учебного процесса и культурно-досуговой деятельности. Учебный процесс осуществляет преподавательский состав из различных учреждений Мордовии. Формами организации учебной и научно-исследовательской работы являются лекции, практикумы, работа над научно-исследовательскими проектами по мокшанскому, эрзянскому, татарскому языкам и литературе, истории и культуре родного края. Защита проектов осуществляется на межрегиональной научно-практической школьной конференции в конце лагерной смены, по итогам которой члены жюри определяют призовые места.

В Мордовии в 2010—2012 гг. организовывались лагеря финно-угорской молодежи «Созидание»³. Но поскольку они проводились в феврале, то их изучение не входит в нашу задачу. В сентябре 2012 г. на базе санаторно-оздоровительного комплекса «Надежда» прошел первый Международный этнокультурный студенческий лагерь-школа «Шачема мастор» («Родина»), темой которого стали культура и

искусство финно-угорских народов⁴. Несмотря на то что в работе лагеря-школы приняли участие около 100 чел. из финно-угорских регионов России (Коми, Удмуртия, Марий Эл, Башкортостан) и зарубежных стран (Финляндия, Норвегия, Венгрия, Казахстан), к летнему и детскому этот лагерь отнести также нельзя.

Анализ работы летних детских финно-угорских лагерей Мордовии подтвердил актуальность этого направления деятельности и его недостаточную разработанность. В республике проходит, по сути, всего один детский летний лагерь с этнокультурной тематикой «Живи, родной язык», но и он имеет специфику, несколько отличную от детского финно-угорского лагеря, так как в нем участвуют не все дети, желающие приобщиться к культуре своего народа и других финно-угорских народов, а только победители и призеры межрегиональных и республиканских олимпиад по мордовским (мокшанскому, эрзянскому) и татарскому языкам и литературе, что сужает рамки его деятельности.

В России детские финно-угорские и этнокультурные лагеря организуются в республиках Марий Эл, Удмуртия, Коми и Пермском крае. В других финно-угорских регионах подобные лагеря не выявлены. В республиках Марий Эл и Удмуртия такие лагерные смены проводятся с 1991 и 1993 гг. соответственно, что свидетельствует о большом опыте в данной области.

Большинство лагерей организуются на базе летних оздоровительных лагерей или санаториев, где имеются хорошая инфраструктурная база и возможность круглосуточного пребывания детей. В лагерь приглашают в основном ребят из сельской местности, которые в значительной степени социализированы в современном обществе. Здесь для них создаются комфортные условия в психологическом плане, чтобы сформировать у них положительную идентификацию себя как представителя своей национальности, развить чувство национальной гордости. Инициатива организации лагерей исходит во многом от молодежных региональных организаций. Для всех лагерей характерна большая насыщенная программа в образовательном и развлекательном планах.

Стоит отметить, что отрицательных моментов при организации лагерей нами выявлено значительно меньше, чем положительных. Среди них выделим ограниченное участие

в лагере детей из всех субъектов финно-угорского пространства, в том числе городов. Кроме того, многие лагеря имеют незначительную вместимость и слабую информационную базу. В части лагерей практикуются наличие организационные взносы или оплата проживания и питания за счет участников лагеря, что значительно ограничивает возможности детей из малообеспеченных семей.

Таким образом, опыт организации летних детских финно-угорских лагерей России может найти отражение в региональной политике в области образования и культуры Республики Мордовия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Детский лагерь — шаг навстречу. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/183/9523.php> (дата обращения: 10.01.2014); Дик Н.Ф. Организация летнего отдыха и занятости детей. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 352 с.; Фришман И. Организация летнего отдыха детей и подростков: идеи и концепции // Нар. образование. 2003. № 3. С. 33—41; Рыбинский Е. Научно-методические основы летнего отдыха // Там же. 2000. № 4—5. С. 5—13.

² См.: Приказ Министерства образования Республики Мордовия «Об организации образовательно-оздоровительного этнокультурного лагеря "Живи, родной язык!"» (вместе с «Положением об образовательно-оздоровительном этнокультурном лагере "Живи, родной язык!"», «Программой образовательно-оздоровительного этнокультурного лагеря "Живи, родной язык!"»). URL: <http://zakon-region3.ru/2/100394> (дата обращения: 10.01.2014); «Шундыкар» научит молодых финно-угров быть лидерами по-удмуртски. URL: <http://www.fucongress.org/news/shundykarnauchitmolodyxfinnougrovbytlideramipoudmurtski> (дата обращения: 10.01.2014); Информационное письмо о проведении I Международного летнего творческого лагеря финно-угорской молодежи «FUорт». URL: <http://www.pandia.ru/text/77/294/83657.php> (дата обращения: 10.01.2014); Летний творческий лагерь финно-угорской молодежи «FUорт». URL: <http://yamedia.org/calendar/events/?id=131> (дата обращения: 10.01.2014); Международный финно-угорский этно-экологический лагерь в Удмуртии приглашает участников. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/31302> (дата обращения: 10.01.2014); Детский финно-угорский лагерь продолжает набор участников. URL: <http://finugor.ru/node/17576> (дата обращения: 10.01.2014); В Коми открылась международная финно-угорская экологическая школа-лагерь. URL: <http://www.komiinform.ru/news/90319> (дата обращения: 10.01.2014).

³ См.: В Мордовии действует лагерь финно-угорской молодежи. URL: <http://www.finnougoria.ru/about/events/22898> (дата обращения: 10.01.2014).

⁴ См.: Международный этнокультурный студенческий лагерь-школа «Шачема мастор» состоялся. URL: <http://saransk.bezformata.ru/listnews/studencheskij-lager-shkola-shachema/6761768> (дата обращения: 10.01.2014);

В Республике Марий Эл прошла XVII смена Международного лагеря детей финно-угорских народов. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2008/08/0801_16.html (дата обращения: 10.01.2014); В Республике Коми заработает международная финно-угорская экологическая школа-лагерь. URL: <http://www.fucongress.org/news/v-respublike-komi-zarabotaet-mezhdunarodnaya-finno-ugorskaya-ekologicheskaya-shkola-lager> (дата обращения: 10.01.2014); Международная финно-угорская экологическая школа-лагерь. URL: <http://sktivkar.bezformata.ru/listnews/ugorskaya-ekologicheskaya-shkola-lager/4935648> (дата обращения: 10.01.2014); Юбилейный лагерь «Шундыкар-2012» научил юных талантливых удмуртов и эстонцев быть успешными. URL: <http://finugor.ru/node/24219> (дата обращения: 10.01.2014); Участники лагеря «Шундыкар-2013» учились видеотворчеству, раскрашивали беседки в удмуртском стиле и собирали фольклор. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/33198> (дата обращения: 10.01.2014).

Поступила 23.01.2014.

N. Ye. Nekhaeva. Experience of Arrangement of Summer Children's Finno-Ugric Camps in Russia

The paper analyzes the importance of arrangement of summer holidays for children, the importance of children's ethnic and cultural camps; it discusses the geography and the experience of arranging them in Russia. The considered activity may be reflected in the regional policy in the field of education and culture of the Republic of Mordovia.

On the basis of multiple sources, geography and experience of arrangement of children's summer Finno-Ugric camps in Russia are considered, the analysis of which allowed to determine their main goal and objectives. The review of children's summer Finno-Ugric camps in Mordovia confirmed the relevance of this activity and its insufficient development. It is noted that there is only one summer camp for children with ethnic themes in the republic — «Live, mother tongue», which has its specificity somewhat different from the children's Finno-Ugric camp. It is noted that they are arranged in the Republics of Mari El, Udmurtia, Komi, in the region of Perm Krai. There are no such camps in other regions. Positive and negative experiences of their arrangement and holding are exposed, which can be used in the formation of regional policy of the republic in the field of education and culture.

NEKHAEVA Natalia Yevgenievna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor at the Department of International and Regional Tourism, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

С. М. ВДОВИН

УЛУЧШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: инвестиционная политика, инвестиционный климат, устойчивое развитие, регион, факторы, сценарии развития, стратегические приоритеты, инвестиционные риски

Key words: investment policy, investment climate, sustainable development, region, factors, development scenarios, strategic priorities, investment risks

В статье рассмотрены теоретические положения, раскрывающие содержание инвестиционного климата. Обоснована необходимость учета новых методологических подходов и факторов, влияющих на его формирование.

The paper considers the theoretical propositions exposing the content of the investment climate; the necessity of taking into account new methodological approaches and factors affecting its formation is substantiated.

Эффективное функционирование и развитие хозяйственных систем предполагает экономическую и политическую стабильность, устойчивую финансово-кредитную систему, наличие соответствующей нормативно-правовой базы и т. д. Для комплексного анализа условий рационального использования инвестиций в экономической науке и практике применяется категория инвестиционного климата. Это обобщенная характеристика совокупности социальных, экономических, организационных, правовых, политических, социокультурных предпосылок, предполагающих привлекательность и целесообразность инвестирования в ту или иную хозяйственную систему: экономику страны, региона, корпорации¹.

Для характеристики условий осуществления инвестиционной деятельности в России разработана схема формирования инвестиционного климата региона. Его основными составляющими являются инвестиционная активность и

ВДОВИН Сергей Михайлович, ректор Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

инвестиционная привлекательность, включающая инвестиционный потенциал и инвестиционный риск².

Основные параметры инвестиционного климата регулируются государством с помощью административных и экономических методов в рамках разрабатываемой государственной инвестиционной политики. Благоприятный инвестиционный климат способствует привлечению инвестиций в страну или регион, его улучшение обеспечивает дополнительные ресурсы для национальной или региональной экономики. В связи с этим необходимо управление инвестиционным климатом, схема которого представлена на рис. 1.

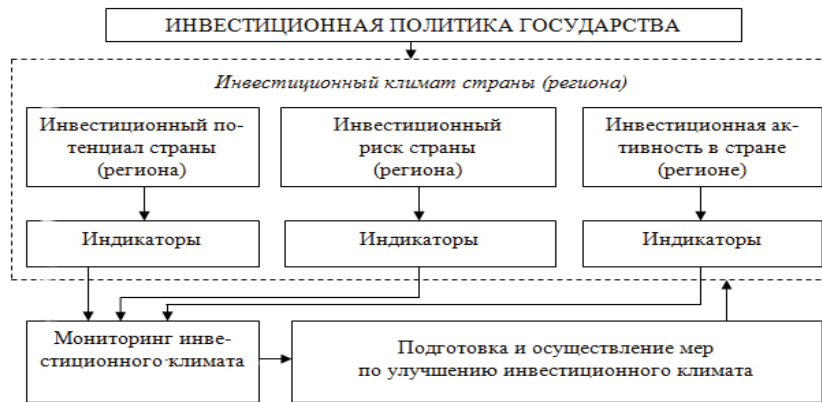

Рис. 1. Схема управления инвестиционным климатом страны (региона)

Инвестиционная политика государства воздействует на инвестиционный климат через управляемые факторы, способствующие качественному улучшению условий инвестирования (рис. 2).

Для принятия управленческих решений целесообразно осуществлять их оценку на основе многофакторного подхода. Сводным показателем при этом является сумма множества средневзвешенных оценок по всем факторам:

$$Q = \sum (x_j P_j) ,$$

где Q — суммарная взвешенная оценка инвестиционного климата региона, x_j — средняя балльная оценка j -го фактора для региона, отрасли, P_j — вес j -го фактора.

Рис. 2. Факторы, оказывающие влияние на инвестиционный климат страны (региона)

Сводный показатель оценки инвестиционного климата не может служить однозначным критерием привлекательности той или иной хозяйственной системы для вложения инвестиций. Он обычно дополняется информацией о развитости тех или иных факторов, оказывающих непосредственное влияние на состояние и динамику инвестиционного климата.

Наряду с многофакторным подходом к оценке инвестиционного климата, существует также рисковый подход, который используется специалистами рейтингового агентства «Эксперт РА». Он рассчитан на стратегического инвестора. Инвестиционный потенциал оценивается на основе макроэкономических характеристик, включающих наличие на территории факторов производства, потребительский спрос, результаты хозяйственной деятельности, уровень развития науки и внедрения ее достижений, наличие ведущих инвестиционных институтов, обеспеченность комплексной инфраструктурой. Инвестиционные риски оцениваются с позиции вероятности потерь инвестиций и дохода.

За рубежом оценка инвестиционного климата осуществляется применительно к национальной экономике. В Японии используют описательные характеристики инвестиционного климата без количественной оценки. Поскольку эта методика

затрудняет сравнение и в ней велик элемент субъективизма, попытки внедрить ее в России не были поддержаны специалистами. В США применяют метод учета различных факторов, на основе которого публикуется «Ежегодная статистическая карта» по всем штатам. Она включает четыре обобщенных показателя инвестиционного климата: экономическую эффективность инвестиций, деловую жизнеспособность, потенциал развития территории, составляющие налоговой политики. Методика журнала «Euromoney» предполагает опрос экспертов, представляющих крупные банки развитых стран, но она учитывает и статистическую информацию о состоянии того или иного фактора. Среди характеристик этих факторов: макроэкономические показатели, риск неплатежей за товары, невозврат кредитов, невыплаты дивидендов, показатели долгов, оценка кредитоспособности стран³.

Появился ряд новых методологических положений, которые необходимо учитывать при формировании инвестиционного климата. Во-первых, инвестиционный климат должен обеспечивать баланс интересов получателя инвестиций и инвестора, которые нередко преследуют неодинаковые цели: первый желает решить максимум задач при минимуме средств, второй — извлечь максимум прибыли и закрепиться на рынках на длительный период. Во-вторых, инвестиционный климат должен быть, с одной стороны, стабильным в течение длительного времени, с другой — достаточно гибким, т. е. учитывать перемены в соотношении используемых факторов-ресурсов общественного воспроизводства. В-третьих, инвестиционный климат должен способствовать инновационному развитию экономики на основе более широкого инвестирования в человеческие ресурсы. В-четвертых, инвестиционный климат не должен нарушать устойчивость и безопасность социально-экономических систем.

Многообразие и динамизм факторов, оказывающих влияние на состояние инвестиционного климата в стране (регионе), усложняют процессы мониторинга и оценки условий его формирования, что обуславливает необходимость обоснования стратегических приоритетов улучшения инвестиционного климата. Эта проблема исследуется нами применительно к одному из регионов Приволжского федерального округа — Республике Мордовия.

Инвестиционное развитие Мордовии характеризуется следующими положительными тенденциями: рост общего объема инвестирования; увеличение объемов инвестиций в создание объектов интеллектуальной собственности и затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы; возрастание роли амортизационных отчислений в структуре инвестиций в основной капитал; улучшение структуры инвестиций в основной капитал за счет повышения доли инвестиций частного бизнеса; рост объемов зарубежных инвестиций, направляемых на развитие экономики. В республике создана благоприятная нормативно-правовая база инвестиционной деятельности, реализуется Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе, разработанный Агентством стратегического развития, что позволяет реализовывать крупные инвестиционные и инновационные проекты.

Несмотря на активизацию инвестиционной деятельности, в республике остаются нерешенными ряд проблем, многие из которых характерны для России в целом: неустойчивый рост инвестиций; высокая степень износа производственных фондов по многим видам экономической деятельности; сравнительно низкая доля собственных средств предприятий и организаций в инвестициях в основной капитал; низкая роль банковских кредитов в системе источников финансирования инвестиций; неблагоприятная структура иностранных инвестиций (преобладание торговых кредитов). Кроме того, для республики характерен недостаточный внутренний спрос для реализации крупных инвестиционных проектов.

Согласно оценке рейтингового агентства «Эксперт РА», инвестиционный рейтинг Мордовии относится к категории 3В2, который характеризуется незначительным потенциалом и умеренным риском⁴. На рис. 3 представлено распределение ее отдельных видов потенциалов в процентах от РФ в целом.

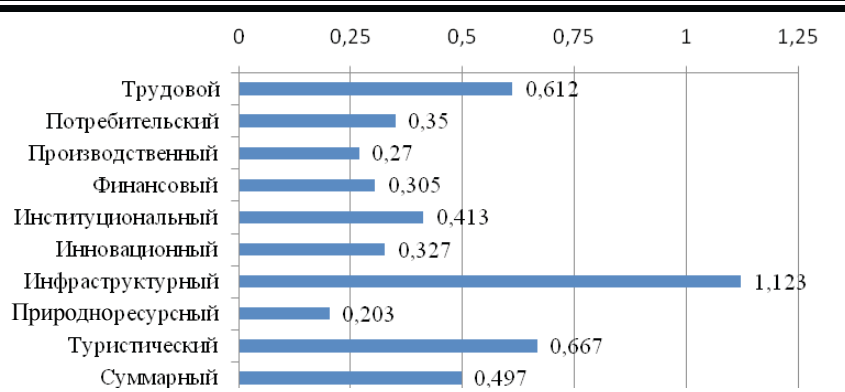

Рис. 3. Распределение частных видов потенциалов Республики Мордовия, % от РФ

Республика обладает относительно неплохим инфраструктурным, трудовым и туристическим потенциалами. В то же время у нее низкий уровень природно-ресурсного, производственного и финансового потенциалов. Многие виды рисков в Мордовии выше, чем в России, исключая экологический и управленческий риски (рис. 4).

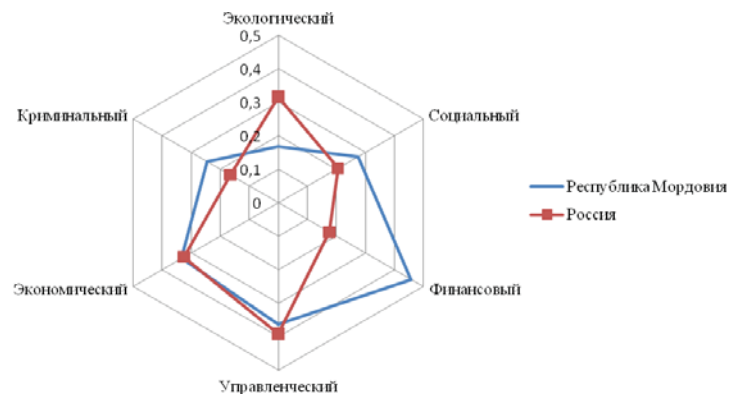

Рис. 4. Распределение частных видов рисков Республики Мордовия по сравнению со средним по России

Таким образом, в целом инвестиционный климат в республике характеризуется более низкой привлекательностью

в сравнении с другими регионами РФ и более высокими рисками. Для улучшения инвестиционного климата в Мордовии коллективом ученых Мордовского государственного университета совместно со специалистами Министерства экономики Республики Мордовия была разработана инвестиционная стратегия.

Основными целями стратегии являются повышение инвестиционной привлекательности региона как для отечественных, так и для зарубежных инвесторов; рост инвестиционной активности в регионе за счет внутренних и внешних инвестиционных ресурсов; развитие инновационных кластеров и повышение конкурентоспособности существующих отраслей на основе эффективного использования мобилизованных инвестиционных ресурсов; развитие человеческого потенциала региона, рост уровня и качества жизни населения; устойчивое развитие муниципальных образований республики. При разработке инвестиционной стратегии были учтены факторы, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие Мордовии в 2013—2020 гг. (рис. 5).

Существенное влияние на социально-экономическое развитие региона в 2013—2020 гг. будут оказывать рост внутреннего рынка страны, вступление России в ВТО, изменение структуры базовых секторов экономики региона под воздействием экономической модернизации и глобальной конкуренции. С учетом этих факторов в республике возможны два сценария социально-экономического развития: *умеренно оптимистический*, основанный на относительно благоприятных оценках внешних условий, и *консервативный*, базирующийся на сохранении сложившейся модели развития региона (табл. 1).

Учитывая невысокий потенциал и относительно высокие риски, для Мордовии более приемлем умеренно-оптимистический сценарий развития, согласно которому индекс физического объема ВРП в % к предыдущему году составит 107,4 % при индексе инвестиций в основной капитал — 112,3 %. Это потребует улучшения инвестиционного климата для привлечения инвестиционных ресурсов. В табл. 2 систематизированы основные финансовые и нефинансовые способы привлечения инвестиций в регион.

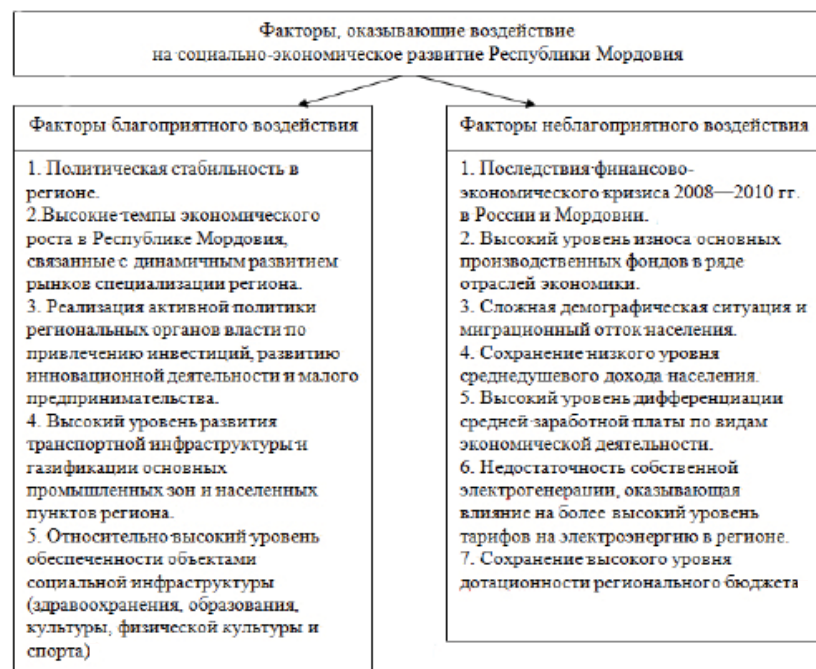

Рис. 5. Факторы, оказывающие воздействие на социально-экономическое развитие Республики Мордовия

Таблица 1

Основные показатели прогнозных сценариев развития Республики Мордовия до 2020 г.

Показатель	Умеренно оптимистический сценарий	Консервативный сценарий
ВРП, млн руб. в текущих ценах	434 806,7	361 934,9
Объем инвестиций в основной капитал, за исключением бюджетных средств, млн руб. в ценах соответствующего года	90 512,3	87 207,7
Индекс физического объема ВРП, % к предыдущему году в сопоставимых ценах	107,4	105,5
Инвестиции в основной капитал, % к предыдущему году	112,3	108,2
Индекс потребительских цен, % к предыдущему году	104,5	104,4

Показатель	Умеренно оптимистический сценарий	Консервативный сценарий
Производительность труда, % к предыдущему году	108,3	106,3
Расходы и сбережения, % к предыдущему году в сопоставимых ценах	107,2	106,3

Таблица 2

Способы привлечения инвестиций в Республику Мордовия

Способ	Форма и метод реализации способа	Основание применения
Предоставление инвесторам государственной поддержки	Предоставление льгот по налогам и сборам, субсидий, инвестиционного налогового кредита, государственных гарантий РМ, бюджетных кредитов, инвестиций и др.	Закон РМ «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия» от 20 февраля 2006 г. № 6-З
Предоставление льгот по налогу на имущество организаций	Освобождение от уплаты налога на имущество организаций, реализующих инновационные и приоритетные инвестиционные проекты	Закон РМ «О налоге на имущество организаций» от 27 ноября 2003 г. № 54-З
Предоставление льгот по налогу на прибыль организаций	Установление налога на прибыль в размере 13,5 % для организаций, реализующих приоритетные инвестиционные проекты	Закон РМ «О снижении ставок по налогу на прибыль организаций» от 25 ноября 2004 г. № 77-З
Освобождение инвесторов от уплаты земельного налога	Освобождение инвесторов от уплаты земельного налога, зачисляемого в местный бюджет	В соответствии с решениями органов местного самоуправления
Предоставление субъектам инвестиционной деятельности государственных гарантий	Предоставление государственных гарантий РМ юридическим лицам и муниципальным образованиям безвозмездно на конкурсной основе	Закон РМ «О предоставлении государственных гарантий Республики Мордовия» от 21 февраля 2008 г. № 5-З
Содействие формированию благоприятного инвестиционного климата, снижение административных барьеров	Обеспечение взаимодействия участников инвестиционного процесса	Указы Главы РМ «Об утверждении инвестиционной декларации Республики Мордовия» № 155-УГ, «О совете по улучшению инвестиционного климата в Республике Мордовия» № 156-УГ

Способ	Форма и метод реализации способа	Основание применения
Предоставление субсидий на возмещение части затрат по оплате процентов за пользование кредитами российских кредитных организаций и возмещение части затрат на уплату лизинговых платежей	Предоставление субсидий в целях модернизации действующих и создания новых конкурентоспособных производств (размер субсидий — 2/3 ставки рефинансирования Центробанка РФ, но не более 2/3 от суммы фактически уплаченных процентов). Предоставление субсидий организациям, реализующим инвестиционные проекты, включенные в Республиканскую целевую программу развития РМ на 2013—2018 гг.	Постановления Правительства РМ от 18 марта 2013 г. № 88, от 18 марта 2013 г. № 89
Залоговое обеспечение под привлекаемые кредиты	Предоставление юридическим лицам и крестьянскими (фермерскими) хозяйствам, реализующим проекты в приоритетных сферах экономики РМ, на конкурсной основе государственных кредитов	Закон РМ «О Залоговом фонде Республики Мордовия» от 24 декабря 2010 г. № 106-З. Постановления Правительства РМ «Об утверждении Порядка формирования и учета залогового фонда Республики Мордовия» от 21 февраля 2011 г. № 60, «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по вопросам предоставления государственного имущества в залог» от 23 апреля 2007 г. № 181
Предоставление субъектам малого предпринимательства государственной поддержки в форме снижения налоговой нагрузки и предоставления субсидий	Снижение налоговой нагрузки на малый и средний бизнес с 15 до 5 % в зависимости от видов экономической деятельности	Закон РМ «О налоговых ставках при применении упрощенной системы налогообложения» от 4 февраля 2009 г. № 5-З. Постановления Правительства РМ от 27 декабря 2010 г. № 515, от 4 июля 2011 г. № 236, от 4 июля 2011 г. № 237

Содержание табл. 2 свидетельствует о том, что для улучшения инвестиционного климата в регионе планируется использование различных способов государственной поддержки инвесторов, предоставление им разнообразных льгот в виде субсидий, гарантий, освобождения от некоторых налогов. Эти способы подкреплены соответствующими нормативно-правовыми актами республики.

Таким образом, улучшение инвестиционного климата в республике позволит повысить ее инвестиционную и инновационную активность и создать предпосылки для устойчивого развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гуськова Н.Д., Краковская И.Н., Слушкина Ю.Ю., Маколов В.И. Инвестиционный менеджмент. М.: КНОРУС, 2014. С. 410.

² См.: Гришина И., Шахназаров А., Ройзман И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей. URL: <http://www.ivr.ru/2001/rus/po104/po1042.htm> (дата обращения: 15.05.2014).

³ См.: Фоломьев А., Ревазов В. Инвестиционный климат регионов России и пути его улучшения // Вопр. экономики. 1999. № 9. С. 60.

⁴ См.: URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions> (дата обращения: 15.05.2014).

Поступила 16.07.2014.

S. M. Vdovin. Improvement of the Investment Climate as a Prerequisite for Sustainable Development of a Region

To foster innovation and investment activity of a region in the framework of the investment policy of the state it is necessary to create certain preconditions for improvement of the investment climate: economic and political stability, sustainable financial and credit system, presence of appropriate legal framework, etc. The paper considers the theoretical propositions revealing the content of the investment climate; it also substantiates the necessity of new methodological approaches and factors affecting the investment climate formation, such as: ensuring the balance of interests of the investor and the recipient of the investment, the combination of stability and flexibility, steadiness and security. A scheme to control the investment climate of the country (or a region) allowing to integrate the investment potential with risks and the investment activity is proposed. The solution to these problems is considered in the context of sustainable development of the country and the region. Along with a

multi-factorial approach to the assessment of the investment climate in the Russian Federation the risk approach based on the expert evaluation is characterized; the experience of a number of foreign countries in this area is exposed. The paper substantiates the strategic priorities of improvement of the investment climate in the Republic of Mordovia in the framework of its investment strategy. During its development two groups of factors were considered: those of positive and negative impacts on socio-economic development of the region.

Basing on the results of the factor analysis, alternative variants of the prognostic scenarios of socio-economic development of Mordovia are suggested: the moderately optimistic and the conservative ones. Taking into account the level of socio-economic development of the region, the moderately optimistic scenario is the most acceptable for it. To implement this, the ways of mobilization of investment into the economy of the region are proposed, as well as the forms and methods of their realization providing for the state support to investors, granting them with various guarantees, subsidies, tax benefits, etc.

VDOVIN Sergei Mikhailovich, Candidate of Economic Sciences, Rector of the National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**И. Е. ИЛЯКОВА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
УСЛОВИЯ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: институты, институты развития, инновационный тип развития, пирамида факторов регионального развития, инновационная деятельность

Key words: institutions, development institutions, innovative type of development, pyramid of regional development factors, innovative activity

Обозначены ключевые вопросы, связанные с формированием институциональной среды инновационного развития региона. Ситуация, сложившаяся в Мордовии анализируется посредством применения пирамиды факторов регионального развития, рассмотрены показатели инновационной деятельности в республике, определено место Мордовии в рейтинге регионов Приволжского федерального округа.

The paper identifies the key issues associated with formation of the institutional environment for innovative development of a region. The situation in Mordovia is analyzed by applying the pyramid of the factors of regional development; it considers the indicators of innovation activity in the republic, exposes the place of Mordovia in the ranking of the Volga Federal District regions.

В одной из работ, посвященных анализу институциональной динамики в странах с переходной экономикой, подготовленной группой ученых, институты рассматриваются как набор формальных и неформальных норм, степень соответствия которым непосредственно связана с уровнем социально-экономического развития конкретной страны, а также как набор механизмов и правил, обеспечивающих перераспределение ресурсов в экономике, привлечение новых инвестиций, подготовку трудовых ресурсов и формирующих системы стимулов для повышения эффективности в экономике¹. На наш взгляд, в качестве такого набора механизмов применительно к современной отечественной экономике следует рассматривать систему «институтов развития», позволяющих нейтрализовать «провалы рынка» и стимулировать распространение инновационных процессов.

ИЛЯКОВА Ирина Евгеньевна, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Концепция социально-экономического развития России до 2020 г. предусматривает, что высокий уровень эффективности экономики и устойчивый рост благосостояния населения должны быть достигнуты за счет активизации научной и инвестиционной деятельности. При этом инновационный тип развития предполагает диверсификацию экономики, повышение в ее структуре доли высокотехнологичных отраслей промышленности; высокую степень инновационной активности предприятий; наличие эффективной национальной инновационной системы, активизацию исследований и разработок (фундаментальных и прикладных); создание условий для эффективного использования квалифицированного труда и повышения качества человеческого капитала, наличие эффективной, ориентированной на конечный результат социальной инфраструктуры; повышение эффективности использования энергоносителей; создание эффективной системы спецификации и защиты прав собственности.

Россия все еще остается крупнейшим экспортером ресурсов, поставщиком мировой экономики. Так, в 2012 г. в товарной структуре экспорта РФ на минеральные продукты приходилось 71,4 %, на высокотехнологичную продукцию — лишь 7,3 %². По некоторым оценкам, в развитых странах мира 75—90 % прироста ВВП обеспечиваются за счет роста инновационного сектора. В России этот показатель находится на уровне 10 %, что негативно сказывается на общей эффективности экономики³.

К самым острым проблемам институционального характера, сдерживающим инновационный рост, следует отнести разрыв между научными организациями и бизнесом, называемый «инновационной пропастью», оторванностью отечественной науки от потребностей реального сектора экономики. Другие неблагоприятные факторы — небольшое количество малых инновационных компаний, высокая доля государственного сектора в экономике, отсутствие крупных наукоемких компаний, слабо развитый фондовый рынок и рынок капитала.

К основным вопросам, связанным с формированием институциональной среды инновационного развития, относятся проблемы финансирования инноваций. Потенциально оно может осуществляться за счет средств государственного бюджета, бизнеса, организаций науки, иных инвестиционных ресурсов. Специфика российского научно-технического

комплекса состоит в том, что в его структуре преобладает государственная форма собственности. В связи с этим, с одной стороны, оправданной является высокая доля затрат государства на науку. С другой стороны, это не ведет к активизации инновационной деятельности предприятий. Для того чтобы направить развитие этого процесса в позитивное русло, следует предпринять усилия по формированию корпоративного сектора науки.

Основным источником, за счет которого финансируются НИОКР, являются бюджетные средства. Коммерциализацию новшеств же предприятия осуществляют, опираясь в основном на собственные ресурсы. Проблема нехватки кредитных ресурсов для реализации инвестиционных проектов остается актуальной и ставит под сомнение реализацию принципа непрерывности, предполагающего комплексное финансирование каждого из этапов инновационного цикла: начиная с НИОКР и заканчивая производством инновационного продукта в промышленных масштабах (серийное производство).

Признание проблемы на государственном уровне повлекло создание так называемых институтов развития, усиление внимания к улучшению инвестиционного климата⁴. В связи с этим в стране проделана значительная работа: создан фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям); функционируют Российская венчурная компания (ОАО «РВК») и региональные венчурные фонды; основан Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»); создан Российский фонд технологического развития; ОАО «Роснано» финансирует инновационные компании, венчурные и инвестиционные фонды; Внешэкономбанк решает задачу создания условий для экономического роста и стимулирования инвестиций; для практической реализации государственной политики поддержки и стимулирования отечественного экспорта продукции машиностроения был образован Росэксимбанк; государственную программу финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства с 2004 г. реализует ОАО «МСП Банк»; для привлечения иностранных инвестиций в лидирующие компании наиболее быстрорастущих секторов российской экономики создан Российский фонд прямых инвестиций; для поддержки российского экспорта

и российских инвестиций за пределами РФ создано экспортное страховое агентство России «ЭКСАР».

К числу нерешенных проблем следует отнести недостаточный уровень координации, отсутствие единой стратегии развития системы инновационных институтов. В ситуации, когда каждый институт совершенствуется сам по себе, получить синергический эффект невозможно.

Достижение целей Концепции социально-экономического развития России до 2020 г. невозможно без должного внимания к проблемам регионального развития. Существуют разные точки зрения относительно условий, его определяющих. Так, известна теория «плавающих признаков», суть которой состоит в том, что для различных регионов первостепенную значимость имеют неидентичные группы и наборы факторов, при многообразии которых выделяют ключевые. Примером такого подхода является попытка построения пирамиды факторов регионального развития⁵. Ее структуру составляют пять уровней. В основании лежат природно-климатические условия и ресурсы, далее (по степени возрастания) — система расселения и состояние инфраструктуры, уровень развития и структура экономики, институты и политика государства, инновативность населения. Расположение «институтов и политики государства» и «инновативности населения» в вершине пирамиды объясняется тем, что эти факторы имеют решающее значение в случае благоприятной ситуации в низлежащих уровнях. Вместе с тем существует объективная возможность компенсации отсутствия природных ресурсов, высокого уровня развития инфраструктуры и достижения хороших показателей развития экономики за счет активной инвестиционной деятельности. На наш взгляд, описанная иерархия не только не противоречит Концепции социально-экономического развития страны, но последовательное движение от основания пирамиды к ее вершине позволит реализовать модель инновационного типа развития в масштабах субъектов РФ.

Для Республики Мордовия важны проекты, направленные на развитие инфраструктуры, производственные и социальные инвестиции. Справедливость этого подтверждают результаты исследования, проведенного агентством «Эксперт РА», согласно которому (по итогам 2013 г.) Мордовия занимает 67-ю позицию в рейтинге регионов РФ по инвестиционному

потенциалу и 52-ю — по инвестиционному риску (незначительный потенциал — умеренный риск (ЗВ2)). Ранговые значения составляющих инвестиционный потенциал Мордовии не утешительны: трудовой — 55; потребительский — 70; производственный — 61; финансовый — 67; институциональный — 66; инновационный — 53; инфраструктурный — 41; природный — 63; туристический — 62⁶.

Институциональную среду инновационного развития региональной экономики должны составить комплексы институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих взаимодействие научных и предпринимательских структур в рамках инновационного процесса. Обозначив ключевые из вновь созданных и функционирующих в России «институтов развития», отметим, что отдельные из них присутствуют и на региональном уровне. В Мордовии инновационная инфраструктура представлена ГКУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», Центром трансфера технологий Мордовского государственного университета, Центром развития нанотехнологий и наноматериалов Республики Мордовия, НОУ «Саранский Дом науки и техники Российского Союза научных и инженерных общественных организаций», ООО «Инновационно-технологический центр Республики Мордовия», АНО «Центр интеллектуальной собственности Республики Мордовия», ГНУ «Мордовский научно-исследовательский институт сельского хозяйства» Российской академии сельскохозяйственных наук, ООО «Мордовский республиканский научно-технический центр "Электротехника Мордовии"» и др.⁷

Дальнейшее расширение инновационной деятельности в регионе предполагает формирование эффективной институциональной среды, соответствующей критериям роста эффективности в распределении ресурсов, повышение доверия и уменьшение рисков в экономике, сокращение информационной неопределенности.

Прогнозом социально-экономического развития Республики Мордовия на 2014 г. и на плановый период 2015—2016 гг. предусмотрено, что рост промышленного производства составит в 2014 г. 9,4 %, в 2015 г. — 9,2, в 2016 г. — 8,9 %⁸. Обозначенные прогнозные показатели обосновываются тем, что в Республике будет продолжена модернизация отраслей, реализация инвестиционных проектов по созданию высоко-

технологичных и инновационных производств. Среди них проекты в рамках программы развития инновационного территориального кластера «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением», проекты развития вагоностроительного, кабельно-проводникового кластеров, проекты отрасли стройматериалов и предприятий пищевой промышленности.

Несмотря на то что в Мордовии имеются предприятия высокотехнологичных секторов и созданы благоприятные условия для ведения инновационной деятельности, уровень ее развития невысок. Основываясь на информации Федеральной службы государственной статистики о значениях рассмотренных показателей инновационной деятельности, сложившихся в регионах ПФО за 2012 г.⁹, определим их рейтинг методом суммы мест (таблица).

Из таблицы видно, что по большинству критериев Мордовия имеет низкие рейтинговые показатели. Исключение составляют «инновационная активность предприятий» и «объем инновационных товаров, работ и услуг». В качестве положительной тенденции следует отметить, что на протяжении нескольких последних лет в Мордовии сохраняются высокие темпы роста инвестиций, несмотря на отсутствие полезных ископаемых (кроме тех, которые используются в индустрии строительных материалов), невысокую развитость внутреннего рынка, отсутствие явных инфраструктурных преимуществ. По показателю объема инвестиций на душу населения республика занимала в 2012 г. 41-е место среди регионов РФ¹⁰.

На современном этапе развития отечественной экономики ее модернизация невозможна без создания адекватной институциональной среды в регионах страны. В Мордовии следует продолжить укрепление инновационного сектора. С учетом выявленных проблем для этого необходимо:

— повысить инвестиционный потенциал региона за счет увеличения платежеспособного потребительского спроса, что предполагает повышение среднего уровня заработной платы; улучшения возможностей предприятий (в том числе малых) относительно доступа к финансовым ресурсам кредитного сектора на приемлемых условиях; повышения эффективности рыночных институтов, обеспечивающих функционирование механизмов инвестиционного рынка; развития человеческого

капитала; улучшения качества природной среды; интеграции научного и промышленного секторов; повышения темпов роста региональной экономики;

— координировать и расширять деятельность «институтов развития» в регионе;

— выработать эффективный механизм взаимодействия бизнеса, власти, общественных структур, а также стратегию устранения препятствий на пути создания инновационных предприятий, сформировать атмосферу, благоприятствующую развитию частного сектора, развивать соответствующие рыночные институты.

Таблица

Рейтинг регионов ПФО по показателям инновационной деятельности в 2012 г.

Регион	Организации, выполняющие научные исследования и разработки	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.	Созданные (разработанные) передовые производственные технологии	Использованные передовые производственные технологии	Инновационная активность организаций, %	Затраты на технологические инновации	Объем инновационных товаров, работ и услуг	Рейтинг
Республика Башкортостан	3	6	9	3	5	5	14	5
Республика Марий Эл	10	14	11	13	9	14	13	14
Республика Мордовия	9	12	9	8	5	11	2	9
Республика Татарстан	1	3	2	4	2	3	4	2
Удмуртская Республика	7	11	8	6	6	9	10	10
Чувашская Республика	8	9	9	9	1	7	3	6
Пермский край	5	4	7	7	4	4	8	4
Кировская область	8	10	4	10	10	12	9	12
Нижегородская область	2	1	1	1	3	2	5	1
Оренбургская область	8	13	10	14	7	8	13	13
Пензенская область	7	7	4	12	8	10	6	8
Самарская область	4	2	6	5	12	1	1	3
Саратовская область	6	8	5	5	11	6	12	7
Ульяновская область	7	5	3	11	12	13	70	11

Таким образом, формирование институциональной среды, обеспечивающей укрепление национальной инновационной си-

стемы, активизацию в стране фундаментальных исследований и прикладных разработок за счет не только государственных, но и частных ресурсов, эффективное взаимодействие государства и бизнеса в сфере практической реализации этих разработок — актуальное направление дальнейшего развития российской экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фрейнкман Л.М., Дашкеев В.В., Муфтяхетдинова М.Р. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. М.: ИЭПП, 2009. 252 с.

² См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.05.2014).

³ См.: Буздалин А.В. Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики. URL: http://www.buzdalin.ru/text/innovation_rus.pdf (дата обращения: 15.05.2014).

⁴ См.: Симачев Ю., Кузык М., Иванов Д. Российские финансовые институты развития: верной дорогой? // *Вопр. экономики*. 2012. С. 4—30.

⁵ См.: Кузнецова О. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // *Там же*. 2013. С. 121—131.

⁶ См.: Обзор итогов развития регионов в 2013 г.: «Немного меда в бочке дегтя». URL: http://raexpert.by/related_activities/researches/regions/# (дата обращения: 10.05.2014).

⁷ См.: Стратегия социально-экономического развития ГО Саранск до 2025 года. URL: <http://adm-saransk.ru/plan-razvitiya/soceco/strateg.pdf> (дата обращения: 18.05.2014).

⁸ См.: Прогноз социально-экономического развития Республики Мордовия на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/index.php> (дата обращения: 10.05.2014).

⁹ См.: Регионы России ...

¹⁰ См.: Российский статистический ежегодник — 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm (дата обращения: 15.04.2014).

Поступила 21.05.2014.

I. Ye. Pyakova. Institutional Conditions of Innovative Development of Economy: the Regional Aspect

The most acute problems of an institutional nature hindering innovation and growth and impeding the achievement of high level of efficiency of the Russian economy include: the gap between scientific organizations and businesses, imperfection of the institutional environment for innovative development, problems associated with the financing of innovation, etc. To

solve them the «development institutions» were created, and attention to the components of the investment climate was enhanced. The synergistic effect of the measures taken was not obtained due to the lack of the necessary level of coordination. To remedy the situation, it is important to solve the mentioned problems at the regional level.

In this context, the «pyramid of the factors of regional development» is of scientific and practical interest. Hierarchy of its levels is as follows: natural and climatic conditions and resources; the settlement system and the condition of the infrastructure; the level of development and the structure of the economy; institutions and policies of the state; the innovation activity of the population. Dynamic investment activity enables to compensate for the lack of natural resources, of high level of infrastructure development and to achieve high rates of economic development.

Taking this into account, it means that the projects aimed at the development of innovation infrastructure are extremely important for Mordovia. Today, a number of institutions are already active in the republic, but to expand innovation further development of the institutional environment and strengthening of the innovation sector are necessary. For this purpose, it is necessary to increase the investment potential of the region, to coordinate and expand the activities of the «development institutions», to develop an effective mechanism of interaction of business, authorities, and public agencies, to develop a strategy to eliminate obstacles to the creation of innovative enterprises, to develop appropriate market institutions.

ILYAKOVA Irina Yevgenievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Theory, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

А. М. ГУДОВ **ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
И ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННО-
ОРИЕНТИРОВАННОГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА**

Ключевые слова: инвестиции, финансы, государство, регулирование, инновации, развитие, регион

Key words: investment, finance, state, regulation, innovation, development, region

Проведен анализ финансового обеспечения инвестиционной деятельности в Республике Мордовия в рамках основных показателей ее осуществления, выделены причины, выступающие в роли факторов сдерживания его инновационно-ориентированного совершенствования с обозначением приоритетных направлений решения обозначенной проблемы.

The paper presents the analysis of the financial support of the investment activity in the Republic of Mordovia within the framework of the main indicators of its implementation; it singles out the causes serving as factors deterring its innovation-oriented improvement and designates the priority directions to solve the given problem.

Устойчивое развитие экономической системы невозможно без создания благоприятного инвестиционного климата. При этом использование и расширение возможности эффективного государственного регулирования инвестиционных процессов для определения необходимого и достаточного состава потенциальных инвесторов, а следовательно оптимального финансового обеспечения выступает в качестве одного из принципиальных факторов достижения динамичного развития.

В качестве основных направлений государственного регулирования инвестиционных процессов, наиболее актуализированных на региональном уровне, можно выделить, во-первых, разработку нормативных актов и методических рекомендаций по созданию благоприятного инвестиционного климата в регионе и защите интересов инвесторов; во-вторых, подготовку документов, регламентирующих взаимоотноше-

ГУДОВ Андрей Михайлович, аспирант кафедры менеджмента Мордовского государственного университета.

ния администрации региона и предприятий, привлекающих средства коммерческих банков, по гарантии регионального бюджета; в-третьих, предоставление налоговых льгот; в-четвертых, осуществление субсидирования процентной ставки по банковским кредитам, привлекаемым предприятиями на реализацию инвестиционных проектов; в-пятых, создание особых экономических зон и технопарков, а также реализацию мероприятий по снижению административных барьеров; в-шестых, разработку информационного обеспечения для потенциальных инвесторов и инфраструктурное обустройство территорий¹.

Оценка влияния перечисленных инструментов на основные показатели, характеризующие состояние инвестиционной деятельности в Республике Мордовия, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика основных показателей инвестиционной деятельности организаций Республики Мордовия²

Показатель	Год			
	2010	2011	2012	2013
Инвестиции в нефинансовые активы (без субъектов малого предпринимательства и параметров неформальной деятельности), млн руб.	30086,8	37849,3	41574,6	36628,0
То же в % к 2010 г.	100	125,8	138,2	121,7
В том числе:				
— в основной капитал	29690,7	37142,7	40680,5	36040,4
То же в % к 2010 г.	100	125,1	137,0	121,4
То же в % к объему инвестиций в нефинансовые активы	98,7	98,1	97,8	98,4
Поступление инвестиций из-за рубежа в республику, тыс. долл.	45697,1	139927,2	152517,5	109141,7
То же в % к 2010 г.	100	306,2	333,8	238,8
В том числе:				
— прямые	0,1	8970,8	8169,6	3074,0
То же в % ко всем инвестициям из-за рубежа	0,0	6,4	5,4	2,8

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о позитивных тенденциях в инвестиционном процессе региона, однако устойчивость их динамики имеет основу для предметного анализа. В частности, если в период 2011—2012 гг. объем инвестиций в нефинансовые активы в сравнении с 2010 г. возрос соответственно на 25,8 и 38,2 %, то в 2013 г. наблюдается его снижение до уровня 21,7 %. Аналогичная

картина, но в иных количественных параметрах сложилась и в отношении динамики объема инвестиций в основной капитал, а также в отношении иностранных инвестиций в рассматриваемом контексте, особенно в части прямых инвестиций. В целом приведенные данные свидетельствуют о неустойчивости протекающих в Мордовии инвестиционных процессов и позволяют сделать вывод о том, что проводимых мероприятий недостаточно для успешной реализации стратегии ее социально-экономического развития.

В результате предметного анализа сложившейся тенденции с привлечением инвестиций в основной капитал можно выделить две основные причины, первая из которых заключается в снижении доли государства в общем объеме финансирования инвестиций (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика структуры инвестиций в Республике Мордовия
в основной капитал по источникам финансирования
(без субъектов малого предпринимательства, объема инвестиций,
не наблюдаемых прямыми статистическими методами), %³**

Показатель	Год			
	2010	2011	2012	2013
Инвестиции в основной капитал	100	100	100	100
В том числе:				
— собственные средства	23,2	28,2	32,4	44,2
— привлеченные средства	76,8	71,8	67,6	55,8
Из них:				
— кредиты банков	29,8	9,9	10,0	7,4
— бюджетные средства	33,5	45,7	39,7	25,5

Представленные в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что роль государства в распределении инвестиций в период 2010—2011 гг. возрастала, а с 2012 г. стала наблюдаться обратная тенденция: снижение государственного финансирования на фоне позитивной динамики с использованием собственных средств на финансирование инвестиций и отчетливо выраженным вектором уменьшения удельного веса кредитов банков.

Вторая причина связана с тем, что привлекаемые инвестиции не ориентированы на модернизацию экономики и инновационное развитие, а это предопределяет ситуацию усиления зависимости от импорта товаров и технологий. По оценкам специалистов, доля России на международном рынке наукоемкой продукции не превышает 1 % (доля США

составляет более 20 %, Японии — 14 %, Германии — 10 %), а структура инвестиций в нефинансовые активы за 2011 г. состоит на 98,3 % из финансирования инвестиций в основной капитал, который не имеет инновационной направленности, и только 0,4 % инвестиций идет на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы⁴.

В Мордовии эти показатели варьируются соответственно в интервале от 97,8 до 98,7 % и от 0,4 до 1,3 %⁵. Объективная логика изучения позволяет заключить, что решение указанной проблемы возможно только с помощью вмешательства в данный процесс государства путем стимулирования и разработки современных подходов для достижения инновационного характера развития хозяйствующих субъектов национальной экономики.

Для республики, как и для многих других субъектов Российской Федерации, эта проблема является актуальной, хотя в регионе предпринимаются значительные усилия и реализуются масштабные инновационные мероприятия в форме целого ряда перспективных проектов республиканского, российского и международного уровней. В частности, в регионе реализуются перспективные высокотехнологичные инвестиционные проекты в самых различных отраслях экономики: «Технопарк в сфере высоких технологий в Республике Мордовия» и «Строительство регионального наноцентра» (АУ «Технопарк-Мордовия»), «Создание оптического волокна специального назначения» (АУ «Технопарк-Мордовия» и НЦВО РАН), «Создание производства литий-ионных аккумуляторов нового поколения для различных отраслей народного хозяйства» (совместное предприятие с компанией «WeihaiTSETechnology», Китай, и ЗАО «ЭлТех», Санкт-Петербург), «Организация производства высокоэффективных светодиодов на основе нанотехнологий» (ОАО «Электровыпрямитель»), развитие производства ООО «Саранскабель», «Строительство нового отделения помола цемента на Старо-Алексеевском цементном заводе» и «Производство архитектурного флоат-стекла» (ОАО «Мордовцемент»), «Реконструкция сахарного завода по увеличению мощности переработки сахарной свеклы до 8 500 т в сутки» (ООО «Ромодановосахар»), «Расширение производства мяса бройлеров» (ОАО «Агрофирма "Октябрьская"») и т. д.⁶

Однако обеспечение условий более интенсивного перехода экономики на высокотехнологичный путь развития требует задействования новых механизмов регулирования и стимулирования процессов разработки и освоения инноваций путем переориентации инвестиций. При этом конечными результатами реализации этих мероприятий должны стать создание условий и формирование высокоэффективного социально-экономического комплекса региона, восприимчивого к инновациям, позволяющего производить конкурентоспособные товары, работы и услуги.

Достижение указанных целевых ориентиров предопределяет необходимость повышения уровня оперативности, профессионализма и эффективности работы. Это предполагает последовательное совершенствование нормативно-правовой базы по стимулированию инновационной деятельности, разработку и внедрение наукоемких ресурсосберегающих технологий; создание системы стимулирования инноваций в социально-экономической сфере, учитывающей различные меры государственной поддержки; обеспечение содействия дальнейшему развитию инновационной инфраструктуры (технопарков, научно-производственных, образовательных центров и др.) и малого инновационного бизнеса; обеспечение экспертизы вновь разрабатываемых и сопровождения одобренных инновационных проектов, получивших государственную поддержку в соответствии с законом Республики Мордовия от 20 февраля 2006 г. № 6-З (ред. от 30 января 2013 г.) «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия»; разработку перспективных программ инновационного развития отдельных секторов экономики и социальной сферы, в том числе туризма, развития рекреационных зон для приема туристов и спортивно-досуговых целей; содействие процессу расширения и повышения эффективности использования природно-ресурсного потенциала региона; оказание организационной и финансовой поддержки процессам создания в регионе транспортных коридоров промышленно-обслуживающих кластеров, выпускающих инновационную продукцию; дальнейшее совершенствование зональной специализации сельскохозяйственного производства и развитие перерабатывающих мощностей; реализацию целенаправленной кадровой политики в сфере подготовки, переподготовки и повышения

квалификации кадров инновационной сферы; обеспечение перехода к образованию по стандартам, отвечающим требованиям современной инновационной экономики; последовательное совершенствование информационно-пропагандистской работы, обеспечивающей общественное признание научных разработок и внедрение инновационных решений в различных сферах жизнедеятельности⁷.

Реализация приведенного перечня задач, по нашему мнению, позволит значительно увеличить вклад инновационного комплекса в повышение эффективности функционирования социально-экономической сферы региона и обеспечит повышение статуса его технологического позиционирования на российском и международном уровне.

Вместе с тем, как свидетельствуют характер и уровень динамики реальных процессов в области инновационного развития экономики, переход отечественного, прежде всего производственного, сектора на новый технологический уровень развития следует характеризовать как недостаточно интенсивный и несоответствующий требованиям мировых стандартов и практического опыта. Это обстоятельство указывает на то, что требуются новые принципы и подходы к повышению устойчивости функционирования систем хозяйствования разного уровня организации, отсюда вытекает необходимость дальнейшего научного осмысления этой проблемы. Важным фактором обеспечения нового состояния отечественной экономики выступает необходимость дальнейшего совершенствования форм и методов государственного регулирования инвестиционных процессов на федеральном, региональном и местном уровнях⁸. При этом государство должно рационально строить свою инвестиционную политику, выступая одновременно в качестве координатора, гаранта и соинвестора инновационной модернизации экономики, обеспечивая его адекватное финансовое сопровождение в рамках оптимизации структуры источников финансирования, гарантируя и контролируя рациональное и экономное расходование применяемых при этом ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Абрамова Е.А. Совершенствование механизмов инвестирования инновационной деятельности в регионе (на примере Владимирской области) // Экон. анализ: теория и практика. 2012. № 33. С. 36—43.

² См.: Данные ООО «Корпорация развития Республики Мордовия». URL: <http://investrm.ru> (дата обращения: 11.05.2014).

³ Там же.

⁴ См.: Россия в цифрах — 2012: стат. сб. М.: Росстат, 2012. 576 с.

⁵ Данные ООО «Корпорация развития Республики Мордовия».

⁶ См.: Аналитическая информация отдела инвестиционной политики Министерства экономики Республики Мордовия. URL: <http://mineco.mordovia.ru> (дата обращения: 14.05.2014).

⁷ См.: Абрамова Е.А. Совершенствование механизмов инвестирования инновационной деятельности ...

⁸ Там же.

Поступила 16.06.2014.

A. M. Gudov. Financial Provision and Priorities of the Innovation-Oriented Improvement of the Investment Process

The paper presents an analysis of the investment activity and financial provision in a region, which allowed to conclude that the trends in the dynamics of the indicators characterizing the studied processes are generally positive, but, at the same time, unsustainable. In particular, if in the period of 2011—2012, the total amount of investment in non-financial assets increased by 25,8 and 38,2 % respectively compared to 2010, in 2013, it declined to the level of 21,7 %. Essentially, a similar situation, but in other quantitative parameters, has developed in the dynamics of the volume of investment in fixed capital, as well as in foreign investment in the considered context, especially in terms of direct investment. These data indicate instability of investment processes occurring in the region and indicate the lack of efforts made by appropriate institutional structures to ensure successful implementation of the strategy of socio-economic development.

The study highlights the reasons that act as deterrents in the process of innovation-oriented improvement of the investment activity at the regional level. Among the most urgent ones are: reduction of the state's share in the total volume of funding the investments and random orientation of the attracted investments in the direction of economic modernization and its innovative development. On the basis of the conducted research, the priority areas for the formation of a highly efficient socio-economic complex of a region receptive to innovations are identified. In this context, a special role is given to the need for further improvement of forms and methods of state regulation of investment processes and adequate financial support, providing conditions for rational and efficient use of resources.

GUDOV Andrei Mikhailovich, Postgraduate at the Department of Management, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

И. Б. ЮЛЕНКОВА

ОПТИМИЗАЦИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ¹

Ключевые слова: инновационное развитие, налогообложение, потенциал, финансирование, льготы, малое предпринимательство, налоговое законодательство, стимулирование, активность

Key words: innovative development, taxation, potential, funding, benefits, small business, tax law, incentives, activity

В статье обосновано, что основными целями современной налоговой системы Российской Федерации должны быть формирование стимулов развития рыночных институтов и механизмов хозяйствования, создание благоприятных условий для повышения эффективности производства и обновления основных фондов инновационных малых предприятий, снижение общей налоговой нагрузки на экономику и бизнес.

The paper proves that the main objectives of the modern tax system of the Russian Federation should be: creation of incentives for development of market institutions and economic mechanisms, creation of favorable conditions to increase efficiency of production and renew fixed assets of small innovative enterprises, reduction of the overall tax burden imposed on the economy and business.

Сдерживающими факторами в развитии малых предприятий являются неразвитость и нестабильность законодательства, снижение платежеспособности населения, недостаток собственных финансовых средств, чрезмерные совокупные налоговые выплаты, трудности в оспаривании решений налоговых арбитражных органов. Из-за неустойчивого финансового положения и нехватки средств многие малые предприятия лишены внутренних стимулов развития, внедрения новых технологий, повышения качества продукции и услуг, осуществления долгосрочных инвестиций, освоения новых рынков².

ЮЛЕНКОВА Ирина Борисовна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Один из важных вопросов современной экономической теории и практики, связанных с налогообложением, — проблема определения оптимального (допустимого, целесообразного) уровня налогообложения или масштабов налогового бремени в экономике. Не вдаваясь в детали различных дискуссий относительно того, что именно следует понимать под налоговым бременем, далее мы будем использовать его традиционный показатель — отношение налоговых доходов бюджетной системы к валовому внутреннему продукту. Говоря о налоговых теориях и рассматривая налоговую систему той или иной страны, нельзя обойти вниманием вопрос о налоговом бремени. С определенной долей условности можно выделить два направления исследований этой проблемы. Первое представляет собой попытки определить оптимальный уровень налогообложения исходя из теоретических конструкций с использованием разнообразного (часто весьма сложного) математического аппарата³. Во второе направление входит довольно широкий круг страноведческих и компаративистских исследований, в рамках которых этот уровень устанавливается исходя из имеющейся практики налогообложения и организации налоговых систем различных стран с привлечением значительных по объемам и спектру источников. Ниже мы попытаемся охарактеризовать некоторые основные положения теории оптимального налогообложения, избегая использования математических формул⁴.

Существенной проблемой теории оптимального налогообложения, признаваемой большинством авторов, работающих в этой области, является высокий уровень абстракции в исследованиях и использование сложного математического аппарата. Эти обстоятельства в значительной мере ограничивают возможности практического применения полученных на их основе результатов. К числу ключевых вопросов, вокруг которых разворачивается дискуссия, следует также отнести вопросы о доле налоговых доходов в валовом внутреннем продукте, о применяемых критериях оптимизации, соотношении налогообложения доходов и налогообложения расходов (об оптимизации налоговой системы с точки зрения соотношения обложения доходов и расходов), о различных аспектах оптимизации налогообложения доходов, моделях оптимального налогообложения товаров и др.

Критерии оптимизации, традиционно рассматриваемые при таких исследованиях, проистекают из принципов налогообложения, сформулированных еще А. Смитом. Это принципы справедливости, эффективности и минимизации административных издержек. Так или иначе введение любого налога, независимо от того, где, как и при каких обстоятельствах он вводится, представляет собой маневрирование между тремя названными принципами. В рамках теории оптимального налогообложения эти принципы принимают форму критериев оптимизации.

Под принципом справедливости обычно понимается соразмерность распределения налогов между налогоплательщиками — отдельными людьми и фирмами. Принцип эффективности предполагает минимизацию искажающего воздействия, которое оказывает тот или иной налог на размещение ресурсов в частном секторе. В рамках теоретических конструкций однозначно предполагается, что размещение ресурсов в системе, не обремененной налогами, является оптимальным, соответственно, чем меньший сдвиг в размещении ресурсов приносит налогообложение, тем выше эффективность такого налога.

В рамках любой конкретной национальной налоговой системы приходится маневрировать между справедливостью, эффективностью и администрируемостью. Вероятно, можно построить справедливую налоговую систему (или хотя бы ввести один налог), однако в этом случае высока вероятность того, что такая система или налог будут неэффективными или плохо администрируемыми. Попытки сформировать налоговую систему исходя из принципа эффективности приводят к утрате справедливости. В реальной действительности всегда приходится чем-то жертвовать — справедливостью ради эффективности, эффективностью ради справедливости или и тем и другим ради администрируемости. Российская налоговая система дает много примеров такого рода жертв. Одним из них является налог на доходы физических лиц, когда ради эффективности (сокращения дестимулирующего эффекта налогообложения доходов от инвестирования) и повышения качества администрируемости (сокращения уклонения от уплаты налога и прямых издержек его взимания) в жертву был принесен принцип справедливости.

Исследования в области оптимального налогообложения, как правило, акцентируют внимание на первых двух критериях, которые проще формализуются в терминах «индивидуальная полезность» и «общественное благосостояние». Моделирование отношений, связывающих воедино налоговые ставки и административные издержки, довольно затруднительно, поэтому третий критерий редко включается в анализ. Для теорий оптимального налогообложения характерно преобразование всех трех критериев в различные аспекты общественного благосостояния и тем самым приведение их всех к некоей единой размерности. Теоретически такой подход довольно удобен, поскольку позволяет формулировать рекомендации для проведения налоговой политики с точки зрения динамики общественного благосостояния. Следующим шагом является использование в моделях в качестве показателя (или критерия) общественного благосостояния некоей меры национального дохода, скорректированного на величину предложения труда, что, казалось бы, приближает нас к оценке соотношения налогов с продуктом или национальным доходом. Однако в большинстве публикаций в рамках теории оптимального налогообложения необходимый объем налоговых доходов, который должен быть получен с помощью оптимальной налоговой системы, представляет собой экзогенную величину и определяется уровнем государственных расходов.

В работах этого направления, по сути, разрабатывается оптимальная налоговая система для определенного уровня налоговых доходов, а не для определения величины самого этого уровня. В результате мы возвращаемся к проблеме определения объема общественных благ, финансируемых за счет налогов, который задается объемом государственных обязательств, а не налоговой системой. Лишь в некоторых работах, которые очень условно можно отнести к теории оптимального налогообложения, делается попытка увязать объем налоговых доходов и расходов государства и выстроить некую оптимизирующую их соотношение модель. Это работы, исследующие проблемы эндогенного роста («endogenous growth literature»)⁵. Однако результаты, полученные с помощью таких моделей, не дают конкретного ответа на вопрос об оптимальной величине налогового бремени (доли налогов в ВВП), они сильно зависят от используемых моделей и носят абстрактный характер.

Альтернативу теоретическому подходу в определении оптимальной доли налоговых доходов в ВВП составляет опыт различных стран с позиций компаративистики. Эти работы также хорошо известны российскому читателю⁶. Однако разброс значений рассматриваемого показателя здесь довольно широк. Это относится как к экономически развитым и благополучным странам, так и к развивающимся странам и странам с переходными экономиками. Так, в экономически развитых странах доля налоговых доходов в ВВП колеблется от 23 % в Японии до 52 % в Швеции. Разброс значений этого показателя по развивающимся странам еще более значительный. Приходится констатировать, что вопрос об оптимальной доле налоговых доходов в ВВП пока не нашел в экономической литературе однозначного решения, несмотря на обилие дискуссий и попыток ответить на него с использованием самого разнообразного инструментария⁷.

Одним из ключевых вопросов общей оценки российской налоговой системы является вопрос о масштабах налогового бремени в экономике (оцененного по доле налоговых доходов в ВВП), о степени обременительности налоговой нагрузки для отечественной экономики. В результате качественных преобразований в российской экономике возникла необходимость реформирования налогообложения. К основным новациям можно отнести значительное снижение ставки налога на прибыль, открытый перечень экономически обоснованных расходов для целей налогообложения, изменение методики начисления амортизации.

Произошло освобождение от обложения налогом на прибыль доходов в виде средств, полученных предприятиями из Российского фонда фундаментальных исследований, Российского фонда технологического развития, Российского гуманитарного научного фонда, Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Федерального фонда производственных инноваций. Увеличена включаемая в состав расходов по налогу на прибыль организаций норма отчислений на формирование Российского фонда технологического развития, а также иных отраслевых и межотраслевых фондов финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, зарегистрированных в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике», до 1,5 % валовой выручки налогоплательщика.

Также стоит отметить возникновение частных научных фондов, появлению и существованию которых введение различных налоговых льгот препятствует. Из-за введенного налога на прибыль как для получающей, так и для передающей стороны процесс безвозмездной передачи денежных средств становится затруднительным. Грантовое финансирование также не является идеальным именно из-за налогового обложения, ведь в рамках гранта выплачиваются все начисления на заработную плату и подоходный налог. Для решения подобных проблем вводятся различные поправки в Налоговый кодекс, который и сейчас требует существенных доработок. Проблемой также является непредсказуемость государственной политики, которая ввиду отсутствия опыта в подобных ситуациях не дает возможности планирования дальнейшей работы организаций.

Важная роль в поддержке инновационного бизнеса отводится региональным и муниципальным органам власти, которые в связи с близостью к субъектам хозяйствования, расположенным на соответствующей территории, способны наиболее эффективно управлять, проводить текущий мониторинг, контролировать их деятельность и оценивать их вклад в социально-экономическое развитие региона⁸.

Дополнительными преференциями в области налогообложения пользуются особые экономические зоны. Налоговое стимулирование здесь является ключевым элементом в области обеспечения инновационно-инвестиционной деятельности предприятий. Положительным примером может служить предложенная Правительством Самарской области инициатива, где резидентам ОЭЗ «Тольятти» региональная составляющая налога на прибыль для будущих инвесторов была снижена с льготной планки в 13,5 % до нуля, и расти она начнет только в 2019 г.: в размере 3 % — до 2020 г., 7 % — до 2022 г., 10 % — до 2024 г. К льготной ставке в 13,5 % налог на прибыль вернется только с 2025 г. Таким образом, в первые годы работы на территории ОЭЗ «Тольятти» резиденты смогут существенно сэкономить на этом налоге. В федеральный же бюджет до 2019 г. они будут перечислять лишь 2 % от прибыли⁹.

Существенное значение для развития инновационных предприятий российской экономики имеет инициатива Председателя Правительства России, который предложил дать регионам право снижать региональную составляющую ставки

налога на прибыль на 10 % — до 5 %. Благодаря этой мере субъекты Российской Федерации смогут поддержать инновационный малый бизнес, предоставив ему дополнительные финансовые возможности.

Развитие малых предприятий и совершенствование управления ими предполагают создание правовых, экономических и организационных условий устойчивого развития малого предпринимательства как важнейшего элемента институциональных преобразований и неотъемлемой части новой структуры экономики; инициирование действий финансово-кредитных и инвестиционных механизмов за счет собственных возможностей эффективно развивающихся малых предприятий; целевое формирование системы государственной поддержки малого предпринимательства¹⁰.

Таким образом, стимулирование развития инновационной активности малого предпринимательства должно быть одним из приоритетных направлений государственной политики на федеральном и региональном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья публикуется при финансовой поддержке РГНФ № 14-12-13015 «Развитие теории и методологии формирования системы консолидированного финансового обеспечения инновационного малого предпринимательства в регионе».

² См.: Юленкова И.Б. Факторы, сдерживающие развитие инновационного малого бизнеса в регионе // Региология. 2009. № 2. С. 135.

³ См.: Heady C. Optimal Taxation as a Guide to Tax Policy: A Survey // Fiscal Studies. 1993. Vol. 14. № 1. P. 15—41.

⁴ См.: Heady C. Diagrammic Approach to Optimal Commodity Taxation // Publ. Finance. 1987. Vol. 42. P. 250—263; Allen F. Optimal Linear Income Taxation with General Equilibrium Effects on Wages // J. of Publ. Econ. 1982. Vol. 17. P. 135—144; Deaton A., Stern N. Optimal Uniform Commodity Taxes, Taste Differences and Lump-Sum Grants // Econ. Letters. 1986. Vol. 20. P. 263—266.

⁵ См.: Barro R.J. Government Spending in Simple Model of Endogenous Growth // J. of Political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. Part. 2. P. 103—126; Turnovsky S.J. Optimal Tax, Debt and Expenditure Policy in a Growing Economy // J. of Publ. Econ. 1996. Vol. 60. № 1. P. 21—44 и др.

⁶ См.: Bahl R.W. A regression Approach to Tax Effort and Ratio Analysis // Staff Papers. — Intern. Monetary Fund. 1971. Vol. 18, № 3. P. 570—612; Tanzi V. Structural Factors and Tax Revenue in Developing Countries: A Decade of Evidence // I Open Economies: Structural Adjustment and

Agriculture / Ed. by I. Goldin and L.A. Winters. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1992. P. 267—281.

⁷ См.: Tanzi V., Zee H.H. Tax Policy for Emerging Markets: Developing Countries // Nat. Tax J. 2000. Vol. 53. № 2. P. 299—322; Mitra P., Stern N. Tax System in Transition // World Bank Policy Research Working Paper 2947. 2003. January. P. 8—23 и др.

⁸ См.: Покровский Г.Е. Региональные составляющие механизма управления инновационными процессами инвестиционной деятельностью предприятий. URL: <http://litcey.ru/ekonomika/1783/index.html?page=4> (дата обращения: 19.12.2013).

⁹ См.: Резидентам ОЭЗ Тольятти снизили налог на прибыль до нуля. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/22/reg-pfo/ljgoty-anons.html> (дата обращения: 15.09.2013).

¹⁰ См.: Юленкова И.Б. Факторы, сдерживающие развитие инновационного малого бизнеса в регионе. С. 140.

Поступила 15.05.2014.

**I. B. Yulenkova. Optimization of Taxation
as a Condition for Stimulation of Innovative
Activity of Small Business in a Region**

To achieve the innovative development of the economy a range of measures for implementation of innovation policy are necessary, which will include both the support of the state in tax legislation, more specifically, in tax stimulation, and public funding in the form of lending and awarding grants. At the same time, only subject to the successful implementation of measures in the field of tax legislation, we can say that Russia is developing the new innovative policies aimed at activation and stimulation of innovative processes and national scientific and technical potential. Here, a new structure of state administration and the legal framework that creates conditions for operation of innovative enterprises in market conditions are being gradually formed.

YULENKOVA Irina Borisovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**А. В. ДАНИЛЬЦЕВ, ПРАВИЛА ПРОИСХОЖДЕНИЯ
О. В. БИРЮКОВА УСЛУГ В РЕГИОНАЛЬНЫХ
ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЯХ
КАК ИНСТРУМЕНТ
ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ¹**

Ключевые слова: региональные торговые соглашения, торговля услугами, Генеральное соглашение по торговле услугами, правила происхождения
Key words: regional trade agreements, trade in services, General Agreement on Trade in Services, rules of origin

Статья посвящена особенностям применения правил происхождения услуг, которые недостаточно изучены по сравнению с правилами происхождения товаров. Рассмотрены основные подходы к определению происхождения юридического лица, а также основные трудности при сопоставлении правил происхождения в различных региональных группировках.

The paper is devoted to peculiarities of application of the rules of origin for services which are not enough studied in comparison with the rules of origin for goods. The paper considers the main approaches to identification of the origin of a legal entity, as well as the main difficulties in comparison of the rules of origin in various regional groupings.

С 1 января 2012 г. официально начало свою работу Единое экономическое пространство между Россией, Казахстаном и Белоруссией (ЕЭП). Соглашения, образующие правовую основу деятельности ЕЭП, создают условия для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Так, согласно Соглашению о торговле услугами и инвестициях в государствах-участниках ЕЭП от 13 января 2011 г. для учреждения и деятельности компаний из стран ЕЭП предоставляется режим наибольшего благоприятствования (РНБ) и национальный режим (НР) за исключением ограничений, предусмотренных каждой стороной.

ДАНИЛЬЦЕВ Александр Владимирович, директор Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор.

БИРЮКОВА Ольга Владимировна, доцент кафедры международных экономических организаций и европейской интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат экономических наук.

Предполагается завершить к 1 января 2015 г. кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза (ТС) и ЕЭП, и на этой основе создать Евразийский экономический союз — мощное интеграционное объединение, способное в будущем стать центром интеграционных процессов и конкурентоспособным интеграционным объединением в глобальной экономике.

Россия является лидером во внутрирегиональной торговле услугами. Отметим, что доход от экспорта услуг в России уступает только доходам от вывоза минеральной продукции, причем эта структурная особенность внешней торговли за последнее десятилетие только усилилась. Получается, что рост поставок услуг в ближайшие годы становится единственной возможностью для диверсификации российского экспорта с выраженным доминированием энергосырьевых товаров².

Будучи чистым импортером услуг, Россия должна использовать потенциал рынка услуг ЕЭП для наращивания своего экспорта. Низкая конкурентоспособность финансовых услуг, ограниченность возможностей инфраструктуры транспорта, слабая информационная поддержка российских производителей и экспортеров услуг существенно ограничивают дальнейшую интеграцию в сфере услуг, ослабляют позиции российских экспортеров перед иностранными конкурентами. Вместе с тем именно в сфере услуг скрыт потенциал более тесного сотрудничества стран, участвующих в интеграционном проекте. Правильное применение правил происхождения услуг в рамках ЕЭП способно укрепить позиции российских поставщиков услуг в рамках ЕЭП и развивать там свои конкурентные преимущества, используя торговые преференции, не распространяя их на третьи страны.

Рост региональных торговых соглашений (РТС), направленных на либерализацию торговли услугами, вызвал многочисленные споры относительно выбора и применения правил происхождения. Это связано, во-первых, с тем, что правила играют существенную роль в торговле услугами, поскольку, определяя место происхождения услуги и гражданство поставщиков услуг, создают возможность избирательно предоставлять торговые преференции. Во-вторых, защитные меры в торговле услугами, в отличие от торговли товарами, представлены не таможенными тарифами, а

комплексом мер, сочетающих количественные ограничения, а также регулятивные нормы и правила.

В торговле услугами установление страны происхождения оказывается значительно более сложным из-за особенностей услуги как объекта экспортно-импортных операций. Купля-продажа услуг, как правило, требует непосредственного взаимодействия продавца и покупателя, а возможность продажи услуги за рубежом предполагает возможность непосредственной деятельности на рынке услуг другой страны³. Поэтому в международной торговле услугами корректнее говорить не о «правилах происхождения услуги», а о правилах происхождения поставщика услуги.

Генеральным соглашением по торговле услугами (ГАТС) предусматриваются четыре способа поставки услуг: трансграничная поставка услуги с территории одной страны на территорию другой; потребление за рубежом, предполагающее предоставление услуг на территории одной страны потребителям из других стран; коммерческое присутствие, т. е. предоставление услуг посредством присутствия юридического лица одной страны на территории другой; присутствие физических лиц, под которым понимается предоставление услуг физическим лицом — гражданином одной страны, временно присутствующим на территории другой страны.

В международном обмене услугами доминирующую роль играет торговля посредством коммерческого присутствия, т. е. с привлечением иностранных инвестиций и созданием иностранных фирм или их филиалов, продающих услуги в стране присутствия. В рамках Всемирной торговой организации (ВТО) вопросы, связанные с правилами происхождения в региональных торговых соглашениях, направленных на либерализацию торговли услугами, регулируются ст. V(6) ГАТС «Экономическая интеграция». В соответствии с ней юридическое лицо, «созданное по законодательству стороны соглашения, имеет право пользоваться режимом, предоставляемым в соответствии с таким соглашением при условии, что он осуществляет значительные деловые операции на территории сторон такого соглашения». Иными словами, иностранная компания, учрежденная в РТС, может оказывать услуги другим участникам в рамках режима, установленного в РТС.

Поскольку РТС позволяет сделать изъятие из режима наибольшего благоприятствования в соответствии со ст. II

ГАТС, члены ВТО определили условия правил происхождения поставщиков услуг, чтобы сократить дискриминационный эффект из третьих стран. В то же время с точки зрения многосторонней системы регулирования эти правила могут дать возможность компаниям из третьих стран косвенно извлекать выгоду от РНБ, который предоставляется поставщикам услуг их стран, участвующих в РТС.

В соответствии со ст. V(6) ГАТС, чтобы правила происхождения, действующие в странах РТС, распространялись на иностранные юридические лица, необходимо выполнение двух условий: учреждение компании в соответствии с законодательством стран-участниц (этот критерий требует официального присутствия юридического лица на территории регионального экономического объединения) и значительный объем деловых операций в РТС или, в некоторых случаях, в одном из членов РТС.

Наиболее неоднозначные правила происхождения, сформулированные в ГАТС, относятся к торговле посредством коммерческого присутствия по сравнению с другими способами поставки. Определение происхождения «поставщика услуги» или «коммерческого присутствия» как неотъемлемого признака любого частного экономического актора, поставляющего услуги другому члену ВТО, представляется на сегодняшний день одним из самых сложных аспектов при применении положений ГАТС на практике⁴.

Для установления происхождения существуют два подхода: когда поставщик услуги представляет собой физическое лицо и когда поставщик услуги — юридическое лицо. В первом случае для установления гражданства поставщика услуги как физического лица серьезных проблем не возникает, хотя ситуацию потенциально могут усложнить человек с двойным гражданством или апатрид.

Во втором случае, когда поставщиком услуги выступает юридическое лицо, определение происхождения значительно усложняется, хотя при этом правила происхождения могут основываться на критерии собственности и контроля. Согласно ст. XXVIII(n) ГАТС, юридическое лицо «принадлежит» лицам страны — участницы ВТО, если более чем 50 % доли участия в нем владеют лица этой страны. Юридическое лицо считается «контролируемым», лицами страны-участницы ВТО, если такие лица имеют полномочия

назначать большинство его директоров или иным образом законно направлять его деятельность. На практике уязвимость этих норм обнаруживается в нескольких случаях. Во-первых, при определении происхождения юридического лица с равнодолевой или рассеянной структурой акционерной собственности. Например, если в компании 50 % акций принадлежит лицу из страны А, а другие 50 % находятся в собственности из стран В (которая может и не быть членом ВТО), невозможно определить страну происхождения этой компании по критерию собственности или контроля. На практике равнодолевая и рассеянная структура акционеров компании может использоваться для ослабления концентрации, а также недопущения злоупотребления правами управления, привлечения несовершеннолетних акционеров, более равномерного распределения рисков, усиления общественной безопасности и решения финансовых трудностей инвесторов. Во-вторых, при установлении происхождения услуг, предоставляемых совместно несколькими провайдерами. В таких сегментах услуг, как цифровое издательское дело, архитектурный дизайн, веб-хостинг и даже оборона, нередко встречаются услуги, которые поставляются более чем одним поставщиком. Транзакционное сотрудничество по предоставлению услуг играет важную роль в определенных рынках и способствует передаче технологий, перераспределению ресурсов, сокращению расходов, позволяет устанавливать стратегические альянсы, соответствовать требованиям внутреннего регулирования и осуществлять освоение новых рынков. В-третьих, при происхождении услуги при аутсорсинге, что существенно усложняет определение их подлинного происхождения. Критерии собственности и контроля не позволяют установить реальных экономических поставщиков услуг, как и не позволяют отличить юридического поставщика услуг от ее реального экономического поставщика. Если первый, как подразумевается, подписывает контракт и таким образом становится юридически обязанным предоставлять услуги по контракту, то второй представляет собой реального поставщика услуг и может быть одним из тех, с кем юридический поставщик услуг заключает субконтракт. Поскольку реальный поставщик услуг не является стороной договора, получатель услуги может его вообще не знать. Справедливости ради следует отметить, что ус-

луги по аутсорсингу могут создавать проблемы и в сборе статистики внешней торговли, применении национальных законов, определении регулятивной ответственности, применении технических стандартов, признании квалификации, а также при госзакупках и субсидиях.

В целом, как показал анализ, существующие правила происхождения ГАТС далеко не всегда успешно справляются с безошибочным определением основного и конечного владельца или лица, контролирующего компанию.

В РТС в области торговли услугами критерии для определения страны происхождения могут принимать следующие формы: критерий юрисдикции, под которой находится юридическое лицо; критерий местонахождения экономической деятельности поставщиков услуг; критерий «собственности и контроля предприятий»⁵.

Проведение горизонтального анализа региональных торговых соглашений в области торговли услугами значительно осложняется из-за различий в содержательной части используемой терминологии.

Неоднородные определения обуславливают различные подходы к сфере охвата, структуре и механизмам региональных торговых соглашений. Совокупность определений в соглашениях и дает основу для правил происхождения, которые в неявном виде определяют, кто в большей или в меньшей степени получит выгоды от либерализации.

Далее мы будем рассматривать два типа региональных торговых соглашений, регулирующих торговлю услугами. Первый тип получил название «соглашения по типу ГАТС», и в них либерализация проводилась по «положительному списку», который предполагает выбор секторов или подсекторов, по которым правительства готовы взять обязательства по либерализации. Второй тип соглашений был заключен по «типу НАФТА». В таких соглашениях либерализация была проведена по «отрицательному списку», согласно которому страны, подписавшие соглашения, указывают сектора, на которые не распространяются общие правила зон свободной торговли; соответственно, все остальные сектора предполагается либерализовать.

В отличие от ГАТС и соглашений по типу ГАТС, соглашения по типу НАФТА не дают определение «торговли услугами». В соглашениях по типу НАФТА дефиниция

«трансграничная торговля услугами» в целом соответствует трем из четырех способов поставки ГАТС: трансграничной поставке, потреблению за рубежом и перемещению физических лиц⁶. В соглашениях по типу НАФТА коммерческое присутствие регулируется в рамках отдельной главы по инвестициям. При этом инвестиционный раздел не ограничивается только присутствием и только торговлей услугами. Широкое определение трансграничности, которое раскрывается как поставка услуг «гражданами» одной страны на территорию другой, позже ограничивается другой категорией — «временным перемещением бизнесменов», которое в соглашениях по типу НАФТА стало отдельным объектом регулирования.

Все РТС оперируют терминами «граждане», «постоянное место жительства». Как правило, их юридическое содержание устанавливается национальным законодательством страны. С точки зрения расширения обязательств РТС на страны, не участвующие в соглашении, постоянное место жительства имеет более слабый эффект, чем гражданство. Под гражданином понимается законный житель страны, поэтому получение гражданства в большинстве случаев представляет собой достаточно длительную процедуру. Получение постоянного места жительства может оказаться не простой процедурой, но все же сравнительно более гибкой, чем получение гражданства иностранным поставщиком услуг, чья деятельность в зоне действия торгового соглашения часто обусловлена краткосрочными деловыми связями.

Что касается юридических лиц, то здесь имеются различия в установлении организационно-правовой структуры в правилах происхождения поставщика услуг между соглашениями по типу ГАТС и соглашениях по типу НАФТА. Как отмечалось, ГАТС определяет юридическое лицо другого участника соглашения как лицо, которое принадлежит или контролируется физическими лицами или юридическими лицами такого члена. При этом в случае юридических лиц, под контролем подразумевается право назначать большинство директоров, в то время как собственность означает обладание более 50 % доли участия в акционерном капитале компании⁷.

Соглашения по типу НАФТА, напротив, содержат широкую трактовку юридического лица, только упоминая

проверку регистрации, вместе с тем сохраняя возможность отказать в предоставлении преференциального доступа по причине отсутствия так называемого «существенного объема деловых операций». Получается, что ГАТС и соглашения по типу ГАТС в целом имеют более строгое определение юридических лиц-бенефициаров: соглашение распространяется не на все учрежденные юридические лица, а только на те, что обладают правом собственности или правом направлять деятельность компании. Среди смешенных типов соглашений могут встречаться строгие определения по аналогии с соглашениями по типу ГАТС и пункт об отказе предоставления преференций⁸.

Все существующие соглашения широко определяют понятие «меры» в торговле услугами. В соглашениях по типу НАФТА меры охватывают «законы, положения, процедуры, требования и практику». В соглашениях, построенных по типу ГАТС, обычно используют фразу «мера... в любой другой форме». Такая оговорка обеспечивает, что ни одна мера априори не окажется вне общей компетенции соглашения. Оба типа соглашений также понимают под «мерами членов, влияющими на торговлю услугами» меры в отношении покупки, оплаты и использования услуги; доступ к услугам и использование услуг с учетом требования широкого публичного предложения; присутствие лиц для поставки услуги на территории другого члена⁹.

Что касается понятия «меры членов», то здесь в соглашениях по типу ГАТС, в отличие от соглашений по типу НАФТА, используется более широкий подход. Так, последние исключают применение национального режима, режима наибольшего благоприятствования и требования местного присутствия на меры, принятые органами местного самоуправления (на уровне муниципалитетов)¹⁰. Более того, в соглашениях типа НАФТА даже не делается попытки найти компромисс в подобных ситуациях. Например, в ст. I п. 3 ГАТС, в рамках которой члены обязуются принимать «разумные меры... чтобы обеспечивалось их соблюдение региональными и местными правительствами и властями». В соглашениях типа НАФТА в части описания общих целей содержится лишь упоминание об этом положении¹¹.

Как и в случае торговли товарами, запретительный характер принятых правил происхождения услуг будет опреде-

лять, в какой степени третьи страны смогут воспользоваться торговыми и инвестиционными преференциями. Иными словами, правила происхождения в торговле услугами во многом устанавливают дискриминационные условия доступа на рынок для поставщиков услуг из стран, не участвующих в соглашении, и таким образом определяют возможности инвестиционного взаимодействия. Когда уровень протекционизма различен в странах-участницах РТС, эффективная преференция, предоставляемая торговому партнеру, в итоге зависит от характера запретительных правил происхождения. Так, если один из участников имеет свободный доступ на рынок, принятие либеральных правил происхождения другими участниками может быть сопоставимо с либерализацией на основе РНБ. Поставщики услуг могут зарегистрироваться в либеральной юрисдикции и уже оттуда поставлять услуги на территории других стран.

Таким образом, на первый взгляд, многосторонние правила торговли, сформулированные ГАТС, способствуют продвижению проконкурентной политики. Так, ст. V. 6. подталкивает РТС «Север-Север» и «Север-Юг» (а на их долю приходится 62 % нотифицированных РТС) принимать наиболее либеральные правила происхождения услуг. Согласно этой статье, любой инвестор из третьей страны, осуществляющий значительный объем деловых операций на территории стран-участниц РТС, должен рассматриваться как инвестор из РТС¹².

При данных обстоятельствах де юре преференции РТС становятся де факто международными обязательствами. Это очень важный момент, учитывая, что на торговлю, осуществляемую способом 3 (коммерческое присутствие), приходится 2/3 всей торговли услугами. Более того, на этот способ поставки приходится самый большой объем обязательств, принятых странами в рамках ВТО (выше 60 % обязательств по торговле услугами, указанных в национальных перечнях).

Нормы ВТО действуют не только в одностороннем порядке. Так, ст. V 3(b) ГАТС наделяет стран — участниц РТС Юг-Юг правом принимать более запретительные правила происхождения и совершить отказ в преференциальном доступе для инвесторов из третьей страны, если таковые не принадлежат физическим лицам сторон такого соглашения и не контролируются ими. Участники, которые

стремятся извлечь выгоду от преференциального доступа к защищаемому рынку и препятствуют получению выгоды для конкурентов из стран, не входящих в РТС, будут заинтересованы в установлении запретительных правил происхождения, используя собственность и контроль за предприятием. Как правило, такой подход поддерживают поставщики услуг, которые стали лидерами на региональном уровне, но неконкурентоспособны на мировом рынке услуг, по отношению к поставщикам из стран, не участвующих в интеграционном проекте¹³.

Примеры ограничительных правил в торговле услугами и движении инвестиций можно встретить в субрегиональном торгово-экономическом союзе (МЕРКОСУР), Андском пакте, включающих ограничения прибыли для юридических лиц, которые находятся в собственности или контролируются физическими лицами из стран — участниц соглашения. Другим примером может стать Соглашение о свободной торговле Гонконг-Китай, содержащее подробное приложение с набором критериев, на основе которых поставщики услуг из Гонконга могут получить выгоду от участия в соглашении. Показателен в данном случае опыт развития мексиканского банковского рынка, наблюдаемый с момента подписания НАФТА. Участники предполагали, что принятие либеральных правил происхождения сыграет важную роль в смягчении любых сильных преференций, которые неизбежно получают американские и мексиканские банки в рамках НАФТА.

Что касается других способов поставки, то представляется маловероятным, что участники РТС смогут активно претворять в жизнь преференции, влияющие на рост трансграничных операций (способ 1: трансграничная поставка услуг с территории одной страны на территорию другой). Поэтому здесь результаты для третьих стран вновь предполагают конвергенцию между торговыми преференциями и многосторонними нормами и правилами.

Вопросы правил происхождения представляются крайне дискуссионными в отношении способа 2 (потребление за рубежом), поскольку некоторые страны смогут выборочно дискриминировать одних иностранных потребителей в пользу других.

Как и в случае торговли товарами, правила происхождения услуг становятся значимыми, если пересечения границы поставщиком услуги влияют на возможность получения доступа на рынок. Поэтому наиболее простая ситуация складывается со способом 4, где поставщики услуг должны физически пересечь границу, чтобы вести международную торговлю. Неудивительно, что правила происхождения, применяемые к торговле услугами этим способом, принимают самые ограничительные меры из-за того, что преференции РТС, как правило, распространяются только на граждан и постоянных резидентов стран РТС. Отметим, что эти ограничения касаются способа поставки, который насчитывает менее 5 % всей совокупной торговли услугами.

Увеличение числа региональных торговых соглашений, регулирующих услуги, породило различные подходы к выбору и применению правил происхождения поставщика услуг. Ситуация осложняется тем, что, в отличие от торговли товарами, защитные меры в торговле услугами принимают форму не тарифов, а комплекса мер внутреннего регулирования. Определение происхождения услуги или ее поставщика в соответствии с правилами ГАТС оказывается достаточно проблематичным. Критерии собственности и контроля не позволяют определить происхождение юридических лиц с равнодолевой или рассеянной структурой акционерного капитала и корректно идентифицировать экономического и конечного поставщика услуг.

Сравнивать, в каких РТС правила происхождения услуги более строгие или более либеральные, представляется довольно трудной задачей, поскольку практический эффект от правовых норм различен из-за национальных различий в интерпретации таких терминов, как «мера», «юридические лица», «торговля услугами и др.

Наиболее важным вопросом в рамках РТС, направленных на либерализацию торговли услугами, является то, в какой степени третьи страны могут распространять торговые преференции, действующие среди стран — участниц соглашения.

Ст. V 3(b) ГАТС наделяет стран — участниц РТС Юг-Юг правом принимать более строгие правила происхождения услуг и совершить отказ в преференциальном доступе для инвесторов из третьей страны, если таковые не принадлежат физическим лицам сторон такого соглашения и не контроли-

руются ими. Многие РТС с участием развивающихся стран (МЕРКОСУР, АСЕАН или Андский пакт) воспользовались этой лазейкой, возможно, в ущерб инвестиционной привлекательности интеграционного объединения (в той степени, в которой такие ограничения вступили в силу).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-32-01200.

² См.: Бирюкова О.В. Торговля услугами в Дохийском раунде: многостороннее соглашение для избранных? // Вестн. междунар. организаций. 2013. № 2. С. 98—110.

³ См.: Основы торговой политики и правила ВТО. М.: Междунар. отношения, 2005. С. 56.

⁴ См.: Wang H. «WTO Origin Rules for Services and the Defects: Substantial Input Test as One Way Out?» // J. of World Trade 44. 2010. № 5. С. 1083—1108.

⁵ См.: Fink C. and Jansen M. Services provisions in regional trade agreements: stumbling blocks or building blocks for multilateral liberalization? // Baldwin R. and Low P. (eds.) *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. С. 221—261.

⁶ См.: NAFTA, art. 1213:2.

⁷ См.: ГАТС. Ст. XXVIII(n).

⁸ См.: Miroudot S., Sauvage J., Sudreau M. *Multilateralising Regionalism: How Preferential Are Services Commitments in Regional Trade Agreements?* // OECD Trade Policy Papers, 2010. № 106.

⁹ NAFTA, art. 1201 and GATS, art. XXVIII:(c).

¹⁰ NAFTA, arts. 1206 and 1108.

¹¹ NAFTA, art. 105.

¹² См.: Shingal A., Sauvé P. *Reflections on the Preferential Liberalization of Services Trade*. Univ. Library of Munich, 2011.

¹³ См.: *A Handbook of International Trade in Services* / ed. by A. Mattoo, R.M. Stern and G. Zanini. N. Y.: Oxf. Univ. Press, 2011. P. 251.

Поступила 11.06.2014.

A. V. Daniltsev, O. V. Biryukova. Rules of Origin for Services in Regional Trade Agreements as an Instrument of Trade Policies

The paper analyzes the peculiarities of application of rules of origin for services, which are insufficiently studied in comparison with the rules of origin for goods. The main approaches to identification of the origin of a legal entity are considered, as well as the main difficulties in comparison of

the rules of origin in various regional groupings. Relevance of the topic is emphasized, due to the creation of a Single Economic Space between Russia, Kazakhstan and Belarus and the need to use rules of origin for services as an instrument of trade policies of the participating states.

The paper also presents an analysis of international legal regulation determining the country of origin of the service provider. The main groups of issues related to the application of the rules of the World Trade Organization are listed. They include: determining the origin of a legal entity with equal share or a dispersed joint-stock ownership structure, identification of the origin of the services provided jointly by several providers, the origin of the services in outsourcing.

Features of comparison of the rules of origin for services in various regional trade agreements are discussed. The practical effect of legal regulations is different because of national differences in interpretation of the terms «measure», «legal entity», «trade in services», etc. The impact of rules of origin on the nature of investment flows is determined. The authors conclude that the most important issue in the framework of regional trade agreements on liberalization of trade in services is the extent to which third countries can use trade preferences which are in effect for the countries participating in the agreement.

DANILTSEV Alexander Vladimirovich, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Trade Policy, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

BIRYUKOVA Olga Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of International Economic Organizations and European Integration, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

Л. И. ЗИНИНА, С. В. МАЛКИН
**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ
 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
 ПРИОРИТЕТЫ ПРОИЗВОДСТВА
 ПРОДУКЦИИ ПЧЕЛОВОДСТВА
 В СИСТЕМЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО
 ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА**

Ключевые слова: продовольственная безопасность, система продовольственного обеспечения, экономическая эффективность продукции пчеловодства, стратегия развития пчеловодства

Key words: food security, food supply system, economic efficiency of beekeeping production, beekeeping development strategy

Обосновывается социально-экономическая значимость пчеловодства, необходимость разработки региональной стратегии его развития в системе продовольственного обеспечения. Даны оценки экономической и физической доступности продукции пчеловодства и рекомендации по разработке и реализации инновационной стратегии развития этой отрасли.

The paper grounds socio-economic importance of beekeeping, necessity to create its regional development strategy within the system of food supply. The study estimates the economic and physical availability of beekeeping products and gives recommendations on elaboration and implementation of innovative strategies for development of this industry.

Перепроизводство продовольствия в развитых странах не сопровождается снижением цен на него, что привело к недостаточному обеспечению стратегическими видами продовольствия жителей развивающихся стран. Сложившееся положение нередко используется развитыми странами как орудие в продовольственных войнах, которые во многом обуславливают политическую и экономическую зависимость государств.

В силу территориальных преимуществ Россия может находиться в числе крупнейших мировых товаропроизводителей

ЗИНИНА Любовь Ивановна, профессор кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

МАЛКИН Сергей Владимирович, аспирант кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета.

и экспортеров, но растущий спрос на продукты питания не удовлетворен, несмотря на то что удалось обеспечить рост продовольственного сырья. Поэтому необходима разработка новых подходов к эффективному использованию агроэкономического потенциала для удовлетворения растущего спроса на продукты питания.

Следует отметить, что для решения этих проблем до сих пор недостаточно изучены возможности отрасли пчеловодства. Мы считаем, что развитие пчеловодства необходимо рассматривать в качестве одной из составляющих системы продовольственного обеспечения. Во-первых, продукты пчеловодства способны разрешить «скрытые формы голода» (по терминологии ФАО), вызываемые недостаточным потреблением жизненно важных микроэлементов, витаминов, аминокислот (в том числе незаменимых). Во-вторых, отрасль пчеловодства может быть средством повышения социально-экономической эффективности сельхозорганизаций и как системообразующую часть продовольственной системы. Медоносные пчелы опыляют 80 % энтомофильных культур, и таким образом отрасль вносит незаменимый вклад в производство ягод, овощей, фруктов, семян растений (гречиха, подсолнечник, рапс, горчица), семян кормовых культур (люцерна, эспарцет, клевер) и даже хлопка. Это доказывает прямое воздействие пчеловодства на масштабы и эффективность развития отраслей растениеводства.

Мы считаем, что развитие пчеловодства в системе продовольственного обеспечения следует рассматривать с позиций усиления социально-экономической значимости отрасли и приоритета общественных потребностей, достижения технологической, социальной, агроэкологической и экономической эффективности, обеспечивающих конкурентоспособность продукции пчеловодства, ее физическую и экономическую доступность для потребителя, рост продовольственной самодостаточности региона. Развитие пчеловодства важно с позиций обеспечения инновационности бизнес-процессов в отрасли, максимизации объемов производства различных видов продукции пчеловодства (меда, перги, пыльцы, маточного молочка, трутневого гомогената, прополиса, пчелиного яда, воска и их переработки), отвечающих современным требованиям качества и потребления, оптимизации затрат, обеспечения уровня доходности отрасли, ее расширенного

воспроизводства и социально-экономической защищенности товаропроизводителей.

Следует оценить социально-экономическую значимость пчеловодства с позиции потребления меда как продовольственного ресурса. Существуют различные рекомендации по потреблению меда. Мы остановимся на нормах, рассчитанных Российской академией медицинских наук, в соответствии с которыми в сутки взрослому человеку необходимо 20—30 г меда, или 7—10 кг в год. Исходя из этого, необходимо оценить по этим нормам объемы потребности в меде для населения региона, сравнив этот показатель с объемами фактического производства меда. Для расчета мы использовали информацию Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. Результаты анализа показывают, что обеспеченность населения медом низкая. Исходя из оценки потребности населения региона в меде с учетом рекомендуемых норм потребления РАМН, его *физическая доступность* составляет только 12 %. Дефицит меда для населения республики по нормам РАМН составляет 5 641,83 т. Уровень обеспеченности медом свыше 50 % наблюдается только в Большеигнатовском (56,3 %) и Ромодановском (74 %) районах. По обеспеченности медом в пределах от 20 до 40 % можно выделить Ардатовский, Большеберезниковский, Дубенский, Ельниковский, Инсарский, Ичалковский, Кадошкинский, Ковылкинский, Кочкуровский, Старошайговский районы, на другие же районы приходится от 0,9 до 18,8 % от рекомендуемых объемов потребления. Минимальный уровень обеспеченности медом в ГО Саранск — 0,9 %. Надо полагать, что в данном случае этот показатель вовсе не объективен, поскольку большое количество меда в ГО Саранск реализуется из районов республики. Но в целом можно сказать, что этот относительный показатель достоверен, однако нужно учесть, что основное население не потребляет мед в рекомендуемых количествах. Следовательно, необходимо стимулирование спроса меда через апитерапию (которая послужит полезной рекламой), что приведет к увеличению емкости рынка меда, росту уровня обеспеченности им населения и дальнейшему развитию отрасли пчеловодства в регионе.

При анализе цены реализации меда (в основном в частном секторе, удельный вес которого в структуре пчеловодства

составляет 95 %) в течение периода 2005—2010 гг. можно отметить тенденцию роста цен со 150 до 400 руб. за 1 л, в 2011—2012 гг. наблюдалась равновесная цена на уровне 400 руб., в 2013 г. произошло снижение цены до 330 руб., что свидетельствует о превышении объемов предложения меда над его спросом. С учетом перепроизводства меда можно судить о его физической доступности для населения республики.

Максимальная годовая потребность в меде, по рекомендации РАМН, составляет 10 кг. Для удобства расчетов мы перевели рекомендуемые нормы в литры (плотность меда при 20 % влажности составляет 1,47, т. е. на 1 л меда приходится его 1,47 кг). Стоимость меда для потребителей в месяц составляет 188,7 руб. (по рекомендуемым нормам потребления). Поэтому можно сделать вывод об *удовлетворительной экономической доступности* меда для населения в республики. Однако традиция потребителей приобретать мед непосредственно у пчеловодов по 3 л (по ценам 2013 г. за 3 л. — 1 тыс. руб.), не распределяя стоимость на период потребления, создает мнение о недостаточной экономической доступности меда.

Эффективное обеспечение физической и экономической доступности для населения продуктов пчеловодства, решение проблемы «скрытой формы голода», повышение экономической эффективности сельскохозяйственных организаций при сочетании отрасли пчеловодства с растениеводством и кормопроизводством в Мордовии, по нашему мнению, возможно при условии разработки региональной стратегии развития пчеловодства, ибо решение тактических задач отдельными хозяйствующими субъектами не снимает проблемы эффективного развития отрасли пчеловодства в системе продовольственного обеспечения. Формирование региональной стратегии развития пчеловодства должно предполагать, что эта отрасль является одной из составляющих системы продовольственного обеспечения. В связи с этим анализ внутренней и внешней среды пчеловодства необходимо осуществлять для выявления факторов, оказывающих воздействие на развитие пчеловодства в системе продовольственного обеспечения.

Взаимосвязь отрасли пчеловодства и системы продовольственного обеспечения обуславливает цель региональной

стратегии развития пчеловодства, которая заключается в повышении его экономической эффективности вследствие повышения экономической эффективности первичного производства сырья и продовольствия (растениеводства, кормопроизводства), обеспечения физической и экономической доступности продуктов пчеловодства для населения.

Организационно-управленческую структуру пчеловодства целесообразно представить в виде нескольких элементов: на региональном уровне — Министерство сельского хозяйства и продовольствия, стратегический центр развития пчеловодства; на районном уровне — управление сельского хозяйства района; некоммерческие организации (общества пчеловодов); отраслевые хозяйствующие субъекты (кооперативы, ИП, коммерческие организации, образовательные учреждения); общественные пасеки; частные пасеки; оптовые и розничные потребители. Каждый элемент структуры выполняет определенные функции. Например, для стратегического центра развития пчеловодства предусмотрены следующие функции: 1) взаимодействие с государством (Министерством сельского хозяйства и продовольствия) по наиболее актуальным вопросам стратегического и индикативного планирования, подготовки нормативно-правовых актов, государственной поддержки отрасли, подготовки кадров в учебных заведениях, создания информационной системы обслуживания отрасли, внедрения агротехнического приема опыления; популяризации апитерапии; 2) мониторинг развития пчеловодства в регионе; 3) анализ внутреннего, внешнего и мирового рынков продукции пчеловодства; 4) накопление сведений и информирование о передовом опыте; 5) помощь в развитии предпринимательства, коммерческих организаций, кооперативов в отрасли; 7) контроль содержания пород пчел; 8) взаимодействие со СМИ¹.

Приоритетные направления стратегического развития отрасли пчеловодства, по нашему мнению, являются основой планирования стратегических параметров, посредством реализации которых достигается стратегическая цель, поэтому они должны дополняться и корректироваться в зависимости от изменяющихся внутренних и внешних условий.

Реализация программы развития пчеловодства в системе продовольственного обеспечения возможна на основе субсидирования из федерального бюджета. Однако Правила

распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации не предусматривают непосредственно развитие отрасли пчеловодства. Но значимость региональной программы развития пчеловодства можно обосновать исходя из ст. 2 названных правил («развитие прочих направлений по поддержке производства (сельскохозяйственного, перерабатывающего, снабженческо-сбытового и другого), имеющего существенное значение для устойчивого социально-экономического развития сельских территорий субъектов Российской Федерации»). В связи с этим можно предусмотреть методические рекомендации по подготовке программы развития пчеловодства в регионе.

Структура подготовки региональных программ развития сельского хозяйства, как правило, стандартна: паспорт программы; характеристика проблемы, на решение которой направлена программа; цели и задачи программы; целевые индикаторы программы; перечень и описание программных мероприятий; социальная и экономическая эффективность реализации программы; обоснование потребности в ресурсах; система управления подготовкой и реализацией программы. В отношении разработки региональной программы развития такая структура вполне целесообразна, но ее можно корректировать с учетом условий и специфики развития пчеловодства.

Целью программы является конкретизированный конечный результат по одному из перспективных направлений, например таких:

а) оптимизация ресурсной базы производства продукции пчеловодства:

— использование паров для восстановления плодородия путем возделывания донника и других бобовых культур с учетом пчеловодства (увеличение занятых паров донником двулетним; увеличение пчелиных семей относительно посевов донника двухлетнего; повышение квалификации агрономов в сельскохозяйственных организациях; обеспечение сельскохозяйственных организаций методическими рекомендациями по экспорту продукции пчеловодства в условиях ВТО);

— оптимизация севооборота кормовых культур с учетом развития пчеловодства (увеличение посевов кукурузы на силос с донником однолетним; возделывание кормовых энтомофильных культур (козлятника, эспарцета и др.) для производства сенажа, сена, семян совместно с медом, пыльцой и пергой; увеличение численности пчелиных семей относительно искусственно созданных медоностных ресурсов; обеспечение сельскохозяйственных организаций методическими рекомендациями по экспорту продукции пчеловодства в условиях ВТО);

б) возобновление пчелоопыления:

— кооперация общественного сектора с частным для опыления энтомофильных культур общественного сектора (повышение квалификации агрономов в сельскохозяйственных организациях и главных агрономов управлений сельского хозяйства администраций районов; объединение пчеловодов частного сектора в общественные организации по районам Республики Мордовия; оптимизация доставки пасек частного сектора на возделываемые культуры общественного сектора; контроль обработки средствами защиты растений; увеличение спроса на внутреннем рынке рапсового и подсолнечникового меда);

— увеличение количества пчелиных семей общественного сектора для оптимального обеспечения культур пчелами (информационно-консультационное обслуживание сельскохозяйственных организаций по организационном, технологическим, экономическим аспектам развития пчеловодства; увеличение спроса на внутреннем рынке рапсового и подсолнечного меда).

Целевые индикаторы программы должны оценивать ожидаемые результаты реализации программы исходя из цели и задач. Таковыми являются валовое производство меда, т; производство меда на одну пчелиную семью, кг; количество реализованного меда общественным сектором, в том числе на внутреннем и внешнем рынках; площадь занятых паров бобовыми энтомофильными культурами, га; площадь кормовых энтомофильных культур учетом пчеловодства, га; площадь кукурузы на силос совместно с донником, га; количество агрономов, прошедших квалификацию, чел.; отношение количества агрономов, повысивших квалификацию, к фактическому количеству работников в сельскохозяй-

ственных организациях, %; численность пчелиных семей в общественном секторе, шт.; численность пчелиных семей в частном секторе, шт.; площадь энтомофильных культур, га; урожайность сельскохозяйственных энтомофильных культур, ц; обеспеченность посевов пчелиными семьями, в том числе пчелиными семьями частного и общественного сектора, %; количество созданных пчеловодческих общественных организаций, шт.; отношение созданных пчеловодческих общественных организации к числу районов республики, %; количество реализованного меда общественным сектором и частным секторами, в том числе на внутреннем (рапсового, подсолнечного меда) и на внешнем рынках, т.

Реализация задач программы подразумевает разработку специализированных мероприятий. При оптимизации ресурсной базы производства продукции пчеловодства предполагаются проведение обучающих курсов, повышение квалификации агрономов; закупка семян донника однолетнего и энтомофильных бобовых культур; приобретение пчелиных семей сельскохозяйственными организациями; строительство зимовников; приобретение инвентаря, специальной одежды, расходных материалов для содержания пасеки; проведение обучающих курсов для руководителей и главных специалистов сельскохозяйственных организаций; обеспечение методической литературой руководителей и главных специалистов сельскохозяйственных организаций; приобретение пчелиных семей общественным сектором; покупка племенных маток; предоставление помещения пчеловодческим общественным организациям; регистрация пчеловодческих общественных организаций; реклама полезных свойств рапсового и подсолнечного меда; проведение ярмарок; консультирование по вопросам развития пчеловодства; приобретение частным сектором павильонов для содержания пчелиных семей; покупка специальных средств для погрузки пчелиных семей.

К сожалению, развитие пчеловодства пока для государства не является приоритетным направлением сельского хозяйства, хотя в нем заложен значительный социально-экономический эффект.

Таким образом, реализация стратегических социально-экономических приоритетов производства продукции пчеловодства в системе продовольственного обеспечения позволяет решить задачи интенсивного развития отрасли

пчеловодства, обеспечения физической и экономической доступности населения его продуктами, повышения экономической эффективности сельскохозяйственных организаций при рациональном сочетании отрасли пчеловодства с кормопроизводством и оптимизации отраслевой структуры сельскохозяйственных предприятий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Савин А.П. Комплексное использование медоносных культур // Мордовский мед: Междунар. форум пчеловодов, 18—19 сент. 2010 г. Саранск, 2010. 112 с.

Поступила 15.05.2014.

L. I. Zinina, S. V. Malkin. Strategic Socio-Economic Priorities of Beekeeping Production in the System of Food Supply of a Region

The paper substantiates the relevance of the socio-economic role of beekeeping development in the system of food supply. It also identifies specific features of the beekeeping industry, basing on them, it is regarded as part of the food system. The paper assesses the physical and economic availability of honey for the population of the Republic of Mordovia on the basis of official statistical data and observations of the sectoral market.

It discusses the need for elaboration of a regional strategy for the development of beekeeping in the system of food supply; it presents the algorithm of its formation and detailed description of implementation of the strategy through targeted programs in modern conditions.

It is concluded that the implementation of the regional strategy will ensure effective development of beekeeping in the system of food supply, i. e. to solve the problems of intensive development of the industry, to ensure the physical and economic availability of beekeeping products for the population, to improve the economic efficiency of agricultural organizations with a rational combination of beekeeping industry and forage production.

ZININA Lyubov Ivanovna, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Statistics, Econometrics and Information Technology in Administration, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

MALKIN Sergei Vladimirovich, Postgraduate at the Department of Statistics, Econometrics and Information Technology in Administration, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

С. В. БУЛЯРСКИЙ А. О. СИНИЦЫН

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ¹

Ключевые слова: кластер, кластерная стратегия, региональная экономика, глобализация

Key words: cluster, cluster strategy, regional economy, globalization

В статье проанализирована мировая практика формирования промышленных экономических кластеров. Выявлены условия складывания таких структур.

The paper analyzes the international practice of formation of industrial economic clusters. The conditions for formation of such structures are exposed.

Современные тенденции глобализации экономики, а также укрупнение экономических структур на основе аккумуляции и концентрации ресурсов приводят к кластерной модели организации производства². Эта модель позволяет повысить эффективность предпринимательской деятельности в условиях возрастающей неопределенности внешней среды. Тенденция к созданию и развитию промышленных класте-

БУЛЯРСКИЙ Сергей Викторович, заведующий кафедрой инженерной физики Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

СИНИЦЫН Антон Олегович, старший научный сотрудник Управления научных исследований Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук.

ров наблюдается практически во всех регионах России. Не является исключением Ульяновская область. Здесь образован ряд кластерных структур, созданных по отраслевому принципу: атомный, авиационный, строительный и др.

Каждый вновь формирующийся кластер привносит в экономику новые идеи и формы организации интегрированных структур, обогащает концептуальные, теоретические и практические представления о путях развития промышленных кластеров. Динамика формирования кластеров обуславливает необходимость поиска новых подходов к управлению отраслями и комплексами, возникающими внутри них.

В последние годы возникла новая устойчивая тенденция — трансформация кластерной стратегии развития экономики в важный элемент государственной экономической политики. В связи с этим важно проанализировать примеры реализации кластерных моделей с прямым или косвенным участием государства, наблюдаемые в мировой практике. Россия, несмотря на наметившиеся положительные тенденции, пока находится в догоняющем положении в части реализации кластерной политики по отношению как к США, так и к ряду европейских стран. С этой точки зрения полезно рассмотреть опыт кластерных инициатив ведущих западных государств³. В силу того что степень развития и специфика структуризации экономики стран различаются, имеет смысл рассматривать их раздельно.

О масштабе реализации кластерной модели в США можно судить по количеству субъектов экономики и штатов, вовлеченных в те или иные кластерные проекты. На сегодняшний момент там образовано 180 кластеров в более чем 48 штатах. Кластерные инициативы в США, как правило, поддерживаются из федерального бюджета. Это происходит в нарушение ограничений, существующих в рамках ВТО. Современное состояние экономики США требует проведения масштабных мероприятий, ориентированных на развитие инноваций производственной сферы и стимулирование экспорта. С этой целью в 2013 г. правительство США выделило 1 млрд долл. на создание 15 национальных институтов, основная функция которых — разработка инновационных технологий. Кроме того, в этом же году правительство США направило средства на стимулирование развития 56 кластерных инициатив в 48 штатах, в том числе и на Аляске⁴.

Специализация и локализация кластеров в США весьма разнообразны: 18 кластеров, ориентированных на новые материалы, созданы в ряде географически удаленных штатов (Восточный Теннесси, Южная Аризона, Филадельфия и т. д.). Такой же подход использован при организации 10 кластеров со специализацией «Clean Energy» (чистая энергия): Юго-Восточной Мичиган, Флорида, Сан-Диего, штат Орегон, Каролина и др. Есть предпосылки для развития сильных кластеров в области пищевой промышленности в Новой Англии, Бристольском заливе и регионе Фингер Лэйкс. Ряд кластерных инициатив относятся к отраслям ИТ (информационные технологии), технологиям очистки и получения воды, обработки древесины. В рамках перечисленных отраслевых специализаций деятельность участников кластеров и координаторов кластерной политики представителями государственной власти ориентирована на развитие новых кооперационных связей, координацию процессов взаимодействия участников региональных кластеров, снижение инвестиционных и инновационных рисков.

Кластеры создаются при финансовой поддержке государства, которое оставляет за собой функции координации их деятельности. Эта тенденция важна с точки зрения переосмысления роли государства в современной капиталистической экономике. Его участие заметно усиливается, что опровергает существующие либеральные концепции ее развития, которые, к сожалению, доминируют и в России.

Нарушается географический принцип формирования кластера по М. Портеру⁵. Во-первых, он не является существенным, как с точки зрения глобализации экономики, так и с точки зрения современных ИТ-технологий, снимающих дистанционные барьеры. Во-вторых, на первое место выходит принцип не территориальности, а эффективного распределения производительных сил, который с точки зрения развития экономики страны важнее. Кластеры с участием государства формируются в отраслях высоких технологий, которые определяют будущее страны. Тем самым государство проводит политику стратегического планирования развития экономики на многие годы вперед, что опять не согласуется с либеральной идеологией.

В Европе накоплен достаточно богатый и интересный опыт осуществления программ государственной поддерж-

ки кластерных инициатив⁶. Анализ кластерной политики ЕС выявляет еще одну новую тенденцию в архитектуре цепочек создания добавленной стоимости. Практически во всех странах Европы кластерная концепция интегрирована в государственную стратегию экономического развития. В количественном отношении это подтверждает таблица.

Таблица

Кластерные инициативы ЕС

Страна	Количество кластерных инициатив
Бельгия	Фландрия — 14 кластерных инициатив, Валония — 9 экономических и технологических кластеров
Германия	100 существующих кластеров + 80 создающихся кластеров
Испания	Несколько сотен кластеров
Австрия	45 существующих кластеров
Финляндия	10 кластеров на национальном уровне, несколько инициатив регионального и локального масштаба
Великобритания	154 кластера
Эстония	1 кластер
Венгрия	19 кластеров
Латвия	4 кластера
Польша	20—30 кластеров + несколько кластеров в свободной экономической зоне
Словения	9 потенциальных кластеров (продуктовые сервисные системы), 12 кластеров
Норвегия	6 кластеров национального масштаба, 62 кластера регионального масштаба

Специализация этих кластеров весьма разнообразна, но можно выделить основные тренды, которые сформировались за последние 5 лет⁷. Промышленные экономические кластеры охватывают текстильную промышленность, электронику, машиностроение, а для развивающихся стран ЕС также автомобилестроение и химическую промышленность. Кластерные инициативы в Европе поддерживаются государственными программами в течение более 10 лет. Успешно реализована программа «VIS — Flemish Cooperative Network for Innovation» (2002—2012 гг.), которая осуществляла субсидирование бизнеса в Бельгии. В Дании по инициативе министерства экономики этой страны реализуется программа «Cluster of competence». В Германии за счет государственных субсидий на протяжении нескольких десятилетий реализуются программы «BioRegion contest» и «EXIT — University based start-ups» при поддержке министерства образования. Эти программы ориентированы на финансирование научной

деятельности, развитие инфраструктуры, формирование венчурных фондов и выстраивают взаимодействие между фирмами и институтами в области высоких технологий. В Испании в рамках государственных программ создан региональный фонд, осуществляющий управление кластерами. Фонд курирует проекты, поддерживает научные исследования под заказ бизнеса. Весьма показателен опыт межгосударственного взаимодействия. Разработана и функционирует экономическая программа по интенсификации кластерной политики Польши, Словакии, Венгрии и Чехии. С 1995 по 2009 г. в этих странах было реализовано более 50 кластерных инициатив и существенно увеличилось (на 20 %) сальдо торгового баланса за счет роста экспорта.

В течение последних 20 лет кластерные структуры активно развиваются. Кластерная политика большинства государств воплощается в государственные экономические стратегические программы, которые положительно влияют на темпы развития этих стран. Классическое представление о кластерах претерпевает определенные изменения. Безусловно, и в современном мире наблюдаются процессы, выявленные А. Маршалом⁸, суть которых заключается в региональном развитии экономики. Однако глобализация экономики приводит к самоорганизации мелких и средних фирм по отраслевому принципу, при этом такие кластеры могут выходить за границы региона. Кооперация обуславливается экстернальными эффектами — развитием сети поставщиков, доступом к качественным трудовым ресурсам и синергией интеграции. В отличие от Портера, Маршал полагал, что базовым фактором возникновения кластеров является реакция субъектов экономики на внешние вызовы, приводящая к самоорганизации предприятий. М. Портер считает первичной роль отраслевых лидеров, которые стимулируют внутрикластерные процессы и тем самым приводят к образованию новых связей между предприятиями.

Процессы, которые анализировал А. Маршалл, относятся к периоду завершения индустриализации Англии. Локальные производители того времени оказались перед внешним экономическим вызовом — конкуренцией с крупными индустриальными производителями. Ремесленники были вынуждены объединяться в локальные агломераты с четко выраженной специализацией, причем каждый из

них занимал нишу на базе определенной технологической операции. М. Портер⁹ указывает, что ряд Американских кластеров возникли за счет встраивания в цепочку поставок к существующему на локальной территории отраслевому лидеру. В частности, штат Колорадо — это медицинский кластер, Южная Каролина — район с богатейшей историей текстильной промышленности. В начале XIX в. США — это крупнейший производитель хлопка, а в дальнейшем и место, где на смену ручному труду по обработке хлопка приходят станки, машины. Впоследствии заводы по производству ткацких станков задали курс на индустриализацию экономики. Так, в Южной Каролине первый завод по производству ткацких станков появился в начале XIX в. Этот факт послужил драйвером формирования сильной отраслевой компетенции, которая сложилась в текстильный кластер. Таким образом, процесс образования кластера может быть обусловлен локальной отраслевой активностью, сложившейся из исторических предпосылок.

Примером ведущей роли компании-лидера в формировании кластера является автомобильный кластер в Мичигане (США). В 1903 г. в этом штате велось строительство канала, соединяющего Гудзон и Лэйк Эри. Приток рабочей силы и аккумулятивное различия товаров обусловили рост индустриальных предприятий в Мичигане. В 1908 г. Г. Форд произвел здесь первый автомобиль. Появление крупнейшего игрока (завод Форда) в области производства автомобилей повлекло за собой развитие сети предприятий автомобильной промышленности. Такого рода агломерация на базе транснациональной компании в сумме с историческими предпосылками послужила основой для возникновения автомобильного кластера в Мичигане. Решающее влияние на его формирование оказала компания-лидер.

Таким образом, первоначальный толчок к образованию кластерной структуры вызывается конкретными историческими и экономическими условиями. Отправная точка самоорганизации не всегда поддается классическому описанию. Новым является усиление роли государства и стратегии межгосударственных отношений.

Важную роль межгосударственных договоров можно проследить на примере европейского глобального медицинского кластера¹⁰. Этот кластер создан как инициатива ассоциации

стран — лидеров по производству медицинских препаратов (Швейцария, Германия, Франция, Нидерланды, Ирландия). Показателен опыт создания ассоциации СЕ4 в середине 90-х гг. XX в. Участники ассоциации — Чехия, Венгрия, Польша, Словакия. За период с 1995 по 2009 г. объем экспорта из этих стран совокупно вырос на 40 %.

Таким образом, среди первоначальных факторов формирования кластеров можно выделить исторически сложившуюся кооперацию специализированных компаний (отраслевые районы в терминах А. Маршалла); формирование цепочки поставщиков под крупного отраслевого игрока; стратегическое решение, инициатором которого являются представители государственных органов или бизнес ассоциаций, о создании деловой сети сотрудничества в форме кластера¹¹.

С появлением новых примеров реализации кластерной политики, меняются и проекции рассмотрения кластера. Согласно классическому определению М. Портера, кластер — это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга¹². В настоящее время это понятие трансформируется и дополняется. Причем правильнее будет говорить не о трансформации понятия «кластер» в семантическом смысле, а об эволюции самой организационной формы взаимодействия фирм. В первую очередь происходит переоценка понятия концентрации участников кластера по географическому принципу. В связи с увеличением ценности информации как ресурса, ростом скорости коммуникации возникают дополнительные возможности для кооперации между участниками кластеров, находящимися географически удаленно друг от друга. В этом смысле критерий географической концентрации как неотъемлемое свойство кластера пересматривается¹³. Вторая, достаточно ярко выраженная тенденция, связанная с переоценкой понимания кластерных форм организаций — это усиление присутствия государства в кластерных структурах. Если в первоначальном понимании возникновение кластера — это, скорее, самоорганизующийся рыночный процесс, то в течение последних 10—15 лет такого рода форма пространственно-

экономической организации предприятий корреспондируется со стратегией государственного развития. Это обусловлено тем, что идея повышения конкурентоспособности страны или региона средствами реализации кластерной концепции была апробирована и сразу же взята в инструментарий государственных органов ответственных за развитие экономики разных стран. Причем роль государственных органов в кластере, как правило, координирующая. Еще один аспект современного переосмысления кластерных структур связан с понятием промышленных (или, в новой трактовке, «инновационных») территорий. Модель промышленных территорий, включающая технологии, кадры, промышленную политику, территорию, изменилась и дополнилась новыми сегментами. В модель современной инновационной территории входят финансы, рынки, капитал, инфраструктура, центры создания знаний, НИОКР, глобальные сети, качество жизни, альянсы между вузами, институтами, производством.

Проанализированные тенденции обусловлены глобальными социально-экономическими процессами, изменением бизнес-моделей и форм взаимодействия между организациями. Это позволяет дать новое определение промышленного кластера. *Промышленный кластер — это открытая самоорганизующаяся бизнес-система, возникающая под действием интеграционных мотивов субъектов экономики, направленная на повышение конкурентоспособности и увеличение экономической эффективности за счет синергии формирования единого информационного пространства при интеграции.* Стимулом формирования такого кластера является воздействие внешних факторов, важную роль среди которых играет стратегическая политика властных структур, реакцией на последнюю служит развитие между промышленными предприятиями устойчивых связей.

Синергия процесса кластеризации реализуется в виде организации производственных цепочек или цепочек создания добавленной стоимости, распределенных между несколькими предприятиями. Под распределенной производственной цепочкой, говоря о кластерной теории, будем понимать такую организацию хозяйственно-экономических связей между фирмами, при которой каждый из участников имеет четкую специализацию в системе разделения труда в процессе производства. Каждый участник кластера занимает четко

определенную нишу в технологическом, производственном процессе. Помимо непосредственных компаний-производителей в кластере, существуют компании, осуществляющие поддерживающую деятельность, например научные и образовательные структуры. Цепочка создания добавленной стоимости — это абстрактная модель, которая фиксирует процесс образования добавленной стоимости в процессе производства продукции. Архитектура цепочки определяется специализацией, типом производства (добывающая, обрабатывающая), бизнес моделью участников кластера и каналами маркетинга. Важную роль играют кооперационные связи. Под кооперационными связями будем понимать определенные формы взаимодействия между экономическими агентами, результат которых капитализируется. Это необязательно отношения купли-продажи, это могут быть отношения по выполнению НИОКР, трансферу, межотраслевой конвергенции технологий.

Современные кластеры интегрированы в глобальное мировое экономическое пространство. Кооперационные связи возникают не только внутри локальных регионов по отраслевому признаку, но и между компаниями — резидентами различных стран.

На современном этапе важную роль играет координация деятельности внутри кластера. Она выполняет ряд функций: оптимизация и повышение уровня специализации участников кластера на определенных технологических переделах, обеспечение гибкости и скорости взаимодействия участников экономических кластеров в рамках существующих производственных цепочек, повышение качества производимой продукции за счет совершенствования технологических процессов, реализуемых участниками экономического кластера. В. М. Княгинин выделяет новую, наиболее существенную в современных реалиях модель функционирования кластера. Суть ее в том, что некая компетенция производителя с технологией выделяется из одного сектора и переносится в другой, это позволяет быстро передавать накопленный опыт от одного участника к другому путем осуществления устойчивых кооперационных связей. Кластер, работающий в рамках такой модели, можно назвать инновационным. Его базовым элементом является функция переноса кросс-отраслевых, межхозяйственных компетенций¹⁴.

Разновидностью цепочки создания добавленной стоимости выступают цепочки поставок. Их формирование — один из основных результатов деятельности современных европейских, азиатских и американских компаний. Успешность деятельности компании определяется возможностью встраивания в цепочку поставщиков крупного отраслевого игрока. Такая возможность возникает при ее перестройке. Благоприятный момент для перестройки возникает при выходе на новые рыночные ниши, формировании новых технологических платформ. Таким образом, организация архитектуры современных экономических кластеров определяется местом отдельно взятого предприятия в цепочке поставок. Причем успешность деятельности предприятий — участников кластеров определяется эффективностью отстаивания цепочек поставщиков или гибкостью встраивания в них.

Таким образом, современная структура кластера — это форма пространственной организации цепочек создания добавленной стоимости. Понимание процессов функционирования такого рода моделей предприятиями означает возможность выстраивания своей деятельности, ориентированной на занятие тех или иных ниш системы разделения труда. С точки зрения государственных органов, кластерная структура — это инструмент формирования конкурентной экономики регионального и глобального уровня. Во всех случаях необходимо понимать, что кластер есть динамическая сложная система, которая непрерывно меняется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке программы грантов Президента РФ для молодых ученых МК 842. 2013.6, гранта РГНФ 12-02-00024, а также гранта РНФ.

² См.: Булярский С.В., Булярская С.А., Синицын А.О. Экономические модели развития региональных промышленных кластеров // Регионология. 2013. № 1. С. 28—34.

³ См.: Tutner M., Monard A., Leete L. The Evaluation of the U.S. Small Business Administration's Regional Clusters Initiative: репорт. Washington, DC: Optimal Solutions Group, LLC. 2013. 161 с.; European commission, enterprise directorate-general. Final report of the expert group on enterprise clusters and networks. URL: www.dps.tesoro.it/cd_cooperazione_bilaterale/docs/6.Toolbox/13.Supporting_documents/1.Cluster_methodologies_casoni/2.Additional_doc_2/3.EU_final_rep_ExpGroup_Clusters.pdf (дата обращения: 10.03.2013); Ketels Ch. Harvard Business School. European cluster policies and

approach to meta-cluster. USA: Boston MA, 2013. 13 с.; World investment report — 2013. Труды конференции: N. Y. and Geneva. United nations conference on trade and development, 2013. 236 с.

⁴ См.: Muro M. Regional Innovation Clusters Begin to Add Up. URL: www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/02/27-regional-innovation-clusters-muro (дата обращения: 12.03.2013).

⁵ См.: Портер М. Международная конкуренция. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 151.

⁶ См.: European commission, enterprise directorate-general ...

⁷ См.: German-central European supply chain-cluster report. Washington, DC: IMF Multi-country report. 08.2013.

⁸ См.: Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. С. 231.

⁹ См.: Professor Michael E. Porter. Clusters and Economic Policy: Aligning Public Policy with the New Economics of Competition. Harvard Business School, 2007. 10 с.

¹⁰ См.: Site Selection for Life Sciences Companies: Исследование Cluster Report. URL: www.kpmg.com/CN/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/Site-Selection-for-Life-Sciences-Companies-O-201310.pdf (дата обращения: 11.03.2013).

¹¹ См.: Булярский С.В., Булярская С.А., Синицын А.О. Правовые основы формирования территориальных экономических кластеров // Регионология. 2010. № 2. С. 71—77.

¹² См.: Портер М. Международная конкуренция.

¹³ См.: Княгинин В.М. Кластерный путь к новой экономике. URL: polit.ru/article/2012/11/19/cluster (дата обращения: 12.03.2013).

¹⁴ Там же.

Поступила 14.04.2014.

S. V. Bulyarsky, A. O. Sinitsyn. Conditions of Formation of Regional Industrial Clusters

The paper analyzes the international practice of formation of industrial economic clusters. It formulates the conditions for formation of such structures. The research is conducted in the context of the approach to the understanding of cluster systems as modern structures of organization of chains of the value added creation. The paper discusses some examples of the formation genesis and functioning of clusters in Europe and the USA. The research gives a brief overview of clustering strategies implemented in the framework of the state programs of different countries (Europe, USA), their effectiveness is analyzed.

The factors that induce the formation of clusters are examined. The provisions described in the classic works of the cluster theory and the marketing and economic research analytics are considered as the basic prerequisites. The paper describes the transformation of methodological

approaches to the definition of the essence of economic clusters. The basic elements of the structures of an economic cluster and connections between these elements are exposed. The paper describes the current approach to understanding the economic cluster and the cluster strategy. Industrial cluster is an open self-organizing business system, arising under the influence of the integration motives of economic agents. There is an increase in competitiveness and enhancing economic efficiency due to the synergy of formation of a single information space when integrating. The stimulus for the formation of the industrial cluster is the impact of external factors with an important role played by the strategic policy of the authorities, the response to which is the development of sustainable relationships between industrial enterprises.

BULYARSKY Sergei Viktorovich, Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Engineering Physics, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

SINITSYN Anton Olegovich, Candidate of Economic Sciences, Research Officer, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

Г. В. МОРОЗОВА

РОЛЬ НАЛОГА НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ФОРМИРОВАНИИ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ

Ключевые слова: налог на доходы физических лиц, демографические и миграционные процессы, заработная плата, задолженность, администрирование

Key words: personal income tax, demographic and migratory processes, wages, debts, administration

В статье анализируются факторы, оказывающие влияние на уровень поступления налога на доходы физических лиц в бюджет. Рассматриваются потенциально возможные резервы увеличения поступления НДФЛ в бюджеты различных уровней.

The paper analyzes the factors that affect the level of budget revenues from the personal income tax. It considers potential reserves of the increase of revenues from the personal income tax to budgets of different levels.

В условиях рыночных отношений система налогообложения доходов является основой механизма государственного регулирования экономики. Эффективное функционирование всего хозяйственного комплекса страны зависит от того, насколько правильно и гибко построена эта система налогообложения. В связи с этим необходимо, чтобы она была адаптирована к новым общественно-экономическим отношениям и при этом не только соответствовала лучшим образцам мирового опыта построения таких систем, но и учитывала бы национальные особенности развития российской экономики на современном этапе.

Примером наиболее развитого системного налога являются подоходные налоги. Начавшись с одного специального налога «на избранных», особо состоятельных членов общества, эта форма обложения затем распространилась на отдельные самостоятельные налоги — применительно

МОРОЗОВА Галина Владимировна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

к разным видам доходов, которые постепенно, в течение всего послевоенного периода, в ведущих развитых странах складывались в единую общую систему налогообложения доходов физических лиц¹.

В последние годы во всех экономически развитых странах происходит увеличение удельного веса подоходного налога в структуре бюджета. Так, в США доля подоходного налога составляет 41 %, Англии — 46 %, Дании — 50 %.

Доходы консолидированного бюджета РФ в 2013 г. в целом по России на 23,0 % обеспечены платежами за пользование природными ресурсами, на 18,0 % поступлениями налога на прибыль, на 22,0 % поступлениями налога на доходы физических лиц и на 16,0 % — поступлениями налога на добавленную стоимость. Основная часть доходов консолидированного бюджета России в Приволжском федеральном округе (ПФО) сформирована за счет поступлений по следующей группе налогов: платежи за пользование природными ресурсами, налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц, налог на добавленную стоимость, акцизы по подакцизным товарам (табл. 1).

Данные табл. 1 показывают, что за рассматриваемый период по динамике поступлений НДФЛ Мордовия занимает предпоследнее место, опережая лишь Республику Марий Эл. По темпу роста поступлений НДФЛ республика занимает одну из лидирующих позиций, и этот показатель выше, чем по ПФО и РФ. Эти показатели позволяют утверждать, что экономика Мордовии развивалась под влиянием мер, предпринимаемых в республике по созданию условий для повышения качества и уровня жизни населения, роста производства конкурентоспособной продукции и развития предпринимательства. Социально-экономическое развитие республики проходило на фоне положительных тенденций, сложившихся в России по созданию основ макроэкономической устойчивости, прежде всего в финансово-бюджетной сфере страны, в том числе и налоговой сфере.

Значительно пополнились соответствующие бюджеты республиканского и муниципального уровня, о чем свидетельствуют данные, представленные в табл. 2.

Таблица 1

Динамика объемов поступлений налога на доходы физических лиц в консолидированный бюджет России и по ПФО, млн руб.

Субъект ПФО	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Темпы +/-, %
Российская Федерация	1 266 063,5	1 665 602,3	1 665 049,6	1 789 633,0	1 994 869,3	2 260 335,6	178,5
ПФО	183 91,4	238 863,6	228 456,8	247 304,7	274 917,0	311 033,6	169,2
Республика							
Башкортостан	23 076,0	28 763,0	27 758,3	29 848,5	33 567,3	37 789,6	163,7
Республика Марий Эл	3 123,8	3 987,6	4 098,1	4 454,8	4 774,7	5 432,9	174,0
Республика Мордовия	3 610,2	4 790,7	5 079,4	5 221,7	5 796,1	6 505,4	180,2
Республика Татарстан	25 932,9	33 301,4	31 713,1	35 633,6	39 327,8	46 443,2	179,1
Удмуртская Республика	9 395,0	12 167,3	11 435,3	12 332,1	13 389,7	15 333,9	163,2
Чувашская Республика	5 517,3	7 169,3	6 355,9	6 969,8	7 755,6	9 236,8	167,4
Кировская область	7 223,4	9 160,6	8 959,4	9 923,9	10 562,7	11 670,6	161,6
Нижегородская область	23 896,4	31 877,0	31 355,1	33 822,4	37 659,3	42 279,4	177,0
Оренбургская область	11 195,5	14 860,3	14 316,1	15 599,8	17 095,0	19 637,7	175,4
Пензенская область	5 625,2	7 738,3	7 774,8	8 314,1	9 147,0	10 555,4	187,6
Пермский край	20 627,8	27 049,8	24 060,9	26 275,0	28 806,3	32 463,3	157,3
Самарская область	26 187,7	33 711,5	31 107,6	32 564,5	37 735,4	40 576,7	155,0
Саратовская область	12 127,1	16 500,7	16 751,1	17 835,8	19 815,6	22 335,1	184,2
Ульяновская область	6 253,2	7 786,2	7 691,8	8 508,6	9 484,5	10 773,7	172,3

Таблица 2

**Динамика поступления налога на доходы физических лиц
в бюджеты различных уровней Республики Мордовия, млн руб.²**

Распреде- ление по бюджетам	Сумма, млн руб.							Темпы +/-, %
	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	
Регио- нальный бюджет	2166,14	2874,44	3047,63	3133,45	3480,2	3906	4420,9	204,0
Муници- пальные бюджеты	1444,10	1916,29	2031,75	2088,29	2315,9	2599,4	2941,8	203,7
Итого	3610,24	4790,72	5079,38	5221,74	5796,1	6505,4	7362,7	203,9

На увеличение налоговых поступлений по налогу на доходы физических лиц оказали прямое влияние несколько факторов: демографические и миграционные процессы; рост среднемесячной начисленной заработной платы; своевременность выплаты заработной платы и перечисление в установленный срок налоговыми агентами исчисленного и удержанного налога на доходы физических лиц; развитие производства и создание новых рабочих мест, в том числе в результате планируемых инвестиционных проектов и мероприятий по повышению занятости населения.

Анализируя общую статистику собираемости НДФЛ, следует отметить положительную динамику. Однако в течение последних лет проблема неплатежей (следовательно, и рост задолженности по налогам и сборам) была и остается наиболее острой. Задолженность по уплате налога на доходы физических лиц по Мордовии в 2013 г. по сравнению с 2012 г. увеличилась на 107,4 %.

В целях ликвидации задолженности по налогу на доходы физических лиц налоговые органы активно применяют меры принудительного взыскания во взаимодействии со Службой судебных приставов в соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве». В отношении должников применяются меры принудительной ликвидации в рамках федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Так, муниципальные районы и городские округа республики имеют потенциально возможные резервы увеличения поступления НДФЛ за счет достижения темпов роста фонда оплаты труда, предусмотренных прогнозом социально-эко-

номического развития; потенциального увеличения поступления НДФЛ вследствие снижения уровня безработицы; доведения средней заработной платы до среднеотраслевого уровня по отдельным видам экономической деятельности; предотвращения перепродаж квартир, сдачи квартир и иного имущества в аренду без уплаты налога; совершенствования режима налогообложения отдельных категорий физических лиц, например трудовых мигрантов; оплаты труда иностранной рабочей силы.

В связи с этим необходимо разработать план мероприятий по содействию легализации трудовых отношений, который будет предполагать информационно-пропагандистскую работу, направленную на формирование в обществе негативного отношения к так называемой «серой зарплате», трудовой деятельности без заключения трудового договора, что является нарушением трудового законодательства России, и другим формам нелегальных трудовых отношений. Повышение эффективности администрирования НДФЛ является наиболее реальным резервом расширения поступлений этого налога в местные бюджеты. Это возможно только при условии совершенствования взаимодействия муниципальных образований с налоговыми органами.

Перспективными направлениями совместной деятельности органов местного самоуправления и налоговых служб являются создание единой информационной базы данных о налогоплательщиках; координация деятельности всех органов власти, представленных на муниципальном уровне управления, в вопросах эффективного сбора налогов; формирование, оформление, владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом. При этом у органов местного самоуправления имеются определенные рычаги воздействия на уровень поступления НДФЛ в бюджеты территорий. Один из них — организация работы созданных при администрациях комиссий по мобилизации дополнительных налоговых и неналоговых доходов и легализации налоговой базы по рассмотрению налогоплательщиков, имеющих недоимку по НДФЛ.

Реализация предложенных направлений будет способствовать уменьшению количества налоговых правонарушений и преступлений в области налогообложения доходов физических лиц как в Республике Мордовия, так и в Российской

Федерации. Это в свою очередь позволит увеличить доходы бюджетов всех уровней на основе добровольной уплаты налогов и в итоге приведет к экономическому развитию страны и региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Морозова Г.В. Развитие системы налогообложения доходов физических лиц: дис. ... канд. экон. наук. Саранск, 2009.

² См.: Филиппова Н.А., Морозова Г.В., Ефремова Т.А., Филиппова И.В., Тактаров Н.Н., Волков А.А. Становление и развитие налоговой системы России в условиях формирования инновационной модели экономического развития: федеральный и региональный аспекты: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 220 с.

Поступила 27.01.2014.

G. V. Morozova. Role of the Personal Income Tax in Formation of Budget Revenues

In conditions of market relations, the system of income taxation is the basis of the mechanism of state regulation of the economy. Income taxes are among the most developed system taxes. The growth rate of the personal income tax (PIT) revenues in the Republic of Mordovia is at one of the leading positions and this figure is higher than in the Volga Federal District and in the Russian Federation on average. The respective budgets of the republican and municipal levels have greatly enlarged. The growth rate in 2012 compared to 2007 was 180,3 % for the regional budget and 180,0 % — for the local one. The municipal and urban districts of the republic have potential reserves to increase PIT revenues due to: the growth rates of the wage funds, reduction of unemployment rates, bringing the average wages up to the average sectoral level for certain types of economic activity, prevention of resale of apartments and renting out apartments and other property without paying taxes, the improvement of taxation of migrant workers, foreign labor wages, the increase in efficiency of administration of the PIT.

Implementation of the proposed ways will contribute to reducing the number of tax offences and crimes in the sphere of taxation of personal income both in the Republic of Mordovia and the Russian Federation. This, in turn, will increase the incomes of budgets of all levels on the basis of voluntary payment of taxes and will eventually lead to economic development of the country and the region.

MOROZOVA Galina Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Н. Н. ФЕДЯКОВА МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВ НАСЕЛЕНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ключевые слова: Республика Мордовия, производство сельскохозяйственной продукции, ЛПХ (личные подсобные хозяйства), хозяйства населения, моделирование

Key words: Republic of Mordovia, agricultural production, small private farms, private households, modeling

В статье рассматривается моделирование производственного развития хозяйств населения в агропродовольственной системе Республики Мордовия. Выбраны факторы, определяющие условия и потенциальные возможности развития хозяйств населения, а также предложены меры для повышения эффективности ЛПХ.

The paper deals with modeling of the production development of personal small-scale farming in the agri-cultural and food system of the Republic of Mordovia. The factors that determine the conditions and potential development of small-scale farming are exposed and measures to improve the efficiency of small farms are proposed.

Агропромышленный комплекс Республики Мордовия в последнее время является одним из приоритетных в экономической политике. Принятие Программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия на 2008—2012 гг., отраслевых целевых республиканских программ «Развитие мясного скотоводства Республики Мордовия на 2009—2012 годы», «Развитие молочного скотоводства и увеличение производства молока в Республике Мордовия на 2009—2012 годы» позволило увеличить производство животноводческой продукции, способствовало развитию сельских территорий, повышению уровня жизни сельского населения, росту конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции.

ФЕДЯКОВА Наталия Николаевна, доцент кафедры статистики, экономики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Разработаны Государственная программа устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия на 2014—2017 гг. и на период до 2020 г. и Государственная программа Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. Главными приоритетами этих программ стали повышение занятости, благосостояния, уровня жизни сельского населения, устойчивое развитие сельских территорий.

За 2008—2012 гг. продукция сельского хозяйства в Мордовии во всех категориях хозяйств увеличилась на 33,4 % (в сопоставимых ценах). Производство молока в сельскохозяйственных организациях увеличилось в 1,2 раза, скота и птицы — в 2,0 раза. В 2013 г. во всех категориях хозяйств произведено мяса скота и птицы 172,1 тыс. т (рост к 2012 г. составил 18,7 %), молока — 452,4 тыс. т, яиц — 1 329,2 млн шт.¹

В сельскохозяйственных организациях в январе — июне 2014 г., по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, увеличилось производство скота и птицы на убой (в живом весе) на 40,1 % и яиц — на 1,9 %, уменьшилось производство молока — на 1,1 % (в январе — июне 2013 г., по сравнению с январем — июнем 2012 г., производство скота и птицы на убой (в живом весе) увеличилось на 27,7 %, производство молока и яиц уменьшилось на 3,9 и 2,4 % соответственно). В сельскохозяйственных организациях за тот же период выросло поголовье свиней на 27,5 %, уменьшилось поголовье крупного рогатого скота — на 5,4 %, в том числе коров — на 2,3 %, овец и коз — на 10,3 %².

Республика продолжает занимать лидирующее положение среди регионов Приволжского федерального округа (ПФО) по производству в расчете на 1 жителя мяса, молока, яиц. В целом по Российской Федерации по данным показателям Мордовия вошла в первую десятку регионов (по производству молока и яиц — 2-е место, мяса — 8-е место), в ПФО по производству молока и яиц — 1-е место, мяса — 2-е место³.

В республике функционируют 1 136 крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) и более 160 тыс. личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Хозяйства населения Мордовии вносят значительный вклад в производство сельскохозяйственной продукции. Малыми формами хозяйствования произведено

в 2012 г. около 46 % общего объема продукции сельского хозяйства в республике. В 2013 г. в ЛПХ выращено 88,2 % картофеля и 72,7 % овощей, произведено 33,0 % молока и 20,8 % мяса. В структуре поголовья скота на хозяйства населения на 1 июля 2014 г. приходилось 27,6 % поголовья крупного рогатого скота, 27,2 % — свиней, 89,0 % — овец и коз (к началу июля 2013 г. — 30,6, 43,1 и 91,5 % соответственно). На КФХ приходится 7,0 % поголовья крупного рогатого скота (на 1 июля 2013 г. — 6,3 %), 1,7 % — свиней (1,3 %), 8,0 % — овец и коз (5,4 %)⁴.

С целью поддержки малых форм хозяйствования в республике с 2012 г. реализуются ведомственные целевые программы «Развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств» и «Поддержка начинающих фермеров». В 2013 г. на поддержку семейных животноводческих ферм направлено 82,1 млн руб. бюджетных средств, из них средства федерального бюджета — 55,8 млн руб. Участниками программы стали 13 КФХ. В программе «Поддержка начинающих фермеров» участвует 57 КФХ, на эти цели выделено 45,3 млн руб. бюджетных средств, из них 38,5 млн руб. средства федерального бюджета⁵.

Для развития личных подсобных хозяйств республики необходимо принять целевую программу, которая была бы направлена на увеличение их ресурсного потенциала, финансирование ЛПХ по целевым позициям.

Мы выявили тенденции развития ЛПХ на основе формирования их ресурсного потенциала. На основе типологии ЛПХ на уровне районов региона определены производственные и экономические параметры их развития. Проведена диагностика производственных и экономических результатов деятельности частных подворий населения для обоснования уровня максимально возможных объемов производства и реализации сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки, а также размера валового дохода с принадлежащей ЛПХ земельной площади⁶.

Разработаны экономико-математические модели для диагностики экономических и производственных результатов различных типов ЛПХ. Целью решения экономико-математической задачи является максимум выручки от реализации продукции ЛПХ, при полном удовлетворении их внутренней потребности в продуктах питания. Для ее достижения в мо-

дель были введены следующие ограничения: по балансу производства и использования животноводческой продукции (свинины, говядины, молока, мяса птицы); по площади земли, используемой для ведения сельскохозяйственного производства; по балансу производства и использования растениеводческой продукции (картофеля, кормовой свеклы, капусты, лука, моркови и др.) с учетом севооборотов; по обеспечению кормами животных; по балансу труда в целом за год.

При составлении этой экономико-математической задачи необходимо учитывать следующие факторы: результаты группировки ЛПХ по площади землепользования; характеристики производственно-ресурсного потенциала каждой группы, в том числе размеры трудовых ресурсов, поголовья сельскохозяйственных животных, основных и оборотных средств; продуктивность сельскохозяйственных угодий и сельскохозяйственных животных; структуру и размер внутреннего потребления продукции сельского хозяйства; трудо- и материалоемкость производства.

На основе оптимального плана функционирования ЛПХ производится расчет главного результативного показателя — валового дохода. Для этого с помощью расчетно-конструктивного метода определяется сумма хозяйственных расходов, включающая стоимость покупных семян, кормов, оплату услуг сторонних физических и юридических лиц, затраты на содержание основных средств, налог на имущество и налог на землю. Разработанная нами методическая схема решения этой задачи включает типологию ЛПХ, определение основных параметров производства по типическим группам, расчет затрат, валового дохода и показателей экономической эффективности частных подворий.

При исследовании ЛПХ Мордовии выделены три группы хозяйств по размеру землепользования. Для выявления потенциальных возможностей хозяйств населения к осуществлению предпринимательской деятельности допускается увеличение размера землепользования в хозяйствах. Таким образом, по основному критерию, размеру землепользования, в задачу были включены четыре варианта. Также учитывалась специализация хозяйств населения и сочетание отраслей животноводства и растениеводства. Были рассмотрены два варианта с различной структурой животноводства. Для обеспечения животных кормами используются естественные

пастбища и сенокосы. Проанализирована также практика выращивания картофеля и овощей, избыток продукции реализуется на продажу.

Важным элементом производственно-ресурсного потенциала ЛПХ является труд. При обосновании размера трудовых ресурсов по каждому варианту было учтено, что нормативные затраты труда на ведение ЛПХ зависят от пола, возраста работника, его занятости в общественном производстве, сезона. Были рассчитаны суммарные годовые затраты труда — возможный фонд рабочего времени каждого работника. Затраты труда в животноводстве определены с учетом результатов обследования бюджетов времени сельских подворий.

Объемы производства сельскохозяйственной продукции были определены с учетом размера и структуры земельных угодий, поголовья сельскохозяйственных животных и их продуктивности (урожайности). Размеры внутреннего потребления сельскохозяйственной продукции были заложены также на фактическом уровне. Структура потребления мяса и овощей рассчитана нами исходя из рекомендованных норм потребления.

Структура и потребность в кормах для производства единицы животноводческой продукции установлены в соответствии с групповыми нормами расхода кормов для производства продукции животноводства и птицеводства в личных подсобных хозяйствах. Был рассчитан выход питательных веществ с 1 га посева кормовых культур с учетом их урожайности. Учитывалась примерная структура рациона животных. Расход семян, электроэнергии, воды, других оборотных ресурсов определен исходя из региональных норм в расчете на единицу работы (ресурса, продукции).

Проведенная нами диагностика производственно-экономической деятельности хозяйств населения Мордовии показала: при существующих размерах производственно-ресурсного потенциала и сложившихся условиях хозяйствования удовлетворяются внутренние потребности ЛПХ в основных видах сельскохозяйственной продукции, хозяйства также получают небольшую прибыль от реализации излишков. Однако валовой доход в расчете на одно хозяйство по всем расчетным вариантам небольшой. Поэтому хозяйства населения Мордовии в настоящее время не являются субъектами предпри-

нимательской деятельности. Следовательно, для увеличения потенциальных возможностей ЛПХ региона, роста товарной продукции, ведения предпринимательской деятельности необходимо увеличение площади землепользования.

Есть ли возможности увеличения производства и повышения экономической эффективности ЛПХ? Некоторые авторы утверждают, что все возможности исчерпаны. С этим нельзя согласиться. Продуктивность скота и урожайность сельскохозяйственных культур в хозяйствах населения значительно выше, чем в сельхозпредприятиях. Это объясняется культурой производства, свидетельствует об имеющихся возможностях повышения эффективности производства и труда. В личных подворьях потери продукции ниже, чем в сельскохозяйственных предприятиях, лучше вкусовые качества продукции.

В том, что имеются резервы повышения эффективности производства, убеждает опыт хозяйствования мелких зарубежных и некоторых отечественных сельхозпроизводителей. Однако для этого следует существенным образом изменить условия производства. В частности, необходима серьезная поддержка со стороны государства и сельскохозяйственных предприятий. Важнейшим фактором повышения экономической эффективности ЛПХ является кооперация хозяйств в сфере производства и обращения, она позволяет сокращать затраты труда, времени, материальные и денежные затраты.

Большое влияние на рост эффективности ЛПХ имеет взаимодействие с сельскохозяйственными предприятиями; снижение трудоемкости напрямую зависит от обеспечения средствами малой механизации; развитие животноводства — от обеспечения кормами, выделения сенокосов и пастбищ; повышение культуры производства — от поставок молодняка скота и птицы, снабжения минеральными удобрениями, ядохимикатами, семенами, саженцами плодовых деревьев и т. д.; увеличение сбыта произведенной продукции зависит от развития государственной и кооперативной приемно-заготовительной системы и расширения сети и благоустройства продовольственных рынков и т. д.

Занятость в ЛПХ способствует наиболее полному использованию трудовых ресурсов, позволяет уменьшить безработицу на селе. Товарная продукция ЛПХ поможет значительному увеличению загрузки производственных

мощностей перерабатывающих предприятий. Увеличение доли хозяйств населения в структуре общественного производства позволит уменьшить объем капиталовложений в строительство животноводческих и складских помещений. Сотрудничество агрофирм и хозяйств населения взаимовыгодно. Агрофирмы имеют дополнительный источник сырья для перерабатывающих предприятий, а население, получая поддержку, развивает свое подсобное хозяйство.

Для эффективного развития ЛПХ в агропродовольственной системе региона необходимо решение нескольких задач: увеличение закупок растениеводческой и животноводческой продукции хозяйств населения; обеспечение ЛПХ кормами, молодняком скота и птицы; предоставление льготных кредитов на приобретение средств механизации, на строительство производственных помещений; передача сельскохозяйственными предприятиями в аренду населению животноводческих помещений для организации производства сельскохозяйственной продукции; включение ЛПХ в систему государственного племенного, ветеринарного и зоотехнического обслуживания; поставка населению новых высокоурожайных сортов семян картофеля и овощных культур, посадочных материалов плодово-ягодных культур.

Приусадебное хозяйство стабилизирует социальную ситуацию в сельской местности. Можно предположить, что экономическая роль хозяйств этой категории останется для жителей села на ближайшую перспективу достаточно значимой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/apk> (дата обращения: 24.03.2014).

² См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. URL: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 24.03.2014).

³ См.: Министерство сельского хозяйства ...

⁴ См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики ...

⁵ См.: Министерство сельского хозяйства ...

⁶ Зинина Л.И., Федякова Н.Н. Организация производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах региона // Вестн. Мордов. ун-та. 2009. № 3. С. 177.

**N. N. Fedyakova. Modeling Industrial Development
of Small-Scale Farming in the Agricultural
and Food System of the Republic of Mordovia**

Small private farms in Mordovia make a significant contribution to the agricultural production of the republic. Development of private small-scale agricultural production should be a socio-economic project of the regional and the local levels of government. It is necessary to adopt the republican target program aimed at increasing the resource capacity of private small farms funding the target issues. In today's economy, the main requirements for successful functioning and development of small-scale farming are: increasing their marketability, involvement of small-scale farmers in the contract and cooperative relations with all members of the agricultural market, growth of the entrepreneurial initiatives.

The paper exposes the development trends of small-scale farming on the basis of the resource potential. On the basis of the typology of small-scale farming at the level of districts of a region, the production and economic parameters of its development are defined. The diagnostics of the production and economic results activities of small-scale farming was implemented for the purpose of substantiation of the highest possible level of production and sales of agricultural products and processed products, as well as the rate of the gross income from the lands owned by smallholders. The obtained results showed that with the current rates of the production and resource potential and the current economic conditions of farming, the needs of smallholders in the main types of agricultural products are satisfied, farms also earn a small profit from sales of the excess.

To improve efficiency of small-scale farming, it is necessary to significantly change the production conditions, strong support from the state and agricultural enterprises is also needed. A major factor in increasing economic efficiency of small private farms is cooperation of enterprises in the sphere of production and circulation: it will reduce the time and labor expenses, material and monetary costs.

FEDYAKOVA Natalia Nikolayevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Statistics, Econometrics and Information Technology in Administration, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

*М. В. ИГНАТЬЕВА,
Л. Н. ЛИПАТОВА*

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Ключевые слова: человеческий потенциал, экономический рост, продолжительность жизни, уровень жизни, качество образования

Key words: human potential, economic growth, life expectancy, living standard, quality of education

В статье на основе данных ООН и официальной статистики исследуются динамика основных параметров человеческого фактора устойчивого экономического развития.

Basing on the UN data and official statistics the paper examines the dynamics of the main parameters of the human factor in sustainable economic development.

Достижение высоких темпов экономического роста в России, развитие высокотехнологичных производств невозможно без укрепления трудового потенциала страны, эффективного использования накопленного человеческого капитала. Усиление роли человеческого фактора в экономическом развитии и национальном богатстве — тенденция общемировая, и с каждым годом она становится все более выраженной. Оценки ученых могут различаться, но все признают возрастание значения человеческого ресурса для экономического и общественного прогресса¹.

Экономический кризис 2008—2009 гг. со всей очевидностью показал уязвимость российской экономики, базирующейся на сырьевых ресурсах и естественных преимуществах. Ключевую роль в переходе экономики России к устойчивому типу развития в современных условиях играют модернизация экономики, ускорение реструктуризации неперспективных предприятий, развитие на их основе новых конкурентоспособных производств, выработка действенных мер поддержки малого бизнеса, укрепление трудового потенциала населения.

ИГНАТЬЕВА Марина Владимировна, аспирант кафедры экономики и организации производства Мордовского государственного университета.

ЛИПАТОВА Людмила Николаевна, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор социологических наук.

Переход на инновационный путь развития невозможен без укрепления трудового потенциала общества, целенаправленной и последовательной кадровой политики на всех уровнях хозяйствования. Функционирование предприятий в современных условиях, характеризующихся спадом производства, нестабильностью и непредсказуемостью экономической ситуации, требует смены сложившихся подходов к управлению на нестандартные новаторские методы реагирования на изменения условий хозяйствования. Гибкость и адаптивность системе придает человеческая составляющая, обеспечивающая соединение факторов производства. В условиях кризиса остро обозначилась необходимость коренных перемен в технике, технологии и организации производства.

Индекс человеческого развития (ИЧР) в России в 1990 г. был равен 0,815, т. е. государство входило в группу с высоким уровнем человеческого развития. В 1992 г. ИЧР был равен 0,849. В 1993 г. РФ еще оставалась в группе стран с высоким уровнем человеческого развития (ИЧР — 0,804). С 1994 г. по развитию человеческого потенциала Россия длительное время относилась к группе стран со средним уровнем развития. В 1999 г. ИЧР составлял 0,775, что соответствовало 55-му месту в мире. В 2000 г. индекс был немного выше (0,782), но из группы стран со средним уровнем человеческого развития страна не вышла. В 2004 г. условия гуманитарного развития в России оценивались экспертами даже чуть ниже, сводный индекс был равен 0,781. В 2005 г. ИЧР России составил 0,802, и страна вновь стала относиться к странам с высоким уровнем человеческого развития, заняв 67-е место из 70 в этой группе. Но уровня начала 1990-х гг. по условиям развития человека Россия так и не достигла. В 2009 г. страна занимала 66-е место в группе стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. ИЧР страны был равен 0,838².

Согласно последнему докладу ООН, в 2010 г. Россия улучшила свои позиции в мировом рейтинге по развитию человеческого потенциала, поднявшись на 65-ю позицию. ИЧР страны был равен 0,840.

Внутри России условия для развития человека существенно различаются. Крайние значения ИЧР в 2010 г., как и в середине 1990-х гг., имели г. Москва и Республика Тыва. Индекс, как и 20 лет назад, значительно варьируется —

от 0,931 до 0,750. Однако интервал разброса показателя заметно сократился, в 1996 г. крайние значения индекса составляли 0,867 и 0,520. ИЧР г. Москвы увеличился за 1996—2010 гг. на 7,4 %, ИЧР Республики Тыва — на 44,2 %. Однако это не является свидетельством уменьшения дифференциации российских регионов по уровню гуманитарного развития. Различия по оцениваемым показателям с годами нарастают. Так, в 1996 г. 22 региона имели ИЧР выше, чем в среднем по России. В 2004 г. таких регионов было 12, в 2008—2009 гг. — 7, в 2010 г. — 10 (города Москва и Санкт-Петербург, Тюменская, Сахалинская, Белгородская и Томская области, Республика Татарстан, Красноярский край, Республики Коми и Саха (Якутия)).

Из числа приволжских регионов в число наиболее развитых субъектов РФ в 2010 г. входила только Республика Татарстан — 6-е место в федеральном списке (ИРЧП — 0,861). В 2004 г. 3 региона ПФО (Республика Татарстан, Самарская область, Республика Башкортостан) имели ИРЧП выше среднего по России значения. В 1996 г. таких регионов было 7, кроме перечисленных, к ним также относились Ульяновская, Нижегородская, Пермская и Оренбургская области. Приволжский федеральный округ — одна из самых разнородных российских территорий по этническому составу населения и уровню экономического развития регионов. Компоненты индекса человеческого развития приволжских регионов за 2010 г., по сравнению со средними по России показателями, представлены в табл. 1.

Таблица 1
Индекс человеческого развития в регионах ПФО в 2010 г.²

Регион	ВРП, долл. ППС	Индекс доходов	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс продолжительности жизни	Грамотность, %	Доля учащих в возрасте от 7 до 24 лет, %	Индекс образования	ИЧР
Российская Федерация	19674	0,882	68,83	0,731	99,7	0,755	0,916	0,843
Республика Татарстан	23747	0,913	70,43	0,757	99,7	0,771	0,922	0,864

Продолжение табл. 1 на стр. 130

Регион	ВРП, долл. ППС	Индекс доходов	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс продолжительности жизни	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте от 7 до 24 лет, %	Индекс образования	ИЧР
Оренбургская область	20020	0,884	68,26	0,721	99,6	0,774	0,922	0,842
Республика Башкортостан	16266	0,850	68,79	0,730	99,6	0,753	0,915	0,832
Удмуртская Республика	15187	0,838	67,95	0,716	99,6	0,797	0,930	0,828
Самарская область	16028	0,847	67,78	0,713	99,7	0,772	0,922	0,827
Пермский край	17626	0,863	66,69	0,695	99,6	0,779	0,924	0,827
Саратовская область	13581	0,820	68,98	0,733	99,7	0,761	0,918	0,824
Нижегородская область	15755	0,844	66,99	0,700	99,7	0,757	0,917	0,820
Чувашская Республика	10771	0,781	68,63	0,727	99,6	0,793	0,928	0,812
Ульяновская область	11929	0,798	68,39	0,723	99,6	0,741	0,911	0,811
Республика Мордовия	10895	0,783	69,09	0,735	99,5	0,744	0,911	0,810
Кировская область	10105	0,770	68,39	0,723	99,6	0,799	0,930	0,808
Пензенская область	9958	0,768	69,09	0,735	99,6	0,719	0,904	0,802
Республика Марий Эл	10707	0,780	67,17	0,703	99,6	0,727	0,906	0,796

Самые высокие показатели — в Республике Татарстан. Среднедушевые доходы населения этого региона на 21 % превышают среднероссийские показатели. Ожидаемая продолжительность жизни на 1,6 года выше, чем в среднем по России. Индекс образования, учитывающий грамотность взрослого населения и охват обучением населения в возрасте от 7 до 24 лет, на 0,7 % выше, чем в РФ. Есть в ПФО

регионы, где индекс образования еще выше, — Удмуртская и Чувашская республики, Пермский край, Кировская область.

Самый низкий показатель доходов населения — в Пензенской области (почти в 2 раза меньше среднероссийского показателя). Продолжительность жизни ниже 67 лет отмечается в Пермском крае и Нижегородской области. Грамотность взрослого населения во всех регионах высокая. Самый низкий показатель — в Республике Мордовия (99,5 %). Доля учащихся в возрасте от 7 до 24 лет в большинстве приволжских регионов выше, чем в среднем по России. Однако в ряде регионов этот показатель заметно отстает от среднероссийского уровня: Пензенская область — 72 %, Республика Марий Эл — 73 %, Ульяновская область и Республика Мордовия — 74 %. Самое высокое значение этого показателя в Удмуртской и Чувашской республиках и Кировской области — почти 80 %.

С годами распределение регионов по уровню человеческого развития существенно менялось. Динамика рейтинга приволжских регионов по индексу человеческого развития в 1996—2010 г. представлена в табл. 2.

Таблица 2

Рейтинг регионов ПФО по уровню человеческого развития в 1996—2010 гг.³

Регион	Год					
	1996	1999	2004	2008	2009	2010
Республика Татарстан	2	3	4	4	4	6
Республика Башкортостан	4	5	11	14	18	18
Ульяновская область	5	13	46	46	46	48
Нижегородская область	6	11	34	28	27	33
Самарская область	9	6	10	8	20	25
Пермская область	10	14	30	26	31	26
Оренбургская область	17	25	14	18	12	11
Саратовская область	24	36	31	27	25	28
Удмуртская Республика	40	35	24	25	22	24
Чувашская Республика	44	38	29	36	39	46
Кировская область	49	44	58	63	64	52
Республика Мордовия	51	31	19	38	41	49
Пензенская область	59	68	49	45	48	60
Республика Марий Эл	70	48	66	69	71	68

Как показывают данные табл. 2, в 1996—2010 гг. большинство приволжских регионов ухудшили свои позиции в федеральном рейтинге. Самое сильное падение показателя отмечается в Ульяновской области — с 5-го на 48-е место. Улучшение положения отмечается в Оренбургской области,

Удмуртской Республике, Республике Мордовия и Республике Марий Эл.

За 1996—2004 гг. Мордовия по уровню гуманитарного развития поднялась с 51-го на 19-е место в России и с 12-го на 5-е место в ПФО. В 2004 г. ИЧР в Мордовии был немного ниже среднего по России — 0,770 против 0,781. Производство ВВП на душу населения РМ возросло по сравнению с данными 2003 г. на 22 % и составило 6,6 тыс. долл. Но это по-прежнему на треть (на 34 %) меньше среднероссийского показателя, 42-я строка на шкале индекса ВВП.

Продолжительность жизни немного увеличилась по сравнению с таковой в 2003 г., но остается меньшей, чем в другие годы анализируемого периода. Доля учащихся по сравнению с цифрами предыдущего года уменьшилась и составила 80,2 %.

За рассматриваемый период доходы населения Мордовии возросли почти в 4 раза, но остаются низкими. Уровень жизни в Мордовии — один из наиболее низких в РФ. В 2011 г. среднедушевые доходы населения РМ составляли 11 948,0 руб. в мес., в то время как в РФ этот показатель был равен 20 754,9 руб., в ПФО — 17 282,2 руб.⁵

Показатель ожидаемой продолжительности жизни до середины первого десятилетия XXI в. снижался. В 2009 г. он превысил 69 лет. Последние данные по продолжительности жизни населения Мордовии следующие: мужчины — 64,1 года, женщины — 76,2 года (2011 г.)⁶. Высокая в сравнении с другими российскими регионами продолжительность жизни населения Мордовии — один из факторов, определяющих достаточно высокие позиции этого региона в общероссийском рейтинге по уровню человеческого развития. Увеличение продолжительности жизни — огромное достижение. Однако необходимо иметь в виду, что это ведет к изменению возрастной структуры населения, а при низкой рождаемости существенно осложняет воспроизводство трудового потенциала региона. Так, средний возраст населения Мордовии увеличивается, в 2012 г. показатель был равен 40,7 года. Доля населения в трудоспособном возрасте составляла 61,4 %, доля детей и подростков — 14,5 %, пенсионеров — 24,1 %⁷. Ситуация усугубляется миграционным оттоком населения. В последние годы по причине миграции республика теряет более 3 тыс. чел. ежегодно⁸.

Население Мордовии традиционно высоко образовано. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 21 % населения региона имеет высшее и неполное высшее профессиональное образование⁹. Однако в последние годы отмечается снижение доли учащихся в общей численности населения.

Самые высокие позиции по индексу человеческого развития Мордовия занимала в 2004 г. В последние годы республика их теряет. Главные причины — низкий уровень жизни в регионе, замедление роста показателя ожидаемой продолжительности жизни, снижение доли охвата обучением. Эти проблемы требуют детального изучения и разработки мер по регулированию названных процессов, поскольку снижение человеческого потенциала может стать тормозом на пути устойчивого развития Республики Мордовия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Monitoring Environmental Progress. Washington: World Bank, 1995. P. 326; Нестеров Л.И. Перспективы развития оценок национального богатства // Экон. альм. 2001. № 1. С. 37.

² См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации / ПРООН в РФ. М., 2013. С. 150—151.

³ Составлено по: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации / ПРООН в РФ. М., 1998. С. 118—119; 1999. С. 101—103; 2002. С. 82—83; 2008. С. 128—131; 2010. С. 150—151; 2011. С. 142—143; 2013. С. 150—151.

⁴ Составлено по: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации / ПРООН в РФ. М., 1998. С. 118—119; 1999. С. 101—103; 2000. С. 114—115; 2004. С. 99—101; 2007. С. 128—135; 2011. С. 142—143; 2013. С. 150—151.

⁵ См.: Российский статистический ежегодник / Росстат. М., 2013. С. 107—171.

⁶ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 76.

⁷ Там же. С. 59—60.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Там же. С. 68.

Поступила 18.02.2014.

M. V. Ignatieva, L. N. Lipatova. Human Potential for Economic Development: Federal and Regional Aspects

Achieving high rates of economic growth in Russia and development of high-tech industries are impossible without strengthening the labor

potential, without effective use of the accumulated human capital. The trend of strengthening the role of the human factor in economic development is becoming increasingly strongly pronounced. The Russian economy's transition to sustainable development requires strengthening of the labor potential of the population, purposeful and consistent personnel policy at all levels of administration.

The paper discusses the basic parameters of the human potential of the Republic of Mordovia in comparison with other Russian regions basing on the data presented by reputable organizations and the national statistics. According to a recent UN report, in 2010, Russia has improved its position in the global ranking on development of human potential. Despite the fact that conditions for human potential development in Russia differ significantly, the scattering interval of the indicator has markedly reduced. In 2010, as in the mid-1990s, Moscow and the Republic of Tyva had the extreme values. As for the Volga regions, during 1996-2010, most of them have worsened their positions in the Federal Rating for this indicator.

The conducted data analysis showed that its highest position in the human development index ranking of Russian regions the Republic of Mordovia had in 2004. In recent years, the republic is losing its grounds in the ranking of regions by human development. The main reasons for this are: the low living standards in the region, the slowdown in the growth of life expectancy, the decline in the share of inclusion in education. These problems require a detailed comprehensive study and development of measures to regulate these processes, because the reduction of human potential can become a barrier to sustainable development of the Republic of Mordovia.

IGNATIEVA Marina Vladimirovna, Postgraduate at the Department of Economics and Organization of Production, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

LIPATOVA Lyudmila Nikolayevna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Research Officer at the Department of Regional Research and Programs, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation).

Е. В. ЖАДНОВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Ключевые слова: идентичность, перформативные действия, село, пьянство

Key words: identity, performative actions, village, drinking

В перформативных теориях понятие идентичности связывается с действиями субъекта, которые способствуют производству нового социального порядка и определяют принадлежность к нему. В статье основное внимание сосредоточено на анализе контекста осуществляемых действий.

In performative theories, the concept of identity is associated with actions of a subject, which contribute to the production of a new social order and determine the belonging to it. The paper focuses on the analysis of the context of the implemented actions.

Идентичность — один из наиболее спорных и многозначно интерпретируемых концептов в современной социальной теории. Особую роль в его реинтерпретации сыграл так называемый перформативный поворот, провозгласивший перформанс (социальное действие, ориентированное на аудиторию и осуществляемое в определенных условиях) основой производства социальности.

Идентичность в перформативных теориях различного уровня представляется как система действий субъекта, одновременно и производящих социальный порядок, и обозначающих принадлежность к нему. Так, в рамках драматургического подхода Э. Гофмана, перформативные действия, осуществляемые субъектом на социальной сцене и основанные на управлении впечатлениями, призваны проинвестировать или закрепить его в выбранной социальной роли¹.

В теории перформативности Дж. Батлер идентичность предстает уже не как результат сознательного конструиро-

ЖАДНОВА Екатерина Владимировна, аспирант кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета.

вания и манипулятивного выбора субъекта, а как система властной категоризации, связанная с определенными действиями, укрепляемая и закрепляемая рутинностью последних: «идентичность конституируется в процессе представления теми самыми "проявлениями", которые считаются ее результатами»².

Приведенные подходы призваны маркировать крайние точки перформативных теорий, логические оппозиции. Однако можно заметить, что и та, и другая теория, описывая производство идентичности, склонны фокусироваться скорее на действии, производящем идентичность, фактически игнорируя контексты, влияющие на ее формирование.

Основываясь на материалах полевого исследования сел Новгородской и Самарской областей (оно проведено в 2010 г. научной группой Центра независимых социологических исследований и Самарского государственного университета), обозначим возможности и ограничения применения концепта идентичности в качестве аналитической рамки в исследованиях села. В анализе мы сосредоточимся на пьянстве как перформативном действии не потому, что эта практика весьма распространена в селах, но потому что именно она позволила наиболее отчетливо обозначить различия в организации социального пространства и баланса власти.

Село Самарской области расположено в 40 км от г. Самары и является районным центром и центром поселения. В селе, по данным официальной статистики, проживают 7 958 чел.³ В этом селе пьянство, а точнее противодействие ему, используется как один из значимых поводов мобилизации деревенского сообщества, иницируемых и регламентируемых властью, укрепляющих позиции властных структур как координаторов «борьбы с распитием» и модераторов социальной жизни села.

Для борьбы с питейными практиками в селе была создана «общественная комиссия», объединяющая представителей местных органов власти и общечественности (публичных людей, обладающих определенным авторитетом): главный врач, руководитель местного хлебозавода, ремонтно-эксплуатационных мастерских, пенсионер и т. д. В обязанности комиссии входит проведение «вечерних рейдов», в ходе которых участники следят за недопущением алкогольных практик среди подростков на улице и в местных кафе. Основной санкцией

становится социальное порицание и беседа с родителями в случае, если задерживается подросток. При неоднократном повторении подобных практик лицо, не достигшее совершеннолетнего возраста, может быть поставлено на учет в комиссии по делам несовершеннолетних. В данном случае можно говорить о производстве со стороны власти так называемой квир-идентичности, в понимании Дж. Батлер, формирующейся посредством дискурса стыда. С представителями старших возрастных групп среди местных жителей работу осуществляет полиция, которая по выходным и в зависимости от сезона в будние дни также проводит рейды. Выявление таких групп позволяет реализовывать определенные программы в отношении данной группы.

Местные жители в меньшей степени включены в процесс непосредственного определения, номинирования групп «пьяниц», хотя повседневная жизнь и является опосредующим звеном между отдельным индивидом и сообществом в целом. В основном сельчане занимают позицию невмешательства в ход этого процесса. Тем не менее в зависимости от времени года в местном сообществе на бытовом уровне межличностного взаимодействия актуализируется проблема пьющих групп населения, с деятельностью которых связывается, например, воровство на приусадебных участках: *«Вечером пойдешь — там огурцы, помидоры. Утром приходишь, а их нет. Ну, невозможно, надо охранять. Приходишь, раз морква, а лука нет. Ну, кто? Или городские, или бомжи, кто не работает, а жить охота. Смотришь, с дачи едешь вечером, он нигде не работает, едет на велосипеде на дачи, что ему там, знаешь, ты у него, живу столько лет здесь, нет ничего. Утром смотришь, он на рынке морковью и твоим луком торгует. Ты же не скажешь. Он же не отметил, что твой-то лук. Правильно?! Приехал, ну что, лук зеленый, будем убирать нет? Да, давай подергаем, раз, ботва, а лука нет, они выдерживают, лук обрезают, а ботву на место вставляют»* (местный житель, 59 лет, вахтер на хлебозаводе).

Инф.: *«Ну, там, украдут чего, это уж... (смеется) Есть нечего... Работать не хотят. У нас есть один такой. Не работает, а летом картошку у соседней подергал. А второй видел, говорит: "Вот, он чистил". Он пошел, а тот говорит: «А я что, должен с голоду умирать?»*

Инт.: *«Не побили его, в полицию не обратились? Или просто высказали?»*.

Инф.: *«Ну, вот он говорит: "А что я с ним сделаю, раз он есть хочет?"»* (местная жительница, 63 года, пенсионерка).

В целом местное население относится лояльно к подобным практикам, в частности к потреблению алкоголя, но при условии их нерегулярности и непубличности. Публичным и частично легитимным пространством потребления алкоголя являются кафе и проводимые в вечернее время крупные сельские праздники: *«Муж (муж — полицейский. — Е. Ж.) звонит, говорю: "Там, в центре (главная площадь села. — Е. Ж.), что есть, что ли?" Он говорит: "Да, уже пьяных отсюда везу. Он тридцать первого декабря дежурил"»* (местная жительница, 33 года, торговый работник).

Процесс называния, идентификации группы «пьющих» в селе Самарской области в большей мере происходит на уровне официальных институций, формулирующихся на общегосударственном и локальном уровне. Но сельская специфика проявляется в том, что представители местных органов власти непосредственно погружены в эту сельскую среду, имеют длительные контакты на формальном и неформальном уровне с жителями, а также в той или иной мере являются выходцами из местного сообщества. Теснота межличностных социальных связей представителей органов власти, местных инфраструктурных объектов и местных жителей позволяет разрешать возникающие ситуации не только на бытовом уровне, но и на официальном.

Село Новгородской области является центром поселения. От областного центра село отделяет 200 км, до ближайшего города — 60 км, а районный центр находится в 20 км от села, где проходит крупная железнодорожная магистраль. В селе официально зарегистрировано 418 чел.⁴ Здесь, в отличие от села в Самарской области, местные органы власти придерживаются стратегии замалчивания о «пьющих» группах населения. Подобное нивелирование «проблемных» семей или отдельных жителей позволяет местным органам власти, с одной стороны, демонстрировать хорошие статистические показатели, с другой — перекладывать ответственность за формирование маргинальности и осуществление перформативных действий на местных жителей.

Так, сельчанами была создана «комиссия общественного порицания» для курирования семей, находящихся в социально опасном положении. Представители органов местной власти информированы о деятельности этой комиссии, но не принимают непосредственного участия в ее работе. В данном случае местные жители наделяют себя властью идентифицировать других жителей как пьющих, основываясь на повседневно демонстрируемом ими поведении.

Нивелирование роли местных органов власти, как основных агентов номинации, производящих сельское пространство, восполняется возрастанием значимости включенности в межличностные взаимодействия этих категорий местных жителей. В данной ситуации, как правило, не учитываются объективные показатели (доход, трудовая занятость и т. п.), а на первое место выходит репутация индивида среди односельчан, накопленная в предыдущие годы, опыт взаимодействия с конкретным человеком: *«Мой отец последнее время сильно пил. Если бы вы приехали и увидели его, вы бы подумали, что он опустившийся человек. Но здесь, в селе все знали, что он хороший человек, что он пил не всегда, и относились к нему как хорошему человеку»* (местный житель, 22 года, помощник машиниста на железной дороге).

Тихое пьянство, не сопровождающееся деструктивными практиками, как правило, не подвергается общественному порицанию и является легитимным. Исходя из этого положения, члены неблагополучных семей не подвергаются полной социальной изоляции и отторжению местным сообществом и время от времени жители села нанимают их для выполнения незначительных хозяйственных работ. В большинстве случаев прием на работу связывается с желанием оказать помощь представителям местных маргинальных групп, тем самым осуществляя контроль за их жизнедеятельностью: *«Кто Дню советской армии Ваське сделала кулек. Думаю, кто ему даст? Я говорю: "Васька, вот ты не хочешь учиться, не хочешь ничего. Ведь скоро тебе в армию. Ну, и где ты, и чего ты там в армии будешь? То в рабочий батальон только тебя возьмут. Бери больше, кидай дальше. Вот твоя специальность" — ему говорю»* (местная жительница, 81 год, пенсионерка).

В случае этого села делается меньший акцент на моральную сторону проблемы. Невключенность представителей

местных органов власти в официальную проблематизацию дискурса пьющих сельчан может привести к созданию «местечковой» маргинальной идентичности. В итоге это ограничивает доступ к данной категории населения, институтам государственной помощи, перекладывая ответственность на местных жителей, которыми может быть оказана ситуативная «соседская» поддержка.

Подводя итог, можно сказать, что идентичность связывается с осуществляемыми рутинизированными действиями и названием. Во многом это связано с действиями властных институций. Подобное название изначально генерализировано, носит безличный характер, но современные научные подходы часто не учитывают контекст, в котором осуществляются эти действия, происходит название. Особенностью сельского контекста является плотность социальных взаимоотношений, постоянная смена ролей. Поэтому идентификация редко реализуется как продукт исключительно властных институтов. Основываясь на результатах исследования, уместно говорить о ситуативном названии, основанном на увещании, стыде и т. п. Здесь уже субъект, «пьющий», не является некоей безличной категорией, за ним продолжает сохраняться субъектность, т. е. он остается участником разделенного опыта — продолжает оставаться знакомым, соседом, одноклассником и т. п. Пьяницы редко маргинализируются, так как они не воспринимаются в качестве абстрактной категории, местные жители продолжают помнить, какими они были. Так появляется новый репутационный контекст. Также очень важной оказывается регулярность питейных практик: «он пил не всегда», «когда бросал пить» и т. п. Если же и осуществляется какая-то категоризация местных жителей, то это скорее свидетельствует о силе властных институций или сотрудничающих с ними структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гофман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.

² См.: Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. N. Y.: Routledge, 1990. P. 25.

³ См.: Всероссийская перепись населения — 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.12.2013).

⁴ См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=496454222010 (дата обращения: 24.12.2013).

Поступила 24.01.2014.

E. V. Zhadnova. Construction of Identity within the Performative Concepts

In recent decades, the performative theories have increasingly spread. Performance becomes the production basis of the social world. The paper is devoted to the production of identity in the performative concepts. Identity is constructed by the actions of a subject, which produce social order and determine the belonging of the subject. The aim of this paper is to expose the contexts of performative actions and to determine how they affect the production of identity.

One of the peculiarities of formation of the identity categories is that they are designated by the authorities. Such a naming is primordially generalized and impersonal. Specificity of the rural context is in the density of social interactions and in constant change of roles. Therefore the identification is rarely realized solely as a product of the state authorities. The results of this study reveal situational naming, based on the admonition, shame, etc. In this case the subject («a drunkard») is not an impersonal category. He retains subjectivity, remains a participant in a shared experience, continues to be a friend, a neighbor, a classmate, etc. Drunkards are rarely marginalized because they are not perceived as an abstract category and other local residents continue to remember them as they used to be before. So a new reputational context appears. Regularity of drinking practices proves to be important for construction of the identity: «he was not a drunkard before», «when he was giving up drinking», etc. If there any categorization of local residents happens, this is more an indication of the strength of governmental institutions or related structures.

ZHADNOVA Ekaterina Vladimirovna, Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Samara State University (Samara, Russian Federation).

И. А. ЮРАСОВ

О. Н. ЮРАСОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: рабочий класс, теория экономических циклов Н. Д. Кондратьева, технологический уклад, эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки

Key words: working class, Kondratiev's theory of economic cycles, technological structure, emotional intelligence, communication skills

В статье рассматривается социальное положение современных рабочих в Пензенской области. Опираясь на результаты социологического исследования, авторы обосновывают необходимость развития у промышленных рабочих эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков.

The paper discusses the social status of the modern working people in the Penza region. Basing on the results of sociological research, the authors substantiate the need for development of emotional intelligence and communication skills among the industrial workers.

Начиная с 90-х гг. XX в. неуклонно снижается промышленный потенциал России и качество человеческого капитала, занятого в этой отрасли. Социологические исследования

ЮРАСОВ Игорь Алексеевич, заведующий кафедрой экономики и менеджмента Пензенского государственного технологического университета, доктор социологических наук, доцент.

ЮРАСОВА Ольга Николаевна, доцент кафедры английского языка Пензенского государственного университета.

фиксируют этот процесс по всем социально-экономическим и социально-психологическим характеристикам.

Причинами этого, на наш взгляд, является низкий уровень эмоционального интеллекта и слабые коммуникативные способности современных рабочих.

Активное обсуждение вопросов, связанных с оценкой роли и места рабочего класса идет с 90-х гг. XX в. в многочисленных исследованиях, в публицистике¹. В них говорится о проблемах сокращения числа промышленных рабочих и деградации рабочего класса, старения, снижения образовательного потенциала и социальной активности рабочих и др.

Опираясь на работы Н. Д. Кондратьева, выделяют шесть технологических укладов, т. е. последовательных замещений крупных комплексов технологически связанных производств. Согласно этой теории, сейчас идет пятый технологический уклад, в котором ведущую роль играет развитие электроники, робототехники, а также вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники. Шестой уклад, который, по прогнозам специалистов, начнется уже в 2014—2018 гг., будет основываться на нано-, био-, информационных и когнитивных технологиях. Его контуры только начинают складываться в США, Японии и КНР. Например, в США доля производительных сил пятого технологического уклада составляет 60 %, четвертого — 20 %, около 5 % уже приходятся на шестой технологический уклад. Что касается России, то доля производительных сил пятого уклада составляет примерно 10 %. Более 50 % технологий относится к четвертому укладу, а почти треть — к третьему².

Эти условия определяют необходимость догоняющего развития России с динамичной разработкой и внедрением научных достижений, так как основными критериями конкурентоспособности и успеха становятся информация, знание, способность создавать технологии и управлять их реализацией. Информационное общество высоких технологий выдвигает на первый план совершенно иные сектора экономики, иные подходы к технологии производства и потребления, сокращает потребность в прежних типах трудящихся, в связи с чем все чаще высказывается мысль об исчезновении рабочего класса как активного субъекта социальной жизни.

Таким образом, переход современного российского общества в шестой технологический уклад ставит под сомнение

существование в нем социального образования «рабочий класс» в традиционном его понимании. Именно поэтому возникает острая необходимость определить место и роль современного рабочего класса в период трансформаций российского общества.

Пензенская область является наиболее типичным и показательным регионом для развития всех социально-экономических и социально-политических процессов в российском обществе. Она находится на стыке отношений традиционного, индустриального и постиндустриального обществ. В регионе отсутствуют значимые запасы энергоносителей и других сырьевых ресурсов, а также крупные предприятия по переработке сырья. Основными отраслями экономики Пензенской области являются машиностроение и металлообработка, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, сельское хозяйство и пищевая промышленность, приборостроение, химическая промышленность, а также военно-промышленный комплекс. Предприятия этих отраслей по большей части работают на перспективных и динамичных рынках европейской части Российской Федерации, страны в целом и СНГ. Экономика региона в кратко- и среднесрочной перспективе будет подвержена масштабным вызовам, связанным с назревшими структурными изменениями — комплексной модернизацией хозяйства, что продиктовано необходимостью инновационного промышленного развития России. В связи с этим все процессы, касающиеся рабочего класса, так или иначе будут проходить и в других регионах Российской Федерации.

Для изучения сложившейся ситуации в феврале — мае 2013 г. мы провели анкетный опрос рабочих предприятий г. Пензы и г. Никольска Пензенской области, основной целью которого было выяснение особенностей отношения рабочих к своей профессии, их ориентации на образовательную и трудовую активность, оценку своего образовательного и трудового потенциала и т. д.

В ходе исследования было выяснено, что большая часть опрошенных работает в лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (37,5 %). По 25,0 % работают в машиностроении и металлообработке и лесном хозяйстве, 12,5 % приходятся на строительство. Исследование также выявило, что в структуре рабочего класса пре-

обладают рабочие в возрасте от 41 года до 55 лет (37,5 %), а рабочие в возрасте от 18 до 22 лет составляют только 2,5 %. Также невысока наполняемость подгруппы в возрасте от 23 до 27 лет (9,5 %). Достаточно представительна подгруппа от 28 до 40 лет (34,0 %).

Большинство опрошенных имеют большой и общий стаж работы по специальности, стаж работы на конкретном предприятии, что связано с возрастными характеристиками опрошенных и говорит о тенденции старения квалифицированной рабочей силы. Преобладание возрастной группы работников старшего возраста указывает на негативную тенденцию недостатка молодых кадров, что плохо отражается на преемственности знаний и умений, а также на качестве подготовки последующих поколений работников. Образовательные характеристики опрошенных распределились следующим образом: 36,0 % имеют среднее специальное образование. Значительно число лиц, имеющих среднее и начальное профессиональное образование (25,5 и 22,0 % соответственно). Лица, получившие высшее образование, составляют только 9,5 %.

Падение популярности рабочих профессий обусловлено множеством факторов. Безусловно, основными стали отсутствие экономических стимулов, низкая заработная плата. По уровню благосостояния респонденты распределились следующим образом: большинство опрошенных (66 %) получают от 5 до 10 тыс. руб., 20 % — от 10 до 15 тыс. руб., 12,5 % — от 15 до 20 тыс. руб., 1,5 % — от 20 до 30 тыс. руб. При этом подавляющее большинство респондентов указало, что вся заработная плата тратится на текущие нужды (80 %). Таким образом, закономерен вывод, что удовлетворенность опрошенных своим материальным положением находится на достаточно низком уровне. Это подтверждается и данными опроса: только 9 % ответили, что удовлетворены размером своей заработной платы.

Что касается динамики доходов опрошенных, то за последние годы повышение наблюдалось лишь у 6 %. Ожидания по поводу повышения заработной платы также выглядят достаточно пессимистично: только 4 % опрошенных считают, что в ближайшие годы их заработная плата повысится. Необходимо отметить, что, помимо основного места работы, многие респонденты либо совсем не имеют дополнительного

источника дохода (82,5 %), либо в качестве такого источника выступает подсобное хозяйство (13,0 %).

Другим фактором, существенно снижающим привлекательность рабочих профессий, является политическая дезориентированность рабочих и низкий уровень их социальной защищенности. Исследование показало, что даже наиболее квалифицированные работники не в состоянии вступить в конструктивный диалог с руководством предприятий по поводу реализации своих прав. Большинство из них никогда не отстаивали свои права ни с помощью коллективных переговоров, ни с помощью акций протеста. Более того, в рабочей среде преобладает мнение, что этими способами нельзя добиться решения какой бы то ни было проблемы (98,5 %).

В целом большинство рабочих (80 %) оценивает эффективность борьбы за свои права как низкую. Такое положение связано со слабостью или полным отсутствием профсоюзных организаций на предприятиях. Было выявлено, что большинство опрошенных не являются членами профсоюзов (68 %). При этом 28 % респондентов состоит в профсоюзах, но придерживается мнения, что они не защищают в полной мере их права и интересы, а 4 % опрошенных вообще не знают, являются ли они членами профсоюза или нет.

Одним из центральных вопросов, выясняемых в ходе исследования, был вопрос о том, какое место в жизни респондентов занимает работа, так как в контексте трудового поведения затрагиваются не только экономические факторы, но и социальное самоощущение. Исходя из полученных данных, можно заключить, что определяющим значением работы у опрошенных является материальный ресурс («работа как основной источник дохода») (22 %). Второе место в ранжировании ценностей занимает отношение к своей работе как естественному состоянию человека («работа важна сама по себе») (10,5 %). Кроме того, работа рассматривается респондентами как источник поддержания устойчивых связей с социальной средой («люблю работу в коллективе») (6 %). Однако для большинства опрошенных (52 %) работа выступает, скорее, как антиценность («моя работа меня ничем не удовлетворяет»). С этим связан тот факт, что 47,5 % рабочих ответили, что бросили бы нынешнее место работы, если бы имели достаточно денег, чтобы не работать.

Более того, 67 % опрошенных ответили, что в последнее время работа вызывает у них только отрицательные настроения, переживания и эмоции. Рабочих, у которых работа вызывает исключительно положительные эмоции, гораздо меньше (12 %). Перспективы в своей профессии видят только 6 % опрошенных, однако сменить профессию намерены лишь 4,5 %.

Таким образом, современный рабочий класс находится в бедственном положении, а сопротивляемость, способность отстаивать свои интересы у него весьма слаба. Видно, что на сознание рабочих оказывают влияние достаточно разнородные факторы. Непривлекательность рабочих профессий вызвана не только низким уровнем зарплаты в большинстве групп рабочих, но и отсутствием взаимосвязи между затраченными усилиями и оплатой труда, перспектив карьерного роста и т. д. В этих условиях многое зависит от степени развития эмоционального интеллекта, т. е. навыка понимания своих и чужих чувств, эмоций и умения ими управлять и манипулировать, а также коммуникативных навыков³.

Для современного рабочего характерно в основном низкая квалификация и отсутствие стремления к ее повышению, низкая ответственность и ярко выраженное стремление уклониться от любого дела, требующего его личной ответственности, отсутствие инициативы и негативное отношение к активности других, устремленность на минимизацию своих трудовых усилий, рестрикционизм, чрезвычайная зависимость от руководителя и признание таковой как должного и т. д. — все это особенности поведения и сознания работника с низким эмоциональным интеллектом и коммуникативными навыками⁴.

Необходимо также отметить, что преобладающее большинство рабочих затрудняется выразить свои желания и нужды достаточно ясно и недвусмысленно. Кроме того, они часто сами не слишком ясно себе представляют, чего же они хотят и отступают, меняют свои намерения или отказываются от своих требований при малейшем признаке сопротивления⁵.

Экспертный опрос и наблюдения подтвердили наличие апатии, полной аполитичности, отсутствие тенденций к солидаризации и даже намеков на возможность сопротивления. Таким представляется нам «постсоветский» пролетариат,

не только Пензенской области, но и России в целом. В отличие от 90-х гг. XX в. нет рабочего движения, нет даже намеков, малых очагов классового сопротивления господству работодателей.

Причину этому мы видим в снижении образовательного уровня рабочих, отсутствии у большинства представителей «синих воротничков» развитого эмоционального интеллекта. В свою очередь развитый эмоциональный интеллект и коммуникативные навыки позволили бы рабочим выработать стремление к достижениям, активность, инициативу, умение подчинить эмоции реализации намеченных целей, а также приобрести способность вызывать у других желаемую реакцию, достигать взаимопонимания, сотрудничать, побуждать других к достижению значимых для них целей.

Таким образом, при необходимости перехода к шестому технологическому укладу в российском обществе все больше возрастает потребность в таком рабочем классе, который, адекватно осознавая свои политические, экономические, социальные и иные права и интересы, ведет активную борьбу за их реализацию в различных формах и различными методами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беленький В.Х. Рабочий класс как объект социологического анализа // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 29—37; Бессокирная Г.П. Стратегии выживания рабочих // Там же. 2005. № 9. С. 49—54; Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Там же. 1998. № 10. С. 79; Каблов Е.Н. Шестой технологический уклад [беседа с академиком РАН Кабловым Е.Н.: о волновой теории Н.Д. Кондратьева, о руководстве наукой в России, об инновационном пути, о ГНЦ]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/17800> (дата обращения: 13.03.2013); Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. М., 2004. С. 29—39; Макарова М.Н. Образовательный потенциал рабочих в регионе (по материалам Удмуртии) // Социол. исслед. 2006. № 12. С. 110—118; Трушков В.В. Современный рабочий класс в зеркале статистики // Там же. 2002. № 2. С. 45—51; Шаталова Н.И. Деформация трудового поведения работника // Там же. 2000. № 7. С. 26—33.

² См.: Каблов Е.Н. Шестой технологический уклад ...

³ См.: Юрасов И.А. О нетрадиционных средствах развития эмоционального интеллекта // Управление персоналом. 2008. № 16. С. 42—43.

⁴ См.: Его же. Сегментирование современного рабочего класса. Социально-психологический аспект // Управление персоналом. 2004. № 8—9. С. 36—39.

⁵ См.: Steven J.S., Howard E. The EQ Edge: Emotional Intelligence and your success. Stoddart Publishing Co, 2000.

Поступила 23.01.2014.

I. A. Yurasov, O. N. Yurasova. Social Status of the Working Class in a Region

The paper discusses the social status of the modern working people in the Penza region. The badly thought-out economic reforms of the 1990's led to significant reduction of industrial potential in the country and to negative social transformations of the Russian working class. Being economically unclaimed, a significant part of workers marginalized and only a small part of the proletariat got self-organized and self-employed. The reasons for the negative transformational trends are: the low level of emotional intelligence and poor communication skills of workers nowadays.

Similar processes take place in the whole world that enters a new technological cycle requiring new approaches, competencies, new strategies for industrial development. In these conditions, ability to self-organization, innovativeness, social mobility, etc. will be in demand. Development of emotional intelligence and communication skills will help to cultivate these qualities.

The transition to the sixth technological setup of the Russian society implies a significant renewal of the working class to make it mobile, well-educated, capable of continuous learning and self-organization.

YURASOV Igor Alekseyevich, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department of Economics and Management, Penza State Technological University (Penza, Russian Federation).

YURASOVA Olga Nikolayevna, Associate Professor at the Department of the English Language, Penza State University (Penza, Russian Federation).

О. Г. ПРОШКИНА

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: инновационное обучение, инновационный потенциал, творческий тип личности

Key words: innovative training, innovative potential, creative personality type

Статья посвящена исследованию инновационного потенциала студентов-менеджеров. На основе данных опроса дается типология студентов-менеджеров, анализируются их представления об инновациях, приводятся позиции студенческой молодежи о факторах успеха в профессиональной деятельности, а также мнения о реализации инновационного потенциала студентов в регионе.

The paper is devoted to the study of innovative potential of students majoring in management. Basing on the survey data, it provides a typology of students majoring in management and analyzes their views on innovations, characterizes the attitudes of the student youth concerning the factors of success in professional activity, and considers the opinions on implementation of innovative potential of students in the region.

Подготовка конкурентоспособного специалиста, свободно владеющего своей профессией, а также ориентированного в смежных областях деятельности, обозначена основной социально-образовательной задачей системы высшего профессионального образования. Особую специфику приобретает решение этой задачи в процессе подготовки менеджеров. Современное развитие общества, экономики, технологий становится все более зависимым от эффективности менеджмента. И сам менеджмент не стоит на месте, развивается и преобразуется.

Специалистам указанной квалификации в современном обществе приходится сталкиваться со множеством организационных, социальных и экономических проблем. Предъявляются все более высокие требования не только к уровню

ПРОШКИНА Ольга Григорьевна, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

их теоретической подготовки, но и к практическим навыкам выполнения функциональных обязанностей. При этом особое внимание работодатели обращают на умение молодых специалистов использовать инновационные подходы в своей работе, влияющие на эффективность их деятельности. Именно вуз формирует базовые профессиональные навыки и умения будущих специалистов, особенно развитие инновационных установок.

Социологи констатируют, что инновационный потенциал у молодежи задействован в недостаточной степени¹. С одной стороны, это происходит в силу того, что молодежь не обладает нужными знаниями и навыками в области инновационной деятельности и выбирает пассивную позицию, опасаясь трудностей, связанных с организацией или внедрением какого-либо новшества. С другой стороны, образовательные учреждения, в которых молодые люди проходят обучение, не всегда в должной степени ориентируют свою образовательную деятельность на решение задачи развития у молодежи инновационных качеств. В связи с этим очевидно, что с учетом численности выпуска квалифицированных специалистов-менеджеров активизация их инновационного потенциала в профессиональной деятельности могла бы привести к позитивным результатам в плане создания стабильно развивающейся конкурентной рыночной экономики и социального государства. В этих условиях особое значение имеет оценка уровня инновационного потенциала студентов-менеджеров.

Понятие «инновационный потенциал», по мнению В. Е. Клочко, Э. В. Галажинского и О. М. Краснорядцевой, до сих пор относится к ряду неоперационализированных. Оно недостаточно разработано, не определена его структура, нет столь необходимых сегодня программ его оценки². Инновационный потенциал человека они рассматривают как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения³.

Основой для формирования инновационного потенциала является развитие творческих начал еще в подростковом периоде. В связи с этим определяющим признаком при определении уровня инновационного потенциала у студентов. Мы будем рассматривать выраженность творческой состав-

ляющей. Таким образом, нас интересует, каким инновационным потенциалом обладают студенты, от каких факторов он зависит. Главное, как уровень этого потенциала отражается на взглядах, намерениях и трудовых установках будущих специалистов.

Статья основана на материалах опроса студентов экономического факультета Мордовского государственного университета, проведенного Отделом менеджмента качества образовательной деятельности в марте 2014 г. в рамках исследования удовлетворенности студентов качеством образовательной деятельности. В качестве метода сбора первичной социологической информации был выбран анкетный опрос, который позволяет охватить достаточное количество респондентов и с необходимой степенью глубины выяснить их мнение по поставленным вопросам. В исследовании приняли участие 160 студентов, обучающихся по магистерским программам «Менеджмент», «Экономика», «Государственное и муниципальное управление». Выборка является репрезентативной по основным параметрам генеральной совокупности: по курсу обучения, профилю получаемого образования.

Инновационный потенциал определялся преимущественно на основе формальных признаков, информации студента о самом себе. Характер исследования не позволял добавить к этим признакам, например, оценку инновационного потенциала студентов преподавателями. Предметом нашего изыскания было установление уровня инновационного потенциала студентов. Для этого была составлена типология опрашиваемых. Выделены три группы: «мобильно-инновационная», «традиционная», «прагматики-подражатели».

В основу типологии были положены ответы респондентов на опорные вопросы анкеты: *«Скажите, посещали ли Вы, кроме школы, еще какие-нибудь дополнительные занятия (художественные школы, музыкальные, танцевальные, спортивные различные виды факультативов)», «Участвовали ли Вы в следующих мероприятиях: студенческие праздники, концерты, фестивали, конкурсы; научные конференции, диспуты, круглые столы; спортивные состязания; школа вожатского мастерства; написание научных, творческих работ для конкурса?»*, *«Насколько Вы удовлетворены своим профессиональным выбором: безусловно удовлетворен, скорее удовлетворен, скорее не удовлетворен, безусловно не удов-*

летворен, затрудняюсь ответить?», *«Как Вы оцениваете свое инновационное мышление (по 5-балльной шкале)?»*.

Типология была составлена с помощью метода иерархического кластерного анализа. Расстояние между кластерами рассчитывалось по методу Варда. В качестве расстояния между кластерами берется прирост суммы квадратов расстояний объектов до центров кластеров, получаемый в результате их объединения. В качестве меры близости использовался квадрат евклидова расстояния.

Наиболее распространены среди опрошенных студенты со средним уровнем инновационного потенциала (45 %). Во время обучения в школе они не посещали дополнительных занятий, зато в вузе участвовали в различных видах студенческих мероприятий (в основном это были спортивные состязания, научные конференции, диспуты, круглые столы). Такой тип мы назвали «прагматиками-подражателями», больше ориентирующимся не столько на собственные мотивы, сколько на то, что делают другие. В этой группе большинство студентов полностью удовлетворены своей специальностью, но и имеется доля недовольных своим выбором. Они могут присоединиться к другим группам. Своё инновационное мышление представители этой группы оценивают в среднем на 3,8 балла.

«Мобильные инноваторы» (35 %) — студенты с высоким уровнем инновационного потенциала — уже в школьные годы посещали дополнительные занятия (художественные, музыкальные, танцевальные и др.). Своим профессиональным выбором они удовлетворены полностью. Они активны и во время учебы в вузе (участвуют в различных студенческих мероприятиях). Эта группа, на наш взгляд, является довольно амбициозной и динамичной. Инновационное мышление в среднем оценивается на 4 балла.

В «традиционную группу» входит 20 % студентов с низким уровнем инновационного потенциала, не посещавших дополнительных занятий ранее и не участвующих во внеучебной деятельности университета. На наш взгляд, эта группа производит впечатление «застойно-авторитарной», в ней наиболее высока доля студентов, не удовлетворенных своей специальностью, но вынужденно обучающихся из-за отсутствия альтернатив. Такие студенты не любят себя перетруждать и участвовать в каких-либо дополнительных

мероприятиях. Свое инновационное мышление они оценивают на 3,5 балла.

Одним из главных пунктов анализа ориентаций студентов-менеджеров, связанных с их будущей профессиональной деятельностью, было изучение мнений об основных критериях выбора места работы. Для этого респондентам был задан вопрос «Что, по Вашему мнению, важнее всего при выборе работы?». Они могли дать до трех вариантов ответа.

Для студентов мобильно-инновационной группы определяющими стали «возможность профессионального роста» (31 %), «высокая заработная плата» (30 %), «возможность творческой самореализации» (15 %). Среди представителей традиционной группы основными критериями являются «высокая заработная плата» (35 %), «возможность продвижения по службе» (27 %), «престижность работы» (10 %). Прагматики-подражатели в качестве главного фактора при трудоустройстве отметили «высокую заработную плату» (35 %). Эта группа также отметила больше критериев при выборе: 20 % респондентов отметили возможность профессионального роста, 12 % — возможность творческой самореализации, 10 % — возможность продвижения по службе.

Результаты факторного анализа по каждой из групп респондентов разделили на «инструментальные» и «содержательные». Респонденты из традиционной группы и группы прагматиков-подражателей отмечали варианты ответа, свидетельствующие о прямых «выгодах» при выборе работы, среди которых доминируют по частоте упоминаний «высокая заработная плата», «возможность продвижения по службе», «престиж работы». Мобильно-инновационной группе в основном принадлежат «содержательные» критерии, которые, кроме непосредственных материальных выгод, способствуют повышению их творческой, профессиональной самореализации как будущих профессионалов.

Представители групп с разным уровнем инновационного потенциала различаются и мнениями о факторах успеха в профессиональной деятельности. Мобильно-инновационная группа считает такими факторами качественное образование (31 %), креативные подходы в профессиональной деятельности (18 %), наличие лидерских качеств, инновационного мышления, постоянный поиск и освоение новых возможностей (15 %). Следовательно, для этой группы востребованными

являются достижения, личные способности, личный вклад человека.

Прагматики-подражатели в качестве главного фактора достижения успеха отмечают качественное образование (27 %). Также они считают важным умение договариваться, вести переговоры (16 %), заводить связи, дружбу, знакомства и поддержку влиятельных лиц (14 %).

Традиционная группа по сравнению с предыдущими несколько в меньшей степени рассчитывает на качественное образование (23 %), больше надеется на связи, дружбу, знакомства и поддержку влиятельных лиц (21 %), владение информационными технологиями важно для 14 % респондентов. Следовательно, эта группа демонстрирует «недостижимые факторы», ориентированные на связи, дружбу, знакомства и характеризующиеся низкой долей инициативности в профессиональной деятельности.

Еще один значимый аспект в исследовании студентов-менеджеров — вопрос об опыте работы (подработке) в процессе обучения на момент опроса. Анализ данных показал, что значительная часть опрошенных (25 %) из группы прагматиков-подражателей уже трудится, причем 12 % из нее — по своей специальности. Из традиционной группы работающими оказались 10 % опрошенных, и только 8 % из них трудятся по специальности. Среди мобильно-инновационной группы работающих оказалось 15 % респондентов, 5 % из них — по специальности.

Стремление получить доход является основным стимулом работы для студенческой молодежи. Об этом свидетельствуют ответы почти 1/3 опрошенных трудящихся студентов. При этом в работе студенты пытаются реализовать свои лидерские качества, узнать что-то новое, получить опыт. В то же время «профессиональная» мотивация («нужно получить опыт в будущей профессии») свойственна незначительной части студентов. Такая же тенденция характерна и для «адаптационной» мотивации («нужно адаптироваться к новым условиям, которые ждут после учебы»). Кроме экономических потребностей, важна самореализация в профессии.

К факторам инновационного потенциала человека относят также среду, отвечающую этим возможностям, т. е. пространство, в котором возможна профессиональная самореализация. В связи с этим мы сформулировали вопрос о

возможностях реализации инновационной деятельности в организациях/предприятиях, в которых студенты проходили практику. Оценка студенческой молодежью ситуации, связанной с реализацией инновационного потенциала, выступает в качестве индикатора траектории развития региона в российском социальном пространстве.

На этот вопрос большинство опрошенных затруднились ответить либо отметили неудовлетворительные условия для реализации инновационной деятельности в организациях/предприятиях. Основными факторами, препятствующими реализации инновационной деятельности, большинство студентов (75 %) отметило строгие правила работы, абсолютное игнорирование инициатив молодежи со стороны руководства. Результаты опроса показывают, что возможности развития в организационном/производственном пространстве инновационного потенциала будущих менеджеров в регионе крайне низки.

Таким образом, развитость творческих начал у студентов еще в школьные годы обуславливает и специфику поведения в студенческой среде, а также понимание своего дальнейшего поведения в конкурентной среде. При анализе полученных результатов мы исходили из предположения, что инновационные ориентации, запечатленные в сознании молодых людей и выявленные в процессе их изучения, дают определенное представление о том, как соотносят себя студенты с получаемой профессией, имеется ли мотивация реализовать себя в ней, а также установки на инновационную деятельность.

В целом студенты Мордовского государственного университета демонстрируют достаточно высокий уровень инновационного потенциала, но условия, в которых предстоит работать будущим менеджерам, крайне неудовлетворительные для его реализации. Развитие творческой направленности личности предполагает формирование у молодых людей стремления к реализации своего инновационного потенциала, саморазвитию и самосовершенствованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Паутова Л.А. Молодежная сегментация: опыт фонда «Общественное мнение» // Мониторинг обществ. мнения. 2010. № 5. С. 26—39.

² См.: Психология инновационной деятельности: тезаурус (словарь, охватывающий специфику профессиональной лексики) / сост. Э.В. Галажинский, В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 24 с.

³ См.: Краснорядцева В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2010. № 339. С. 151—154.

Поступила 26.05.2014.

O. G. Proshkina. Innovative Potential of Students Majoring in Management in a Region

The paper is based on the survey among students of the economic faculty of the Mordovia State University held in March 2014. Questionnaire was chosen as a method of research which allowed to reach a sufficient number of respondents and to find out their opinion on the formulated issues with the necessary degree of depth. The object of the study was to expose the level of innovative potential among the students. During the survey the typology of respondents was defined. Three groups were singled out: the «mobile innovative» and «traditional» ones, as well as «pragmatists-imitators».

The results of the study showed that maturity of the respondents' creativity in the schooldays determine the specificity of behavior in the student's environment and understanding of their further behavior in a competitive environment. Analyzing the obtained results we proceeded from the assumption that the innovative orientations imprinted in the minds of young people exposed in the course of the study, in general, give a certain idea of how students identify themselves with the profession they get, whether they are motivated to fulfill themselves in it and whether they are set for innovative activity.

In general, the students of the Mordovia State University demonstrate rather high innovative potential, but the conditions that the future managers will have to work in are extremely unsatisfactory for implementation of the innovative activities. For the subsequent development of the creative orientation, it is necessary to form the desire to implement their innovative potential among the youth, as well as the commitment to self-development and self-improvement.

PROSHKINA Olga Grigorievna, Postgraduate at the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Н. В. ИВАШКИНА Д. В. ИВАШКИНА

ДИАСПОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: диаспоральные отношения, межнациональная напряженность, конфликт, мигранты, миграционные процессы, местное население, экономические проблемы

Key words: diaspora relations, ethnic tension, conflict, migrants, migration processes, local population, economic problems

В статье приводится анализ результатов экспертного опроса «Мониторинг диаспоральных отношений в Республике Мордовия», целью которого было определение факторов и тенденций формирования диаспоральных отношений в условиях развития внешней трудовой миграции на территории региона и выявление рисков и угроз в этой области, социального взаимодействия представителей различных национальных и территориальных групп.

The paper provides the analysis of the results of the expert survey «Monitoring Diaspora Relations in the Republic of Mordovia» the purpose of which was to identify the factors and trends of shaping diaspora relations in the circumstances of development of external labor migration in the region and identification of risks and threats in this area, as well as the social interaction of representatives of various ethnic and territorial groups.

Диаспоральные отношения в современной России — явление новое, отличное от традиционных форм межэтнического

ИВАШКИНА Наталия Владимировна, заведующая сектором региональных систем образования НИИ регионологии Мордовского государственного университета.

ИВАШКИНА Дарья Владимировна, студентка II курса Мордовского государственного университета.

взаимодействия. Диаспоральные группы представляют собой социально-этническую, культурологическую целостность людей, оставивших ареал исконного расселения и пребывающих на территории иной национальной общности. Наиболее значимое отличие заключается в том, что, оказавшись в инациональном, инокультурном окружении, эти группы не только стремятся сохранять связь с исторической родиной, но и прилагают усилия, чтобы влиться в разностороннюю жизнь титульной нации, в результате чего происходит вхождение этих социально-этнических единиц в сложный мир диалоговой культуры¹.

Для определения факторов и тенденций формирования диаспоральных отношений в условиях развития внешней трудовой миграции на территории Республики Мордовия и выявления рисков и угроз в этой области социального взаимодействия представителей различных национальных и территориальных групп в ноябре 2013 г. НИИ регионологии Мордовского государственного университета проведено социологическое исследование «Мониторинг диаспоральных отношений в Республике Мордовия» в форме экспертного опроса. Экспертами выступили люди, в своей профессиональной и общественной деятельности непосредственно связанные с решением проблем трудовых мигрантов на региональном и муниципальном уровне. Объем экспертной группы составил 133 чел. В нее вошли работники науки и образования, средств массовой информации, сотрудники органов государственной власти и правоохранительных органов, местного самоуправления, представители неправительственных общественных организаций, малого и среднего бизнеса.

Экспертный опрос подтвердил стабильный, ровный характер межэтнических отношений в Республике Мордовия. Так, большинство респондентов (74,4 %) оценили межнациональные отношения как «стабильные, добрососедские». Однако 24,1 % отметили межнациональную напряженность на бытовом уровне. Ни один из опрошенных не указал на то, что в республике имеются межнациональные конфликты. По мнению большинства экспертов (74,4 %), ухудшений в этой сфере за последний год не произошло, а, по мнению 11,3 % респондентов, отношения между людьми разных национальностей улучшились. Лишь 9,0 % указали, что эти связи стали хуже.

Перспективы развития межнациональных контактов в республике в ближайшие два года представляются экспертам довольно неоднозначно. Несмотря на то, что 54,6 % респондентов считают, что эти отношения останутся без изменений, а 15,4 % отмечают их улучшение, 10,8 % полагают, что они будут ухудшаться, 19,2 % затруднились определить перспективы развития межнациональных связей в Мордовии. Эта озабоченность проявилась в ответах на вопрос о возможности в течение ближайшего года насильственного столкновения на национальной или религиозной почве. В общей сложности о такой возможности сказали 14,5 %, отрицают ее 34,4 %.

Полученные в ходе исследования данные позволяют выделить несколько факторов, обуславливающих, по мнению экспертов, межнациональную напряженность и конфликты: вызывающее поведение мигрантов — 45,9 %; подстрекательство со стороны экстремистских организаций — 27,1 %; экономические проблемы (безработица, конкуренция с мигрантами за рабочие места) — 24,8 %; страхи и неприязнь по отношению к мигрантам со стороны местного населения — 19,5 %; социальная незащищенность — 11,3 %; коррумпированность правоохранительных органов и местных властей — 10,5 %.

Большой блок вопросов анкеты был посвящен проблемам, связанным с пребыванием на территории республики трудовых мигрантов. По мнению экспертов, большинство мигрантов, прибывающих на территорию Мордовии, являются представителями Армении (37,8 %), Азербайджана (31,5 %), Узбекистана (18,9 %), Украины (17,3 %) и Таджикистана (14,2 %). Интенсивность общения трудовых мигрантов с местным населением по 5-балльной шкале (1 балл — наименьшая интенсивность, 5 баллов — наибольшая) эксперты оценили на 1—3 балла, т. е. как не очень интенсивную. В основном это общение происходит на рабочих местах (60,2 %), в магазине, на рынке (57,1 %) и улице (31,6 %).

Большинство опрошенных (76,3 %) отметили, что миграционные процессы не влияют на состояние и развитие межнациональных отношений в республике. Как позитивный результат таких процессов эксперты указали на «обогащение культур и традиций» и «экономическое развитие региона». В качестве отрицательных факторов были названы «нехватка

работы своим», «ухудшение правопорядка», «создание социальной напряженности», «отсутствие системы двухсторонней социализации».

По мнению экспертов, местное население относится к трудовым мигрантам с опасением (48,9 %) и безразлично (48,1 %). Также присутствует раздражение (20,6 %). Трудовые мигранты в большинстве относятся к местному населению безразлично (61,4 %), а последнее к ним — с небольшой опаской (23,8 %). Однако присутствуют уважение (18,8 % — мигранты, 5,3 % — местное население) и симпатии (2,0 % — мигранты, 0 % — местное население), меньшая доля раздражительности (10,9 % — мигранты, 20,6 % — местное население) и неприязни (5,0 % — мигранты, 7,6 % — местное население).

Основными причинами негативного отношения местного населения к иностранным трудовым мигрантам эксперты назвали конкуренцию за рабочие места, безработицу среди местного населения (33,6 %) и различия в национальных традициях и культурных нормах (30,5 %). Эксперты высказали мнение, что негативное влияние на отношение к трудовым мигрантам оказывают «низкий уровень толерантности населения», «неверное понимание происходящих в экономике и обществе процессов», а также «нагнетаемая в стране СМИ и, в большей степени, телевидением истерия по данной проблеме».

Влияние иностранных рабочих на социально-экономическую ситуацию в Мордовии проявляется, по мнению экспертов, в создании конкуренции на рынке труда и низкой заработной плате местного населения (49,4 %), в том, что иностранные трудовые мигранты выполняют работу, за которую не берутся местные жители, и способствуют развитию экономики (45,6 %), а также в повышении уровня преступности и коррупции (22,8 %).

Многие эксперты (72,9 %) отмечают активную деятельность органов местного самоуправления по формированию доброжелательного отношения к представителям различных национальностей. В ходе опроса эксперты также оценили степень влияния различных структур на поведение представителей диаспор. Так, по их мнению, наибольшее влияние оказывают органы охраны правопорядка (22,0 %) и неформальные лидеры диаспор (15,1 %), а не влияют совсем

национально-культурные автономии, общественные (41,3 %) и религиозные (36,9 %) организации.

72,2 % респондентов отметили, что не следует привлекать в республику больше иностранных рабочих. А если и привлекать, то выходцев из таких стран, как Украина, Белоруссия, Германия.

Основными мероприятиями, которые могли бы способствовать улучшению отношений между местным населением и мигрантами, по мнению экспертов, являются усиление контроля за внутрироссийской миграцией (40,5 %), оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения межэтнической и межконфессиональной напряженности (34,2 %), использование культурных центров, создаваемых на базе этнокультурных организаций, в качестве центров адаптации и интеграции мигрантов (26,6 %), организация фестивалей народной и профессиональной культуры, праздников, выставок народного искусства и др. (24,1 %), реализация инвестиционных программ, способствующих экономическому развитию, подъему уровня жизни населения республики (22,8 %).

Таким образом, результаты экспертного опроса подтверждают мнение о стабильном и добрососедском характере межэтнических отношений в Мордовии. Они также свидетельствуют о том, что проблемы иногда возникают между местным населением и трудовыми мигрантами и связаны с конкуренцией на региональном рынке труда. Даже в таком стабильном регионе, как Мордовия, в латентной форме существуют предпосылки для возникновения межэтнической напряженности.

Основными факторами возникновения межнациональной напряженности эксперты назвали вызывающее поведение мигрантов, подстрекательство со стороны экстремистских организаций, экономические проблемы (безработица, конкуренция за рабочие места).

Наиболее эффективными мероприятиями, способствующими улучшению отношений между местным населением и мигрантами, по мнению опрошенных, являются усиление контроля за внутрироссийской миграцией, оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения

межэтнической и межконфессиональной напряженности, использование культурных центров, создаваемых на базе этнокультурных организаций, в качестве центров адаптации и интеграции мигрантов, организация фестивалей народной и профессиональной культуры, праздников, выставок народного искусства и др.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Лолаева Д.Т. Диаспоральные группы как социально-этнический феномен (социально-философский анализ). URL: <http://www.diplanet.ru/page123> (дата обращения: 13.02.2014).

Поступила 15.04.2014.

N. V. Ivashkina, D. V. Ivashkina. Diaspora Relations in a Region

The results of the expert survey «Monitoring Diaspora Relations in the Republic of Mordovia» the purpose of which was to identify the factors and trends of shaping diaspora relations in the circumstances of development of external labor migration in the Republic of Mordovia and identification of risks and threats in this area, as well as the social interaction of representatives of various ethnic and territorial groups. The research allowed to determine the nature of interethnic relations in the Republic of Mordovia, to outline the range of problems arising between the local population and migrant workers due to the competition on the regional labor market.

The analysis of the results showed that the main factors for the emergence of ethnic tensions in the Republic of Mordovia, according to experts, are: the provocative behavior of migrants, incitement from extremist organizations, economic problems (unemployment, competition for jobs).

The most effective measures to improve relations between the local population and migrants, according to the respondents, may be: increased control over domestic migration, prompt economic and social measures to resolve the most acute causes of inter-ethnic and inter-confessional tensions, usage of cultural centers created on the basis of ethnic and cultural organizations as centers of adaptation and integration of migrants, organization of festivals of folk and professional culture, feasts, exhibitions of folk art.

IVASHKINA Natalia Vladimirovna, Head of the Sector of Regional Systems of Education at the Research Institute of Regionology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

IVASHKINA Daria Vladimirovna, Second-Year Student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

А. С. СКАКУН

**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ
К ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ
«МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА»
И «МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ»**

Ключевые слова: дефиниция, молодежь, молодежная культура, неформальное объединение, субкультура, субкультуры

Key words: definition, youth, youth culture, informal association, subculture, subcultures

В статье анализируются основные подходы к определению понятий «молодежная культура», «субкультура» и «молодежная субкультура/субкультуры» в отечественной и зарубежной науке. Даются авторские определения этих понятий.

The paper analyzes the main approaches to definition of the concepts of «youth culture», «subculture» and «youth subculture» in Russian and foreign science. The author gives her definitions of these concepts.

Молодежь как особая группа, отличная от детей и взрослых, привлекала внимание исследователей и политиков на протяжении всего XX в. Стремительное ускорение и постоянное обновление становятся ведущими характеристиками жизни современных постиндустриальных обществ. Научно-технические революции делают их чрезвычайно динамичными системами, радикально изменяя социальные связи и формы коммуникаций. В современной культуре присутствует ярко выраженный слой инноваций, постоянно перестраивающих культурную традицию, затрудняя тем самым процессы социализации и адаптации человека к перманентно меняющимся условиям и требованиям жизни. Все это причины того, что поиски человеком самого себя, своей индивидуальности и собственного социального статуса предельно осложнены избытком выбора, сочетающегося с новизной.

Молодежь в ряду других социальных субъектов выполняет исключительную функцию — она является «проводником

СКАКУН Александра Сергеевна, магистр культурологии Рязанского государственного университета.

новых идей, инициатив выступает носителем новейших знаний»¹. По определению С. Н. Иконниковой, молодежь — это социально-демографическая группа, внутренне дифференцированная по ряду признаков, «сложное, многомерное и динамичное образование, постоянно воспроизводящее и изменяющее социальную структуру общества»².

В. Т. Лисовский считает молодежь специфической социально-демографической общественной группой, имеющей «общие социально-психологические особенности и ориентации»³. А. П. Мальцев определяет молодость как «период в развитии поколения, находящегося в объективных условиях выбора специализированной профессиональной и социально значимой деятельности в сфере общественных отношений»⁴.

Авторы справедливо подчеркивают обусловленность социального положения молодежи в обществе, ее функций, видов деятельности, ценностных ориентаций, интересов и потребностей возрастными, социально-психологическими и социокультурными особенностями, зависимостью от общественного строя и исторической ситуации.

В наше время большинство социальных движений преследуют цель развития альтернативных стилей жизни внутри общества. Источники конфликтов, возникающих в результате социально-экономических изменений, скорее культурные, нежели экономические и политические.

Стремясь обрести и закрепить некий статус в обществе, молодежь идет на создание собственной культуры, системы ценностей, альтернативной доминирующей культуре, т. е. субкультуры. Приобщение к культурным стандартам, вхождение в мир доминирующей культуры, адаптация к ней — процесс сложный и противоречивый, насыщенный психологическими и иными трудностями. Это и порождает особые жизненные устремления молодежи, которая присваивает себе то, что отвечает ее жизненному порыву, ценностным исканиям. Именно так рождаются определенные культурные модели, обусловленные сменой поколений и, как следствие, межпоколенческим конфликтом. Юношество воплощает новую историческую реальность, творит собственную субкультуру, которая, хотя и не вызывает немедленных ощутимых изменений в магистральном пути культуры, однако влияет на многообразные срезы культуры, моду, стиль жизни, поведение и в целом на стиль культурной эпохи⁵.

Понятие «молодежь» входит в научный обиход вместе с понятием «молодежная культура». Его появление связывалось с одним из ярчайших представителей структурного функционализма и апологетов «молодежного вопроса» в культурологии Т. Парсонсом. Для него молодежь — важный компонент социальной структуры общества, транзитивная социальная группа, находящаяся на стыке двух ценностных систем — традиционного и современного обществ — и обеспечивающая либо плавный, гармоничный, либо конфликтный, кризисный переход от одного типа общества к другому. Как и другие возрастные категории населения, молодежь реализует важные функции, но исполнить свою историческую роль молодежи труднее, чем другим социальным группам. Это является следствием усложнения социальных структур, повышения уровня социальной и культурной неопределенности, угроз глобализации.

Молодежная культура представляется независимым социальным пространством, в котором молодые люди могут обрести идентичность, тогда как в семье или школе они лишены реальных полномочий и полностью контролируются взрослыми. Кроме того, в современных индустриальных обществах семья начинает терять традиционные функции образования и профессионализации. Посредством ценностей и образцов поведения, принятых в компаниях сверстников, подростки дистанцируются от родительских и профессиональных ролей взрослого общества. Таким образом, молодежная культура помогает развитию моделей эмоциональной независимости и безопасности, приватизации «своих» территорий, изменению ролевых характеристик первичной (детской) социализации через усвоение принятых в компании соревновательных (конкурентных) и инструментальных техник, что подготавливает подростка к занятию взрослой позиции.

Н. Смелзер отмечает наличие в обществе множества подгрупп, имеющих различные культурные ценности и традиции. По его мнению, система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества, называется субкультурой⁶. Е. В. Сенько определяет субкультуру как ментально обусловленное образование со своими философскими, психологическими, прагматическими и культурологическими основами⁷.

Этимологическое значение понятия «молодежная субкультура» складывается из смысла двух составляющих: «суб» и «культура». Слово культура с приставкой «суб» обретает совершенно новое значение. Молодежная субкультура рассматривается как нечто, содержащее инновационные потенциалы молодежной культуры, как источник дальнейшего прогрессивного развития общественной культуры. Впервые в отечественной литературе определение субкультуры дала С. Н. Иконникова: «Субкультура — это культура в культуре, имеющая свои достаточно четкие контуры. Она включает знания, верования, цели и ценности, суждения и оценки, нравы и вкусы, жаргон и манеры поведения, предрассудки и предубеждения, характерные для социальной группы и разделяемые ее членами»⁸. В этом определении даны качественные характеристики, обозначены составляющие субкультуры элементы, которые могут служить признаком отличия ее от общей культуры.

По мнению А. Я. Флиера, «субкультуры — наиболее крупные сегменты целостных локальных культур (этнических, национальных, социальных), отличающиеся определенной местной спецификой тех или иных черт (или комплексов черт)»⁹. По его мнению, «всякая культура состоит из многих элементов, составляющих ее специфику (язык, религия, обычаи, нравы, искусство, хозяйственный уклад и т. п.), а субкультура по основной массе этих элементов идентична или очень близка базовой, отличаясь лишь одной-двумя чертами». Также он отмечает наличие в любой субкультуре двух противоположных тенденций: сближение с базовой культурой, либо размежевание с ней. А. Я. Флиер приводит краткие основания для типологизации субкультур. Он выделяет субкультуры, отличающиеся от основной культуры какими-либо этническими, лингвистическими или конфессиональными признаками. Помимо них, существует «множество субкультур, основанных на социальной, возрастной или какой-то иной специфике. Например, молодежная субкультура, субкультура пенсионеров и людей пожилого возраста, субкультура инвалидов, субкультура гомосексуалистов и т. п.»¹⁰.

Л. Сауленко также замечает, что субкультуры обладают определенными признаками. У них суровые внутренние правила, в них действуют культурные механизмы, обеспечивающие удаление «инакомыслящих» из группы. Субкультуры

формируются вокруг добровольных объединений и являются их высшей ступенью¹¹. Н. В. Иванова дает иную трактовку. С ее точки зрения, субкультура — это совокупность специфических социально-психологических признаков (норм, ценностей, стереотипов, вкусов и т. д.), влияющих на стиль жизни, мышление определенных номинальных и реальных групп людей и позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «Мы», отличного от «Они»¹².

Т. Б. Щепанская в своей интерпретации этого понятия исходит из положения, что субкультура не представляет собой самостоятельного целого и является подсистемой культуры. Вслед за другими исследователями отличие субкультур она видит в том, что они «не способны к полностью автономному самовоспроизводству, используют коды своей культуры, из которых заимствуют символы, несколько трансформируя и перекодируя их»¹³.

Т. Б. Щепанская понимает субкультуру как коммуникативную систему, включающую средства (знаки и символы) и определенную конфигурацию каналов коммуникаций (связей), и определяет ее как «знаковую и нормативную систему, способную к самовоспроизводству и относительно автономную в рамках более широкой системы культуры»¹⁴.

Наибольший интерес в концепции субкультуры, описанной Т. Б. Щепанской, представляет разграничение ею субкультуры как системы знаков и норм от субкультурного сообщества как локального уплотнения межличностных связей. Согласимся с ней, что в отечественной научной литературе имеется тенденция их отождествлять, описывая едва ли не любое наблюдаемое сообщество, обладающее общей символикой, как «субкультуру», хотя их границы далеко не всегда совпадают. «На основе той или иной субкультурной традиции, т. е. ее знаков и норм может возникать множество разных сообществ, а трансляция традиции чаще всего происходит на меж- или надгрупповом уровне»¹⁵. Субкультура порождает сообщества, которые возникают и перестают существовать, внося свой вклад в ее традицию. В нашем исследовании мы будем придерживаться аналогичного разделения: под субкультурным сообществом будем понимать носителей субкультуры как системы знаков, ценностей, типов межличностных связей, форм общения, внешней атрибутики, языка и т. д.

Упомянутые ученые, помимо определения термина и освещения аспектов его репрезентации, выделяют и несколько признаков, при наличии которых можно говорить о выделении субкультуры как социокультурного феномена в молодежной среде: определенная степень увлеченности какой-либо стороной современной культуры; существование философской системы; наличие понятийного аппарата (определенного набора символов и кодов субкультуры), типичного и специфического для различных молодежных групп.

В отечественной литературе понятие «молодежная субкультура» стало использоваться для характеристики явлений и процессов, происходящих в период «перестройки» российского общества на рубеже 80—90-х гг. XX в. Возникновение и функционирование субкультур объяснялись тем, что существующие в обществе ценности не в полной мере выражают потребности конкретных социальных групп. Для удовлетворения этих потребностей социальные группы начинают модифицировать доминантные для общества ценности или вырабатывать собственные. Говоря о молодежной субкультуре, многие исследователи подчеркивают ее равнозначность понятию «молодежная культура».

По мнению С. И. Левиковой, молодежная субкультура — это эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя; это «элитарная» (не для всех) культура, нацеленная на включение молодых людей в общество; это культурная подсистема внутри системы официальной, материнской, базовой культуры общества, определяющей стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет (мировосприятие, умонастроение) ее носителей¹⁶. Далее С. И. Левикова дает несколько уточненную интерпретацию, приравнивая понятие «молодежная культура» к понятию «субкультура»: «Молодежная культура, или "субкультура", представляет собой частичную, относительно когерентную культурную подсистему внутри базовой культуры общества, культивирующую собственно молодежную систему ценностей, норм и форм поведения, отношение к моде и т. д. Молодежная культура, с одной стороны, является своеобразной формой адаптации к нормам, ценностям, образу жизни общества, а с другой — попыткой изменения или корректировки старой и создания новой системы ценностей, морали»¹⁷. Как видно из приведенных цитат, она отождествляет понятия «молодежная культура» и «молодежная субкультура».

Возникновение молодежной субкультуры совпадает по времени с началом эпохи постиндустриализма и с зарождением постмодернистических тенденций в социокультурном развитии общества. Основными чертами постмодернизма являются плюрализм, множественность, неопределенность, фрагментарность, изменчивость, эклектизм. Эти же черты характерны и для молодежной субкультуры. Она тоже плюралистична, так как вбирает в себя хиппи, готов и др.; множественна, поскольку у нее нет стержневого единства; неопределенна, так как нельзя сказать с полной уверенностью, чем же на самом деле является молодежная субкультура; фрагментарна, т. е. каждая молодежная субкультура сохраняет свои особенности и своеобразие; изменчива, так как периодически обновляется, перерождается; эклектична, так как вбирает абсолютно несовместимые элементы, которые мирно сосуществуют и взаимно дополняют друг друга.

Д. С. Титов, описывая ситуацию постмодерна в философии и культуре, отмечает, что субкультура — это мир «для себя»; она содержит набор качеств, своеобразные черты сознания и поведения, отличающие эту общность от общества. Молодежная субкультура — это устойчивая общность людей, выделившаяся на возрастной основе и имеющая собственные регуляторы социального поведения, а именно: нравы, традиции, обычаи. Важным в образе жизни субкультуры является наличие специфических форм общения, особого рода контактов, личностных связей, механизмов социального регулирования, особой шкалы ценностей, сферы потребления и своего языка, знаковой системы и системы символов, ритуалов и собственной мифологии¹⁸.

Ю. А. Зубок считает онтологическим основанием молодежной субкультуры протест¹⁹, хотя это и вовсе не единственный параметр ее выделения. Реализацией подобного отношения к общественным установкам, нормам и ценностям является большинство проявлений молодежной культуры: внешний вид, этика, искусство, язык и др.²⁰ Еще более открыто протест проявляется в форме молодежных демонстраций, бунтов, бродяжничества, увлечения ритуалами и мистикой, суицидальных настроений, в употреблении наркотиков и т. д. Все это направлено на эпатаж социума.

Е. Л. Омельченко подчеркивает, что выделение субкультуры как таковой невозможно без идентификации участников

с ее «именем». Субкультура обязательно должна носить какое-либо название («панки», «готы», «хиппи», «металлисты»). Также при рассмотрении молодежных субкультурных образований нередко поднимаются вопросы, связанные с их потребительской активностью, гендерными стереотипами, насилием и жестокостью, девиантным поведением, моралью и нравственностью нового поколения, сексуальной культурой или бескультурьем и т. п.²¹

Таким образом, осуществляются попытки введения единого определения понятия «субкультура», рассматриваются различные типологизации и классификации молодежных объединений, проводится разностороннее изучение их проблематики. Однако в современной гуманитарной науке отмечается плюрализм методологических, теоретических и эмпирических подходов к определению и исследованию культуры молодого поколения. Богатый исследовательский материал позволяет дать собственную дефиницию понятия «молодежная субкультура». С нашей точки зрения, *молодежная субкультура — это особый вид культуры, создаваемый и потребляемый молодежью, объединенной единой системой взглядов и интересов, общими социокультурными практиками, с целью их социальной идентификации и самоидентификации*. Это сообщества, обладающие разработанными системами идентифицирующих признаков: самоназванием, системой ценностей, обычаями, нормами, имиджем, стилем поведения, эстетическими предпочтениями. Под «субкультурой» следует понимать наличие внутри молодежной культуры определенных групп, целью которых является самоидентификация молодых людей, объединенных интересами в нескольких областях жизнедеятельности. Обязательны при этом наличие у субкультурных движений имен (растаманы, панки, хипстеры и др.) и признание подростком этого имени применительно к себе. Только тогда, когда подросток относит себя к субкультурному движению, мы можем говорить о его принадлежности к нему.

Таким образом, молодежь как специфическая социально-демографическая группа в процессе приобщения к господствующей культуре создает собственную культуру, являющуюся одновременно и ее частью, и альтернативой ей — молодежную субкультуру.

Сначала понятие «молодежная субкультура» означало явление, противостоящее по своим ценностям, идеалам общепринятой национальной культуры, будучи в определенном смысле синонимом понятию «контркультура». К концу XX в. ряд исследователей констатировали, что молодежная субкультура не представляет собой самостоятельного целого и выступает подсистемой базовой культуры общества, вследствие чего опирается на ее культурный код, заимствуя из него определенный, необходимый этой субкультуре набор символов, преобразуя их сообразно своим целям. При этом происходит постоянное взаимодействие господствующей культуры и субкультур, которое может иметь различный характер, как конструктивный, так и деструктивный, но всегда приводит к появлению новых культурных форм и элементов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самояцев М.В. Молодежные движения в культуре России и Запада второй половины XX века: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск: НГГУ, 136 с.

² Иконникова С.Н. Социология молодежи и проблемы коммунистического воспитания. Л.: Знание, 1988. С. 30.

³ Лисовский В.Т. О чем спорят старшеклассники. М.: Педагогика, 1990. С. 40—41.

⁴ Мальцев А.П. Молодежь: философские проблемы становления субъекта культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа: УГАТУ, 1988. С. 14.

⁵ См.: Культурология. XX век: словарь. СПб.: Универ. книга, 1997. С. 450—453.

⁶ См.: Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 67.

⁷ См.: Сенько Е.В. Хиппи, панки и так далее // Рус. речь. 2009. № 5. С. 54—58.

⁸ Иконникова С.Н. Социология молодежи и проблемы коммунистического воспитания. С. 39.

⁹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. М.: МГУКИ, 2009. С. 206.

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ См.: Сауленко Л. Молодежные субкультуры: украинский контекст. URL: <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/13/38> (дата обращения: 14.01.2013).

¹² См.: Иванова Н.В. Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. 2005. № 7. С. 31—36.

¹³ Щепанская Т.Б. Микроэкономика молодежных субкультур: стратегии безденежья // Этнограф. обозр. 2008. № 1. С. 42—55.

¹⁴ Там же. С. 42—43.

¹⁵ Там же. С. 43—44.

¹⁶ См.: Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: Гранд-Фаир, 2004. 608 с.

¹⁷ Ее же. Место техники в системе ценностей молодежной культуры // Обществ. науки и современность. 2001. № 4. С. 178—188.

¹⁸ См.: Титов Д. Ситуация постмодерна в философии и культуре. Место и роль хиппи в становлении постмодернизма. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Tit_SitPost.php (дата обращения: 18.09.2013).

¹⁹ См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. С. 79.

²⁰ См.: Кейес М. Молодежная культура и взросление. URL www.index.org/journal/23/keies23.html (дата обращения: 25.06.2013).

²¹ См.: Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX в. // Неприкоснов. запас. 2004. № 4. С. 53—60.

Поступила 25.02.2014.

A. S. Skakun. Basic Approaches to Definition of the Concepts of «Youth Culture» and «Youth Subculture»

The paper substantiates the need to distinguish the concepts of «youth culture» and «youth subculture». It presents an attempt to analyze approaches to definition of these concepts in the works by Russian and foreign scientists. The author gives her definitions of the concepts of «youth subculture», «youth subcultures», and «subculture».

Youth subculture is considered as a special kind of culture that is created and consumed by young people united by a common system of beliefs and interests, shared socio-cultural practices, for their social identification and self-identification. Youth subcultures are the communities which have sufficiently developed systems of identifiers: their own original name, a system of values, customs, norms, an image, behavioral style, aesthetic preferences. The «subculture» should be understood as presence of certain groups within the youth culture whose aim is the self-identification of young people united by common interests in several areas of life. Mandatory, however, is the existence of names of subcultural movements (Rastafaris, punks, hipsters, etc.) and a teenager's admission that this name also applies to him or her. Only when a teenager considers himself a part of a subcultural movement we can say he or she belongs to it.

SKAKUN Alexandra Sergejevna, Master of Culturology, Ryazan State University (Ryazan, Russian Federation).

А. А. ЕФАНОВ **МОРАЛЬНЫЕ ПАНИКИ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ**

Ключевые слова: моральные паники, повестка дня, СМИ, ГТРК «Оренбург», спайсофобия, этнофобия, интерактивные голосования.

Key words: moral panics, agenda, mass media, «Orenburg» state broadcasting company, spice-phobia, ethno-phobia, interactive voting

Статья посвящена анализу механизмов конструирования моральной паники в Оренбургской области, ее распространения и трансформации. Рассматриваются основные деструктивные явления, формирующие медиастерию в регионе. Особое внимание уделяется интерактивным голосованиям, изучается их соответствие заложенным функциям и принципам.

The paper is devoted to the analysis of mechanisms of constructing moral panic in the Orenburg region, its distribution and transformation. The study examines the main destructive phenomena that form media hysteria in the region. Special attention is paid to interactive voting; its compliance with the set functions and principles is also considered.

Эпоха медиареальности обуславливает влияние современных средств массовой коммуникации (СМК) на формирование ценностей и установок общества, когда у индивидов закрепляется искаженное понимание «героев» и «народных бесов», что становится основой для возникновения медиапсихоза, трансформирующего социальные прецеденты в разряд моральной паники. По утверждению Н. Мэннинга, «средства массовой коммуникации представляют собой жизненно важный аспект как определения, так и развития социальных проблем через свое влияние на общественное мнение»¹. Телевидение, радио, печатная пресса, Интернет формируют повестку дня: они ранжируют события по степени их социальной значимости, что влияет на «личные повестки дня» аудитории.

Рынок электронных СМИ представляет собой систему «размытой иерархии», поскольку Всемирная сеть делает медиа-продукты, производимые телекомпанией, вещающей на узкий географический сегмент, доступными для всех жителей планеты. Несмотря на поступательную информатизацию и интернетизацию общества, люди не теряют

ЕФАНОВ Александр Александрович, соискатель кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

интерес к местным теленовостям, нередко предпочитая их федеральным. Востребованность регионального контента М. М. Хучиев объясняет тем, что «используя факты и явления из жизни своей страны, региональное телевидение делает информацию более убедительной, доходчивой, чем вещание из центра»². В связи с этим следует отметить, что выстраивание информационной стратегии региональных телекомпаний происходит по четырем основным принципам: серьезность правонарушения; необычные, часто ироничные обстоятельства; драматичные обстоятельства; причастность (в любой из форм) известной личности к происшествию³.

По мнению П. Бурдые, в погоне за сенсационностью СМК пытаются вызвать интерес у аудитории, заостряя внимание на событиях, которые «могут породить разного рода мобилизационные акции, замешанные на страстях: либо чисто сентиментального и благотворительного характера, либо более агрессивные и приближающиеся к символическому линчеванию, вызванные историями убийств детей и происшествиями, связанными со стигматизированными группами»⁴. В обществе начинают культивироваться чувства тревоги и фобий.

И. Г. Ясавеев проводит параллель между картиной мира, представляемой СМК, и положениями теории А. Шюца о множественных реальностях, которые формируются в разных измерениях, живут по своим законам, в итоге их соотношение либо переход сопровождается «шоковыми переживаниями». Пребывая в медийной реальности как в «высшей реальности повседневной жизни», люди, как правило, находятся в естественной установке, воздерживаясь от сомнений в том, «существует этот мир на самом деле или это просто связанная система устойчивых кажимостей»⁵.

Можно говорить о некоем общественном расколе, когда, используя инструменты символизации, индивиды начинают отождествлять образ жизни, поведение и нравы виновников как признаки девиации, тем самым пытаясь обособить от общества социальные группы с близкими к девиантам установками, изолировать их как социально опасные и поставить стигму. А. А. Сычев акцентирует внимание на значимости публичного негодования, поскольку оно «позволяет элитам легитимировать репрессии и усиливать карательные меры против молодежи, рабочих и чернокожих, подавляя тем

самым все возможные протесты с их стороны. Именно в этом и заключается "управление кризисом"⁶.

Однако механизмы конструирования моральной паники целесообразно рассмотреть через концепцию поля — «структурированного пространства позиций», которое понимается П. Бурдьё как «специфическая система между различными позициями, структурно обусловленными и в большей степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают»⁷. Поскольку каждое из полей (политики, религии, журналистики, социальных наук, юриспруденции, экономики и др.) представляет собой «подпространство социального пространства», они так ли иначе вступают друг с другом в некие взаимодействия, в результате чего формируются неопиты — моральные паники, конструируемые на основе социальных проблем. При этом подобный синтез может как принимать форму «специфической игры», так и достигать масштабов противостояния и битвы, которые рассматриваются как первооснова для возникновения наиболее деструктивных социальных прецедентов. Подобные явления также вступают в конфронтацию за место лидера на конструируемой арене социальных проблем.

Агенты пытаются «запустить» медиа-истерию в период пребывания общества в состоянии стресса (экономического, политического, военного и т. п.), тем самым ввергнув его в двойной социальный стресс: так, первая «волна» моральной паники в России «приходится» на времена политических и социальных катаклизмов 90-х г. XX в., вторая — наблюдается в конце 2000-х гг. — в период экономического кризиса в стране. Кроме того, в зависимости от участия и мотивации акторов все процессы подразделяются на конструкты спонтанного (немотивированного) и сознательного (происходящего в результате осуществления четко выстроенной стратегии искусственного манипулирования), которые так или иначе разрушают целостность общества, могут привести к коренным, необратимым изменениям в самой его структуре.

Следует отметить, что рынок оренбургских СМИ представлен достаточно широко: наряду с печатной периодикой, большую популярность имеют радиостанции, а также телеканалы: филиал государственного (ФГУП «ВГТРК» ГТРК «Оренбург»), коммерческие (ТВЦ «Планета», «Орен-ТВ», ТРК «ТК-Регион»). Поскольку региональные телекомпании имеют дело с ограниченным количеством информационных

поводов, все телеканалы освещают аналогичный круг событий, разнясь лишь в форме подачи: акцентах, основных ньюсмейкерах, формате сообщения, а также ранжировании материалов внутри выпуска. Немаловажной остается целевая аудитория, впоследствии формирующая «эффект доверия» к тому или иному телевизионному каналу.

Лидером рынка электронных СМИ региона является ГТРК «Оренбург», годовой объем вещания которого на областном телеканале «Россия 1» составляет 615,4 ч, а на городском информационном телеканале «Россия 24» — 554,3 ч⁸. Лаборатория социологических исследований факультета журналистики Оренбургского государственного университета провела анкетный опрос среди студентов, выяснив, что информационные программы ГТРК «Оренбург» смотрят 31 % респондентов (первое место по региону): «30 % опрошенных просматривают новости телеканала "Россия 1", 26 % — телеканала "Россия 24"»⁹, при этом наибольшим доверием также пользуются новости ГТРК «Оренбург» (33 %). Манипулируя аудиторией, медиа-конструкторы не только злоупотребляют «эффектом доверия», но и таким образом закрепляют устойчивость «эффекта доверия» к себе.

Подобную тенденцию можно наблюдать при конструировании моральной паники в отношении так называемого «спайса». Если на общероссийском уровне новости о засилии курительных смесей вылились в спайсофобию, то в регионах информационные сообщения на эту тему были представлены в основном «зрелищными» кадрами оперативного задержания, когда правоохранители пресекали продажу наркотиков «нового поколения». Следует отметить, что журналисты стали рассказывать о не столь безобидных курительных смесях, как это преподносилось поначалу, с самого момента их появления и масштабной продажи. В 2010 г. зафиксировано наибольшее количество таких сообщений, что было представлено как решение проблемы силовыми структурами посредством антинаркотических рейдов. Очередной рост медиа-интереса наметился в 2013 г.: рейды наркополицейских, судебные разбирательства и появление Молодежного антинаркотического спецназа, применяющего в своей практике методы социального линчевания.

Однако моральная паника может иметь «обратный» механизм конструирования, когда СМИ создают субъекту положительный портрет, при этом реалии современной

действительности, социальные прецеденты обуславливают возникновение в обществе психоза и фобий, вопреки «воле» медиа-конструкционистов. Подтверждением тому служит социально обусловленное конструирование моральной паники в отношении этнической напряженности в регионе.

Оренбургская область многонациональна: на территории региона проживают представители более 100 этносов, зарегистрировано 372 религиозных объединения¹⁰. Отметим, что народам Оренбуржья удается сохранить добрососедские отношения, избежать зримой этнофобии и дискриминации на этой почве, поскольку руководство области грамотно выстраивает национальную политику: систематически решаются вопросы на действующем при губернаторе Совете по делам национальностей, а также на заседаниях Совета при губернаторе по взаимодействию с религиозными объединениями; организуются межэтнические фестивали либо фестивали отдельных национально-культурных автономий; в знак уважительного соседства разных народов в 2007 г. в Оренбурге открыта Национальная деревня — уникальный культурный комплекс, где на одной площади мирно сосуществуют более десяти национальных подворий. В СМИ национальный вопрос Оренбуржья освещается только в положительном контексте.

Межэтнические конфликты, разгорающиеся в разных регионах России, приводят к снижению этнотерпимости и жителей Оренбургской области. Социологическим центром «Общественное мнение» (СЦОМ) был проведен опрос, направленный на установление степени интолерантности в молодежной среде, в результате чего стало известно, что «в оценке межрелигиозных отношений студентами вузов в 2007 и 2011 гг. принципиальных различий не выявлено. Разной степени напряженность в межконфессиональных отношениях отметили 48 % в 2007 г. и 50 % в 2011 г. В оценке межрелигиозных отношений студенты раскололись на две группы: 37 % полагают, что отношения хорошие; 41 %, что напряжение ощущается (в том числе 9 % полагают, что случаются межконфессиональные конфликты)»¹¹.

Однако наряду с наличием рычагов культивирования истерии в обществе, современные СМК могут выполнять и обратную функцию. Е. В. Поберезникова заявляет о существовании механизмов контрдействия моральной паники — интерактивных программ, когда «телезритель из

объекта воздействия со стороны телекоммуникатора трансформируется в субъект вещательного процесса»¹², активно влияющий на формирование отображаемой медиа-картины. В эфире телеканалов «Россия 1» и «Россия 24» ежедневно проводятся интерактивные голосования, где оренбуржцам предоставляется возможность выбрать один из четырех вариантов ответов на заявленную социально либо политически значимую тему. При этом для наибольшей точности результатов измерений телезритель может проголосовать только один раз, позвонив по одному из указанных телефонных номеров.

Следует отметить, что, хотя многие из подобных опросов имеют ярко выраженную социальную направленность, формулировка темы либо вариантов ответов, нередко исключая альтернативность мнений, заставляет говорить о явном манипулировании сознанием аудитории. Иногда интерактивные голосования предлагают для ответа вопросы из одной «плоскости» — близкой социальной окраски. Если намечается поляризация мнений, то 75 % вариантов так или иначе окажутся одной социальной направленности, подсознательно формируя у респондентов иллюзию «абсолютного большинства». Важным является и порядок выстраивания вариантов ответов, представляющих либо картину «нагнетания страхов» (от меньшего к большему), либо «иллюзорной разрядки обстановки» (от большего к меньшему), когда последние «легкие», нередко ироничные варианты создают эффект социального миража, в реальности ничем не отличаясь по контенту от первых. Кроме того, наблюдается злоупотребление голосованием для решения «внутренних» вопросов — взаимоотношений медиа-конструкционистов с различными организациями и ведомствами, столкновение «лбами» с аудиторией либо, напротив, лоббирование интересов определенных структур. Можно сделать вывод, что интерактивные голосования ГТРК «Оренбург» оказывают на аудиторию обратный эффект — навязывают обществу понимание о социальных ценностях и установках, выступая в качестве инструмента конструирования моральной паники.

Рассуждая на предмет общественной роли социологов-конструкционистов, И. Г. Ясавеев делает акцент на рефлексивизации — депроблематизации, которая «заключается в раскрытии стратегий конструирования социальных проблем

или, в более широком плане, процессов возникновения моральных паник, что может способствовать формированию рефлексивной позиции общественности по отношению к социальным проблемам»¹³, воспринимаясь в качестве механизма контрдействия моральной паники.

Таким образом, наличие механизмов про- и декультурирования моральной паники на отдельном географическом сегменте актуализируют предположение об экспансиональности социальных проблем, их зарождении «на местах», о необходимости более тщательного и детального изучения региональной специфики конструирования деструктивных явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение. Saarbrücken: Lambert Acad. Publish., 2010. С. 108.

² Хучиев М.М. Специфика функционирования регионального телевидения: методика и принципы. URL: <http://www.uecs.ru/makroekonomika/item/2341-2013-09-11-07-52-59> (дата обращения: 13.12.2013).

³ См.: Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 96.

⁴ Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Макаровой. М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»: Ин-т экспер. социологии, 2002. С. 70.

⁵ Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа ... С. 117.

⁶ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Моральная паника как форма существования скандала в современном мире // Скандал: философские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. С. 99.

⁷ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 569.

⁸ См.: ГТРК «Оренбург». URL: <http://gtrk-orenburg.ru/about> (дата обращения: 15.12.2013).

⁹ Социологическое исследование мнения студентов о новостной информации на телевизионных каналах. URL: <http://fj56.ru/laboratoriya-si> (дата обращения: 11.12.2013).

¹⁰ См.: Семенов Е.А., Герасименко Т.И., Ахметов Р.Ш. Национальный и религиозный состав населения Оренбургской области. URL: <http://oren-icn.ru/index.php/enzoren/social/714-2011-09-13-08-32-36> (дата обращения: 17.12.2013).

¹¹ Телякаева А.Ф. Предотвращение экстремизма в студенческой среде на основе формирования межконфессиональной толерантности // Теории и проблемы полит. исслед. 2012 № 2—3. С. 85—86.

¹² Поберезникова Е.В. Взаимодействие с телезрителем: эволюция, принципы и модели интерактивного телевидения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 242 с.

¹³ Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа ... С. 102.

Поступила 14.01.2014.

A. A. Efanov. Moral Panics on the Agenda of Regional Mass Media

The era of media reality creates precedents of social life causing psychosis in the society known as «moral panics». Construction of the destructive phenomena occurs not only at the national level in the federal mass media, but also «on the ground», in particular, on regional television. Today's society shows an increasing interest in local news — the events occurring in geographically close range. In the Orenburg region, the agent of construction of moral panic is the leader of the local media market — the «Orenburg» state broadcasting company.

The information programs of TV channels «Russia 1» and «Russia 24» show reports about the «spice-phobia». The problem of consumption of drugs called «spices» has been intensively covered by media constructionist since 2010 — since the beginning of mass sales of this new generation of drugs.

Another problem being constructed at the public arena and transformed into a phenomenon of moral panic — is ethno-phobia. As the Orenburg region is a multi-ethnic region and, thus, falls within the area of particular risk of emergence of ethnic conflicts. The regional government implements the ethnic policy: it decides on issues at the Council of the Governor, holds ethno-cultural festivals, built an «ethnic village» — a complex indicating that Orenburg is a multi-ethnic region. However, the survey of the «Public Opinion» Sociological Center showed that residents of the Orenburg region feel tension in relations between representatives of different religions and confessions: during four years the level of ethno-tolerance decreased on average by 2—4 %.

If the interactive programs due to their sets act as a mechanism to prevent media psychosis, then the interactive voting by the «Orenburg» state broadcasting company indicate the contrary, because they are of «pseudo-sociological» and «pseudo-interactive» types: the statement of a question, suggested answers (their wording and ranking) lead to increased influence of the media, to the construction of the phenomenon of moral panic.

We can conclude that the «Orenburg» state broadcasting company is the agent of construction of moral panics in the Orenburg region, where media constructionists abuse interactive voting to consolidate media-psychosis and form the «effect of trust».

EFANOV Alexander Aleksandrovich, Applicant at the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**О. В. ФЕДОТОВА ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ
ПРИНЦИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТА
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Ключевые слова: глобализация, тенденции, журналистика, Кодекс профессиональной этики журналиста, международные принципы журналистской деятельности, региональные СМИ, средства массовой информации

Key words: globalization, trends, journalism, code of professional ethics of journalists, international principles of professional ethics in journalism, regional media, mass media

В статье рассматривается проблема соблюдения печатными СМИ Поволжского региона этических и правовых норм в условиях глобализации информационного пространства, анализируются положения Кодекса профессиональной этики журналиста и международных принципов журналистской деятельности.

The paper considers the issue of observance of ethical rules and legal regulations by the print media in the Volga region under the circumstances of globalization of information space, and analyzes the provisions of the Code of Professional Ethics of journalists and the International Principles of Professional Ethics in Journalism.

Моральный характер свойствен практически всем видам человеческой деятельности. В одних ситуациях это проявляется более иллюзорно, неощутимо, в других — весомо и реально. Средства массовой информации (СМИ) здесь также не являются исключением. Ежедневно в них собирается и представляется на суд аудитории определенная «социальная выжимка» из моральных устремлений, понятий, бытующих в обществе, что позволяет говорить о регулярном мониторинге общественных нравов, осуществляемом силами масс-медиа и являющемся отправной точкой для научных выводов.

Более того, журналистика имеет право как осуждения, так и одобрения отдельных явлений, событий окружающей действительности, вынесения им определенного морального приговора. Цель журналистики — дать аудитории четкие нравственные ориентиры, которыми можно руководствоваться

ФЕДОТОВА Ольга Викторовна, доцент кафедры журналистики Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

ся в жизни, в конкретных поступках, что представляется особенно важным в процессе развития современного универсума. Подобное положение не должно означать откровенного манипулирования общественным мнением со стороны СМИ, но это утверждение будет справедливым лишь в том случае, если целью СМИ станет исключительно общественное благо.

Необходимо иметь в виду, что вердикты СМИ (в виде медийных продуктов) не обладают реальной юридической силой. Например, пресса может только осудить или одобрить тот или иной поступок, событие, явление. Иных возможностей у нее нет. Но на практике нередко сам факт публичного осуждения вызывал у провинившихся гораздо больший страх и оказывался более действенным, чем процедура суда, основанная на строгости закона. К сожалению, в 90-х гг. XX в. авторитету СМИ был нанесен непоправимый урон — «злободневных», как казалось, выступлений стало настолько много, что общественность просто устала обращать на них внимание. Последствия подобной «перекормленности» негативной информацией мы ощущаем до сих пор.

Сегодня большинство государственных изданий в регионах стали гораздо спокойнее как по тематике, привлекающей внимание журналистов, так и по форме подачи новостной информации. В то же время не всегда соответствующие этическим нормам публикации в региональных СМИ пока можно обнаружить сравнительно легко. «Группу риска», по результатам нашего исследования печатной прессы Поволжского региона, по-прежнему составляют так называемые «криминальные материалы».

Например, заметка «Табор в кредитах», вышедшая в газете «Советская Чувашия» (Республика Чувашия) 19 августа 2008 г. Поводом для написания медиа-текста послужило судебное разбирательство, связанное с долгами нескольких цыган перед банком. Автор публикации иронизировал над сложившейся ситуацией: «Стоило одному из представителей кочевого народа из Южного поселка Чебоксар взять кредит на покупку навороченного смартфона, как в торговые центры косяком потянулись его соплеменники. Вполуха слушая объяснения менеджеров об условиях кредитования, мужчины и женщины с легкостью заполняли необходимые бумаги и брали по три-четыре кредита на покупку различной дорогостоящей техники»¹.

Вполне вероятно, что автор текста находился под воздействием стереотипа: слово «цыган» является синонимом слова «мошенник», тем не менее ему явно не стоило переносить этот криминальный эпизод на всех представителей нации. Еще одна цитата доказывает, что журналист в данном случае весьма невнимательно с этической точки зрения подошел к изложению добытой информации: «Какую-то сумму "ромалэ" вносили в качестве первоначального взноса, и на этом считали себя абсолютно свободными от банковских обязательств»². Говорить о том, какое отношение сложится у аудитории к цыганам как к нации после прочтения подобной заметки, представляется излишним.

Аналогичными публикациями регулярно отличается и газета «Столица С» (Республика Мордовия). В рубрике «Шок номера» 10 января 2012 г. опубликована корреспонденция «Я сражался с нечистой силой», повествующая о жестокой расправе безработного И. Федосейкина с 77-летней матерью. В медийном тексте в изобилии «красочные» подробности: «Как затем укажут в официальном сообщении, "смерть женщины наступила от травматического шока и множественных переломов", "Буквально, плясал не ней! — рассказывают соседи. — Все косточки переломал. И она, обездвигенная, ничего поделывать не могла. У Марии Ефимовны ведь только одна рука работала!", "Я там был понятым! — произносит мужчина по имени Григорий. — Но даже не смотрел, а только отворачивался... Такая картина, что даже вспоминать не могу! Ужасное зрелище..."»³.

Автор явно хотел создать сенсацию из убийства на бытовой почве, совершенного к тому же неадекватным человеком, состоящим на учете в психиатрической больнице, ужаснуть аудиторию, так как больше ничем нельзя обосновать необходимость присутствия в этой публикации жутких подробностей убийства. А о том, что подобное «творчество» в некоторых случаях (когда речь идет о психически неуравновешенных людях) само провоцирует преступления, журналист как-то забыл.

Регулирование подобных криминальных ситуаций однозначно находится в ведении права. В предназначении журналистики присутствует социально-управленческое начало, так как СМИ недвусмысленно участвуют в формировании общественного мнения, которое призвано выполнять функцию

социального контроля, определенным образом регулируя и воздействуя на решения и действия общественных институтов и органов власти. Таким образом, долгом СМИ является поддержка законов как главных защитников общественных интересов. Но, как показывают описанные примеры, взаимоотношения журналистов и редакций с правом еще не настолько безоблачны.

Как правило, в большинстве исков, поданных против СМИ, журналисты обвиняются в нанесении персонажам своих текстов морального вреда. Немаловажной причиной подобной правовой малограмотности становится нежелание владельцев, редакторов региональных СМИ приглашать на работу людей, получивших профессиональное образование и, следовательно, имеющих необходимую для журналистской деятельности сумму правовых знаний. Это связано в основном с финансовыми причинами, а именно с вполне понятным предпринимательским желанием сэкономить на заработной плате, так как представляется совершенно очевидным, что неспециалист, жаждущий любой ценой «засветиться» в СМИ, и недоучившийся студент будут «стоять» явно дешевле и предъявлять меньше требований, чем уверенный в себе профессионал.

Подобная ситуация характерна практически для всего Поволжского региона. В Республике Мордовия, например, где уровень заработной платы сравнительно невысок, журналистика постепенно становится откровенно «детской» — средний возраст работников СМИ составляет за малым исключением 18—25 лет, в результате проблема регулирования журналистской деятельности остается по-прежнему открытой, и здесь немаловажную роль должна играть профессиональная этика.

Этика с точки зрения регуляции и саморегуляции журналистики в определенном смысле дополняет то, что по тем или иным причинам оказывается за рамками права, и эта функциональная нравственно-юридическая синкретичность является вполне закономерной по всем канонам прогрессивного общественного развития. При этом право в большей степени задействовано в целях регуляции деятельности прессы, а этика — ее саморегуляции.

Однако в российских условиях подобный механизм пока еще не функционирует в полную силу. В немалой степени это объясняется определенной подвижностью российского

законодательства в целом. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» также подвержен постоянным изменениям и совершенствованию, как и любой другой, и далеко не всегда и не все его положения выполняются беспрекословно.

Что касается профессиональной этики, то здесь все обстоит еще более сложно, так как система гражданского общества в России, от существования которой напрямую зависит и дееспособность механизма регуляции и саморегуляции журналистской деятельности, находится пока в зачаточном состоянии. Кроме того, моральные нормы профессионального поведения в общих процессах глобализации также «стремятся» к единому знаменателю.

Эта ситуация в полной мере отражается на деятельности региональных СМИ. На их примере можно четко проследить две противоположные тенденции глобализационного процесса: стремление к единению и унификации, с одной стороны, и отстаивание местных, региональных интересов — с другой.

Факт принятия отечественными СМИ Кодекса профессиональной этики российского журналиста может свидетельствовать о включении наших СМИ в глобализационный процесс. Традиционно отечественные СМИ не имели четко оформленного свода нравственных предписаний, хотя положительная моральная ориентированность и ответственность за своего читателя, зрителя, слушателя, как правило, сохранялись. Кодекс профессиональной этики полностью согласован и перекликается с международными принципами журналистской деятельности, которые обсуждались и были утверждены международными журналистскими организациями в период с 1978 по 1983 г. Общие нормы и правила поведения описаны в таких документах, как Международная декларация принципов поведения журналистов (принята Конгрессом Международной федерации журналистов в 1954 г. и отредактирована на сессии Конгресса МФЖ 1986 г.) и Международные принципы профессиональной этики журналиста (приняты на консультативной встрече международных и региональных журналистских организаций в Париже 20 ноября 1983 г.).

Если провести сравнение положений последнего документа и Кодекса профессиональной этики российского журналиста, то без труда можно обнаружить сходство между некото-

рыми нормативами. Например, принцип 3 международного варианта этических норм масс-медийной деятельности декларирует социальную ответственность журналиста. Здесь подчеркивается, что информация в любом случае должна пониматься как общественное благо, а не как предмет потребления. Журналист таким образом отвечает перед обществом за передаваемые им сообщения. В п. 3 Кодекса профессиональной этики российского журналиста говорится о том, что журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден, и прилагает все силы к тому, чтобы не нанести ущерба кому-либо неполнотой или неточностью передаваемых им сообщений, а также намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений⁴.

Принцип 4 Международных принципов профессиональной этики журналиста требует от работника СМИ высокой профессиональной честности, которая дает ему право воздерживаться от противоречащей его убеждениям работы, не раскрывать свои источники информации и уважать частную интеллектуальную собственность, т. е. не допускать в своих материалах плагиата⁵. В свою очередь Кодекс профессиональной этики российского журналиста рекомендует отечественным работникам прессы соответственно в п. 4, 8 и 9 «сохранять профессиональную тайну в отношении источника информации полученной конфиденциальным путем...», «уважать и заставлять уважать авторские права, вытекающие из любой деятельности... Используя каким-либо образом работу своего коллеги... ссылаться на имя автора» и «в том, что касается выполнения профессионального долга, признавать юрисдикцию только своих коллег, отвергая любые попытки давления и вмешательства со стороны правительства или кого бы то ни было».

Принцип 6 Международных этических предписаний настаивает, что работник масс-медиа должен «уважать достоинство человека и его право на частную жизнь, в соответствии с требованиями международного права и национальных законов защищать права человека и его репутацию от оскорблений, клеветы, ложных обвинений». В свою очередь российский кодекс в п. 5 предписывает журналистам «уважать честь и достоинство людей, которые становятся объектом их

профессионального внимания; безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей».

Принцип 8 Международных принципов профессиональной этики журналиста рекомендует всем представителям этой профессии «с уважением относиться к отличительным особенностям, ценностям и достоинству каждой национальной культуры, а также к праву народов свободно выбирать и развивать свою политическую, социальную, экономическую и культурную системы». Кодекс же профессиональной этики российского журналиста в п. 5 обращает внимание на то, что журналист, выполняя свои профессиональные обязанности, «противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения».

Принимая во внимание представленные примеры, можно без труда обнаружить вполне определенное сходство между двумя документами. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что отечественное медийное сообщество начало в полной мере ощущать себя частью глобализированной информационной системы и делать все, чтобы быть ее полноправным членом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Табор в кредитах // Сов. Чувашия. 2008. 19 авг.

² Там же.

³ Ярцев В. Я сражался с нечистой силой // Столица С. 2012. 10 янв.

⁴ См.: Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL: <http://www.ru.jr/about/codex.htm> (дата обращения: 15.12.2013).

⁵ См.: Международные принципы профессиональной этики журналиста. URL: <http://www.ru.jr/about/codex.htm/codex.htm> (дата обращения: 10.12.2013).

Поступила 04.02.2014.

O. V. Fedotova. Ethical and Legal Principles of Professional Activities of a Journalist in the Globalized Space

A moral aspect is characteristic for all kinds of human activities. Mass media are no exception as their main goal is to give the audience clear moral guidelines that can be used in different situations.

Unlike 1990's, today, the majority of state publishers in the regions became much balanced on the subject and form of presentation of the news. At the same time, one can still relatively easily find articles in the regional press which are not corresponding to the ethical standards. In most lawsuits filed against media, journalists were accused of causing moral damage the characters of their texts. The professional ethics of journalists is designed to solve this problem, supplementing what for various reasons was left beyond the law. This functional moral and legal syncretism is well proven in the world journalist practice while there are objective difficulties with its implementation in Russia.

However, the Russian media has been actively involved in the process of globalization. This is evidenced by the fact they adopted the Code of Professional Ethics of the Russian journalist. Traditionally, Russian media had no clearly defined set of moral prescriptions, although the positive moral orientation and responsibility for the reader, viewer, listener, as a rule, remained. The Code of Professional Ethics is fully harmonized and it coincides with the international principles of professional ethics in journalism, approved by the international journalist organizations in the period from 1978 to 1983. This proves that the local media community has begun to fully feel a part of a globalized information system and to do everything to be its full member.

FEDOTOVA Olga Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Journalism, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Л. А. ВАСИЛЬЕВА

СМИ ПЕРИОДА «ЗАСТОЯ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

Ключевые слова: СМИ, политический миф, культ личности, административно-командная система

Key words: mass media, political myth, personality cult, command administrative system

Осуществлена попытка анализа выстраивания политических мифов, транслируемых СМИ во второй половине 50-х — середине 80-х гг. в СССР, а также существовавшего информационно-пропагандистского аппарата.

The paper presents an attempt to analyze formation of political myths broadcast by mass media in the second half of 1950's — mid 1980's in the USSR, as well as the then existing information and propaganda machinery.

Легитимирующей основой курса реформ второй половины 50-х гг. XX в. стали «критика культа личности» и возвращение к так называемым ленинским нормам, в понимание которых входили: демократизация политической жизни, отмена системы массового террора, реабилитация жертв репрессий. Н. С. Хрущев, восходя на вершину властной пирамиды в борьбе с другими сталинскими наследниками, повторил ряд этапов пути, который прошел его предшественник. Например, по сталинским принципам было сфабриковано дело «антипартийной группы». Все очевиднее становилось, что в партийном и государственном руководстве утверждается волюнтаризм — принцип принятия единоличного, необоснованного решения. Волюнтаризм Н. С. Хрущева, подаваемый официальной пропагандой как исторические действия выдающейся личности, находил отражение в СМИ.

На I Всесоюзном съезде советских журналистов Н. С. Хрущев назвал журналистов «подручными партии». Рассматривая с этих позиций свое положение в обществе, центральные и

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна, профессор кафедры сервиса и туризма Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук.

местные СМИ настаивали на обязательном и немедленном выполнении данных поспешно указаний свыше без всестороннего их обсуждения. Негативной стороной деятельности СМИ стало создание нового культа — культа личности Хрущева. Разоблачив на XX съезде культ личности И. В. Сталина, Н. С. Хрущев нарушил баланс влияния. По мнению В. В. Журавлева, «использование репрессивно-деспотических методов в процессе реализации вождем функции гаранта системы было осуждено и таким образом признано не легитимным. Особенно при этом подчеркивалось, что речь идет не о репрессиях вообще, а о тех, которые были направлены против "профессиональных революционеров", ставших аппаратчиками»¹.

Осудив террор как способ социального регулирования внутри партии, ее элиты, новое руководство не создало других гарантий от узурпации власти. Правящий слой (номенклатура) оказался единственным слоем, обладающим монополией на власть и собственность. Разоблачение культа личности не только способствовало десакрализации фигуры вождя, но и привело к эрозии официальной идеологии. Программа КПСС, принятая в 1961 г., обещавшая народу построение коммунизма, оказалась мифоутопией, но при этом она на долго стала главной темой СМИ. Если в советском мифе советская действительность опиралась на мифологизацию «Октября 1917 года» (прошлая точка) и лозунг «Вперед, к победе коммунизма!» (будущая точка), то в период «застоя» таких опор для мифоинтерпретаций не было. Сакральная формула «Сталин — Ленин» была разрушена, мифосоставляющая советской идеологии, ее несущие опоры рухнули. Столь необходимые для общества оракульные начала были возложены целиком на плечи политиков (Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев), пророков несколько упрощенного качества. При Н. С. Хрущеве формула «Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем» меняется на прагматическую потребительскую категорию «Догнать и перегнать Америку», «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме». Поэтому ожидания Н. С. Хрущева породили новую веру и позволили более или менее мягко пережить развенчание культа предшествующего вождя»².

Советская система широко внедряла в сознание трудящихся категорию оптимизма в виде символов побед на трудовом фронте. Предмет отражения СМИ — героика про-

изводственного труда. Приоритеты по-прежнему оставались за рабочим классом, идущим рука об руку с крестьянством³. Их композиция определялась структурой того или иного технологического процесса.

Противоречия между трудовым энтузиазмом масс и все нараставшей волной беззакония требовали перемен, иных подходов к оценке фактов близкого прошлого. Сформировавшийся журналистский авангард, ядро которого составляли социологи, экономисты, журналисты, это понимал и отстаивал демократические позиции. Тематика ведущих центральных изданий была повернута в сторону экономических проблем. На страницах газет появился ряд публикаций, в которых проводилась мысль об отказе от централизованного планирования натуральных показателей государственных заготовок и замене их стоимостными показателями⁴. Другие издания указывали на ошибочность позиций популярных экономистов В. Венжера, Л. Кассирова, М. Лемешева, Г. Лисичкина и др.⁵ ЦК КПСС в связи с этим отмечал, что «в некоторых органах печати считают чуть ли не зазорным публиковать статьи, пропагандирующие проверенные жизнью положения марксистско-ленинской политэкономической науки». Все новации молодой школы экономистов расценивались как вызов старой экономической системе, неуважение к объективным законам социализма. Инакомыслящим было отказано в сотрудничестве со СМИ⁶.

В сложных условиях некоторые СМИ пытались формировать новое сознание людей, расходящееся с официальной точкой зрения. Г. Лисичкин писал: «Мы в какой-то степени помогаем людям, если нам удастся сообщить: "Ребята, там рифы есть, осторожнее". Это максимум, что мы можем сделать»⁷. Система сопротивлялась, по образному определению Л. Карпинского, она «зависла исключительно на собственных "блоках" и "стропилах", на своем аппарате самовластия, без всякого серьезного фундамента — над размытой почвой»⁸.

Идеологический схематизм, его предопределенность не давали системе возможности адаптироваться к изменениям мира. Власть начала репрессии по отношению к представителям литературы, искусства, журналистики⁹. Такая политика вела к общественно-политическому застою. К тому же выяснилось, что у людей смутные представления о коммунизме и о коммунистическом труде. Это говорило о том,

что пресса, несмотря на гигантский прессинг на массовое сознание, со своими задачами не справлялась. «Значит, сама пресса или сама идеология не имели четкой концепции»¹⁰. Показательно в этом плане размывание архетипов героизации и жертвенности, которые реализовывались в движениях «За коммунистический труд», «Ударник коммунистического труда», основа которых — коммунистические субботники 1918 г. Реанимация мифа «коммунистический субботник» принадлежала тогдашнему редактору «Комсомольской правды» А. Аджубею. Официальная оценка явления, представленная на страницах СМИ, была достаточно высокой. Но итоги опроса, проведенного в 1961 г., показали, что коммунистическое движение — явление формальное и несостоятельное. «Статистика утверждала, что двадцать миллионов человек борются за звание бригад коммунистического труда или ударника, но на деле их оказалось всего 1 290 человек. Огромная масса людей не только не участвует в этом движении, но не хочет его обсуждать. Для них оно просто не существует, как не существует и само строительство коммунизма как таковое»¹¹.

В этот период исследование проблем политического мифа, их трансляция каналами СМИ становятся самостоятельными направлениями. По мнению Н. И. Шестова, «доказательство правильности «своей идеологии» должно было, по научным стандартам того времени, сопровождаться разоблачением враждебных идеологических доктрин путем отождествления элементов их структуры с «расхожими» политическими мифами. Самым эффективным приемом такого разоблачения чаще всего становится сведение понятия «политический миф» с научного уровня на уровень быденного сознания, т. е. простое отождествление его с понятиями «сказка» или «басня»¹². Разоблачению враждебных идеологических доктрин путем отождествления элементов их структуры с «расхожими» политическими мифами было посвящено значительное количество монографий и теоретических работ»¹³.

Период «застоя» также определялся тем, что общество стремилось к стабильности, политический консерватизм партийно-государственных структур эту стабильность обеспечивал. Но при этом СМИ призывали общество к подвигу и жертвенности. Невиданные масштабы приобретала широко транслируемая мифологема героя, которая постоянно

дополнялась новыми поворотами, деталями, сюжетами, на смену Героям Советского Союза пришли Герои Социалистического Труда. Тексты о героях не сходили со страниц газет, звучали по радио, Героями Социалистического Труда были практически все члены ЦК Партии. «Образ героя, вождя и "спасителя", считает Н. И. Шестов, — выступает постоянным сосредоточием некоторых важных для общества и его политических институтов норм мышления и поведения»¹⁴. Мифологическая организация общества заменяется рациональными структурами. Прав Э. Кассирер, утверждая, что «в спокойные, мирные времена, в периоды относительной стабильности и безопасности эта рациональная организация общества устанавливается естественным путем. Кажется, что она способна выдержать все атаки, но в политике никогда не бывает полного спокойствия. Здесь всегда присутствует скорее динамическое, нежели статическое равновесие»¹⁵.

Попытки демократизации общества слабо влияли на общее состояние СМИ еще и потому, что они были ограничены системно-координатными установками, постановлениями партии и правительства. Подконтрольным пространством легче управлять, именно оно является оптимальным вариантом для формирования новых архетипов, символов, мифов и существования прежних: герои великих строек коммунизма, герои целины, жертва и жертвенность во имя светлого будущего и др. В обозначенных матрицах появляется еще одна координата — «смещение в будущее» («Коммунизм — светлое будущее человечества», «Вперед, к победе коммунизма!», «СССР — на стройках коммунизма» и т. д.).

СМИ, целиком и полностью подчиняющиеся системе, в соответствии с ее требованиями формировали необходимый идеологам режима взгляд на мир, их категоричность и ортодоксальность не давала возможности гражданам адаптироваться к новому, передовому, прогрессивному. Идеологические метаморфозы периода «застоя» заключались в том, что советская система утрачивала символично-мифическую привлекательность. Революционный дух из идеологии вытравливалась сама система, сохранялась лишь внешняя, ритуальная форма. Но параллельно с этим создавалась новая, более изощренная система мифоконцептов. В этой ситуации функционирование СМИ исключало «прорастание снизу», советская элита активно насаждала и отстаивала

свои права, широко используя возможности СМИ. Периоду «застоя» был свойствен свой подход к интерпретации политических мифов. В основании этих толкований находились определенным образом организованные представления человека о мире, ценностях и нормах поведения. Речь шла о порождении неограниченного количества интерпретаций мифов в соответствии с правилами экспликации их из ограниченного числа базовых мифологических схем, а также о переосмыслении уже существующих мифологических сюжетов в соответствующих современным реалиям формах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аксютин Ю.В., Журавлев В.В. От Сталина к Брежневу: авторитарно-бюрократическая система: генезис, эволюция, механизмы функционирования // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики: Междунар. симпозиум, 18—19 янв. 2002 г. М., 2002. С. 330.

² Цуладзе А. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Книж. дом «Университет», 1999. С. 89.

³ См.: Борзенко С., Яхневич В. Люди великой стройки // Правда. 1951. 14 мая; Журавский В. Великая стройка на Волге // Там же. 1956. 20 нояб.; Разбаш Л. На льдине все в порядке // Комсом. правда. 1955. 10 февр. и др.

⁴ См.: Кассиров Л., Карлюк И., Морозов М. Мартовские всходы // Комсом. правда. 1967. 31 янв.; Бронштейн М. Земля и экономические рычаги // Правда. 1966. 26 июля; Леонтьев Л. О товарном производстве при социализме // Там же. 1966. 31 авг.; Лисичкин Г. Два подхода к хозрасчету // Там же. 1966. 19 дек. и др.

⁵ См.: К вопросу о плане и рынке // Сел. жизнь. 1966. 22 сент.; Экономические методы — в основу руководства хозяйством // Там же. 1966. 29 нояб. и др.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 25. Л. 16—27.

⁷ Цит. по: Пресса в обществе. М., 2000. С. 80.

⁸ Карпинский Л. Слово тоже дело // Там же. С. 567.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 25. Л. 218—219.

¹⁰ Грушин Б. Институт общественного мнения — отдел «Комсомольской правды» // Пресса в обществе. М., 2000. С. 57.

¹¹ Там же. С. 56—57.

¹² Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М., 2004. С. 59.

¹³ См.: Артемов В.Л. Объективная природа стереотипов и их использование империалистической пропагандой // Проблемы социальной психологии и пропаганды: сб. М., 1971; Анатомия лжи. М., 1973; Власов А.И. В конфликте с реальностью. М., 1972; Воронцов Ю. Основное направление и механизм буржуазной пропаганды. М., 1972 и др.

¹⁴ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. С. 49.

¹⁵ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Философия. 1990. № 2.

Поступила 17.10.2013.

**L. A. Vasilieva. Mass Media in the «Stagnation» Period:
Features of Political Myth-Making**

The Soviet system of the period of «stagnation» widely inculcated the category of optimism in the minds of workers in the form of symbols of the labor front victories by means of the central and local media. The object reflected by the media was the heroics of production labor. The priorities were still set on the working class. Regional media transmitted it illustrating with local examples. The ideological sketchiness and its predetermination did not give the system the ability to adapt to the changing world. In 1967 the activity of the central and local media in the Far East was exemplified by the newspapers «Amurskaya Pravda» (Blagoveshchensk), «Red Banner» (Primorsky Krai), «Pacific Star» (Khabarovsk Krai), «Magadanskaya Pravda» (Magadan Region), «Kamchatka Truth» (Kamchatka Krai), was indicated by the headings «Towards the 50th Anniversary of the October», «50 Flaming Years», «Our Achievements», «The Generation's Biography, 1967», etc. Contradictions between the labor enthusiasm of masses and the increasing wave of lawlessness demanded for changes, different approaches to evaluation of facts of the recent past. Attempts at democratization of the society in the centre and in the regions had little effect on the general condition of mass media also because they were limited by system and coordinate guidelines, by resolutions of the Communist party and the government. Mass media being entirely under the command of the system, in accordance with its requirements, formed the necessary for the regime's ideologist view of the world; their rigidity and orthodoxy did not allow citizens to adapt to everything new and progressive. Ideological metamorphoses of the period of «stagnation» were in the fact that the Soviet system was loosing the symbolic and mythical attractiveness. In parallel with this, a new and more sophisticated system of meta-concepts was being created. In this situation, the Soviet elite actively promoted and defended their rights widely using the capabilities of the mass media.

VASILIEVA Lyudmila Alekseyevna, Candidate of Historical Sciences, Professor at the Department of Service and Tourism at the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

**Е. В. МОЧАЛОВ НАСЛЕДИЕ
СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО
В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ, КУЛЬТУРЫ И ЭТИКИ**

Ключевые слова: древнерусская философия, древнерусская этика, исихазм, древнерусская культура, Византия, богословие, богопознание

Key words: ancient Russian philosophy, ancient Russian ethics, Hesychasm, ancient Russian culture, Byzantine Empire, theology, knowledge of God

Статья посвящена рассмотрению наследия Сергия Радонежского в аспектах древнерусской и современной философии, этики и культуры. На основе исследования наследия Сергия Радонежского в статье делается вывод о его большом влиянии на становление духовной культуры России, значимости идей преподобного Сергия Радонежского в изучении истории древнерусской этики.

The paper is devoted to the legacy of St. Sergius of Radonezh in the aspects of ancient Russian and modern philosophy, ethics and culture. Basing on the study of the heritage of St. Sergius of Radonezh, the author comes to the conclusion that his influence on development of the spiritual culture of Russia was great, and the ideas of St. Sergius of Radonezh are significant in the study of history of ancient Russian ethics.

Переживаемый 2014 г. особенно значим для духовной культуры России грандиозным событием, которое отмечает вся страна. Речь идет о 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. Его жизнь приходится на период Древней Руси. Ее мудрость, как и древнерусская культура, является неотъемлемым компонентом общечеловеческого философского наследия. Высоким достоинством этой культуры выступают не только ее самобытность, но и открытость, стремление усвоить, творчески переработать, внести свой смысл в ценности, воспринятые от иных народов. В связи с этим древнерусская философия не является исключением. Выступая уникальным феноменом своеобразной культуры Древней Руси, она предстает активным субъектом общеславянского, европейского и мирового мыслительного

МОЧАЛОВ Евгений Владимирович, заведующий кафедрой философии Мордовского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

процесса, реализуя один из вариантов единого общечеловеческого философского знания.

Рассмотрение культурного, философского и этического фона эпохи преподобного Сергия дает основание вести речь о большом влиянии традиции Кирилла и Мефодия, учителей Словенских. М. Н. Громов верно отмечает, что именно она способствовала развитию метасистемы духовной культуры, охватившей южных и восточных славян на основе одной православной религии, одной письменности, одной книжности и общих традиций¹. Древнерусская мудрость выступает в этот период как составная часть философской мысли всех православных славянских народов. Сначала преобладало болгарское и сербское влияние, затем все более возрастало обратное воздействие Руси на балканские страны. Все же славянские православные государства находились под доминирующей культурной эманацией Византии.

В России сложилась иная традиция мышления, нежели на Западе, где среди различных течений доминировала схоластика и где богословствование и философствование развивались на высоком понятийно-теоретическом уровне и на книжной латыни как особом языке интеллектуальной элиты. Поэтому в западной традиции философ — это прежде всего удалившийся в келью или кабинет профессионал, совершенствующий свой ум чтением книг и публичными диспутами с себе подобными. Кирилл и Мефодий перевели важнейшие тексты Священного Писания на понятный народу церковнославянский язык. Поэтому богословие и философия, построенные на основе толкования Библии и творений патристики, превратились не в сферу деятельности узкого круга профессионалов, как это было на Западе, а распространились во всем контексте культуры, рассредоточились во многих сферах творческой деятельности.

Необходимо отметить так называемое балканское влияние. В XIV—XV вв., когда русская средневековая культура Московского царства достигает наивысшего расцвета, воздействие поработанных турками Византии, Болгарии, Сербии ослабевает, но не прекращается, о чем свидетельствует, например, так называемое второе южнославянское влияние. Москва становится «светочем славянства» и «оплотом православия». Уровень мышления поднимается благодаря приезду и успешной работе на ниве просвещения не только много-

численных украинских и белорусских мыслителей. С Россией связывают свои судьбы хорват Ю. Крижанич, поляк А. Белобоцкий, молдаванин Н. Милеску Спафарий, греки братья Лихуды и многие другие выходцы из разных стран.

Когда турки обрушились на Балканы, сокрушив сербов в Косово в 1389 г. и опустошив пылающую болгарскую столицу четыре года спустя, мессианским надеждам православного славянства не оставалось другого прибежища, как Московия с независимым князем и процветающей церковью. В 1390 г. болгарский монах из Тырново Киприан стал митрополитом Московским, и в течение всего XV в. люди и идеи двигались с Балкан на север, способствуя тому, чтобы Москва прониклась чувством исторической избранности.

Наследие преподобного Сергия Радонежского затрагивает также и проблему взаимоотношений государства и православия. В связи с этим перемещение резиденции митрополита из Владимира в Москву в 1326 г. способствовало превращению последней в главный город нации, быть может, еще в большей степени, чем дарование Ивану Калите, князю Московскому, титула «великого князя» годом позже. Возможно, большую роль в установлении ведущей роли Москвы сыграл не Иван Калита или кто-то другой из первых князей Московского государства, а Алексей, митрополит Московский в XIV в. и первый москвит, который занял столь высокий церковный пост.

От монашества до политики огромный шаг, особенно в восточном мире. Но преподобный Сергий на Руси его сделал. Можно себе представить, что этот шаг нелегко дался любителю одиночества, для которого даже общежитие в стенах монастыря было тяжким бременем. Как и в случае с игуменством, моральным стимулом для вовлечения отшельника в национальную политику, возможно, было стремление к милосердию, принявшее форму патриотизма. Вмешательство преподобного Сергия в судьбу молодого Московского государства было, несомненно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтит в преподобном Сергии своего небесного покровителя.

Безусловно, важным обстоятельством является также и то, что монашеская жизнь возрождалась в России не только героизмом и святостью таких личностей, как Сергий, но также благодаря существенному духовному влиянию увяда-

ющей Византийской империи. Запутавшееся в собственных неудачах, утомленное притязаниями католического Запада, византийское монашество в конце XIII — XIV в. совершило поворот от студийского устава в монастырях и все более влиятельной западной схоластики к новому мистическому учению, известному как исихазм. Это движение практиков «умного деланий», или умной молитвы, идущее от св. Г. Синаита с середины XIV в. и широко распространившееся по греческому и южнославянскому миру. Св. Г. Палама, архиепископ Фессалоникийский, Тырновский патриарх Евфимий, ряд патриархов Константинопольских были его приверженцами. Богословски эта мистическая практика связывалась с учением о фаворском свете и божественных энергиях.

Отметим также, что исихазм стал проникать на Русь при обрусевшем греке митрополите Феогносте (1328—1353). Благотворный духовный импульс, полученный из Византии и бывший одним из последних ее даров, творчески развивал отечественную культуру XIV—XV вв. и способствовал непревзойденному ее расцвету. Именно тогда распространяются «*Corpus areopagiticum*», «Диоптра» Филиппа Монотропа, «Источник знания» Иоанна Дамаскина и ряд других фундаментальных творений богословско-философской мысли. Главная интенция исихазма, определяющая его суть, состоит в органичном сопряжении феноменально переживаемой реальности с новым пониманием, прочтением и интерпретацией святоотеческого наследия.

Богословские взгляды мыслителей Византии отличались и особым стилем мышления, которому был присущ высокий интеллектуальный уровень, глубокий энциклопедизм. Это своего рода христианская философия, попытка осмыслить человека и окружающий мир.

Святоотеческое богословие сформировалось в результате соединения библейской традиции с древнегреческой философией, решая проблему человека в неразрывном единстве с Богом и миром. Процесс общения человека с Богом, процесс богопознания человека бесконечен и принципиально не может быть завершен. Он приобретает новое качество с каждой ступенью развития человечества и позволяет сделать вывод, что во взаимоотношениях человека с Богом заключается смысл истории человеческой цивилизации. Византийская патрология, в итоге оставаясь теоцентричной, в

то же время становится и антропоцентричной, рассматривает человека как активное преобразующее начало, деятельность которого в нравственной сфере приводит к преобразению его внутреннего мира.

Грех, покаяние, молитва, любовь становятся основаниями православной концепции человека, которая тесно связана с учением о его обожении. Человек всей традицией византийской патрологии осмысливался как часть новой культуры, нового мира. Противоположность души и тела, греха и праведности, мира горнего и мира земного как бы уничтожалась, снималась явлением Христа.

Различные антиномии (божественное — человеческое, земное — горнее, добро — зло) объединяются внутренним миром человека. Они для человека становятся основными и значимыми. Грех как бы отступает на второй план. Он приобретает частный, индивидуальный оттенок. Сам же человек понимается как свободная, саморазвивающаяся личность, которая стремится к активному созерцанию Бога и к его познанию. Свобода человека мыслится как свобода от греха, детерминации поведения в материальном мире.

Мыслители понимали конечность материального и бесконечность духовного существования человека, но вместе с тем они были уверены, что дух и плоть человека создавали возможность гармоничного соединения в нем земного и небесного. Практически все православные Отцы Церкви в создании человека по образу и подобию Божию видели изначальную основу и соотнесенность его с Богом.

Человек понимался как вселенский, соборный, а не индивидуальный. Только в Церкви, находясь в общении с Богом, способен он был познать Абсолют. Мир для человека представлялся временным домом, в котором он пребывал. Но человеческая природа, как писал Г. Нисский, была покрыта добродетелью. Она опиралась на блаженство бессмертия, была украшена венцом праведности, и все это служило беспорным доказательством ее достоинства и «точным уподоблением красоте первообраза»².

Византийская богословская мысль основывалась на воссоединении души и тела, личностной и всеобщей природы человека. Обожение понималось как потенциальное взаимодействие человека с Богом, возможность стать причастником божественной славы, вместе с тем оно предполагало общение

человека с Богом, желание этого общения и приложение усилия человека для общения. В. Н. Лосский писал: «Для достижения этой цели (обожения) необходимо взаимодействие обеих волей... с одной стороны — обожаящая божественная воля, сообщающая благодать Духом Святым, присутствующим в человеческой личности; с другой — человеческая воля, подчиняющаяся воле Божией в своем приятии благодати, в ее стяжении, в отдаче своей природы для полного благодатного проникновения»³.

Следует обратить внимание на то, что богословское наследие Г. Паламы впитывает и вбирает в себя практически все богатство православного богословия. Сам Палама является не только талантливым учеником предыдущих богословов, великолепным интерпретатором, но и самостоятельным мыслителем, который сумел создать совершенную богословскую систему.

В самом общем виде мировоззрение Г. Паламы базируется на двух постулатах. Первый заключается в утверждении тварного характера мира, который отличается от Бога своей сотворенностью и может быть выражен словом «фисис». В природе, в окружающем мире, как в зеркале, отражается Божественный замысел о человеке. Следующая главная мысль Г. Паламы состоит в том, что человек достигает своего совершенства в общении с Богом. И это совершенство было явлено нам Богочеловечеством. Наш разум, продолжает свою мысль Палама, обладает доступом к Богу. Но познание сущности Бога в полной мере ему не доступно, она познается с помощью метода апофатики или посредством отрицания. И. Мейендорф говорит, что Палама утверждает возможность некой интуиции божественного через творение Божие, через окружающий мир, где присутствуют божественные силы или энергии⁴.

Являясь продолжателем апофатической традиции восточного богословия, Г. Палама учит, что Бога нельзя полностью познать в его сущности и невозможно в этом процессе применить какие-либо определения, понятия и т. д. Сущность Бога, таким образом, неопределима, невербализуема, т. е. невыразима словами. Однако это отрицание возможности понимания сущности Бога нельзя трактовать таким образом, что Бога познать принципиально невозможно. Палама утверждает (и это было главным пунктом в его богословской

системе), что Бог проявляет себя в мире и дает человеку возможность обнаружить свое присутствие в нем. Для обозначения этой возможности Палама употребляет слово «энергия». Энергии являются «образами Сущего», посредством которых Бог принимает участие в творении. Одной из таких энергий и является фаворский свет. В сущности, как всякая энергия Божества, этот свет не создан, но вместе с тем он не является и как бы равным Богу в своей сверхсущности. Палама пишет, что «Бог называется светом не по существу, а по энергии».

Г. М. Прохоров считает, что суть богословской доктрины Г. Паламы можно выразить в следующих тезисах: «во-первых, свет фаворский не есть ни сущность Божия, ни тварь, но энергия сущности; во-вторых, энергия сущности неразделима с ней и неслиянна с нею; в-третьих, энергия сущности не тварна; в-четвертых, энергия сущности не вносит разделения в самую сущность и не нарушает ее простоты и, наконец, самое главное — в сущности Божией тварь не может участвовать, в энергии же — может»⁵. В этих словах заключена квинтэссенция учения Г. Паламы. С момента воплощения Бога, с момента его явления миру, учил Г. Палама, его не следует искать где-то вне нас: он находится внутри нас; фактически именно присутствие Бога делает возможным приобщение к нему всей твари, и в том числе человека.

Исихазм предложил принципиально новый принцип в трактовке позднего Средневековья на Руси, когда в противоборстве с Ренессансом и под влиянием проторенессансных и собственно ренессансных идей происходит своеобразная реабилитация тварного, вещественного, плотского начала путем просветления, одухотворения, возвышения его фаворским светом Божественной энергии.

Западноевропейская эпоха Возрождения традиционно олицетворяется западноевропейскими учеными с Италией. В течение длительного времени западная наука по каким-то неведомым основаниям отказывает России в существовании Возрождения в Древней Руси. За столетие после основания монастыря св. Сергия в Загорске в стране возникло еще около 150 монастырей. Это ли не Возрождение? Тем более, как писал Д. С. Лихачев, «если культура Западной Европы средних веков была по преимуществу городской и

университетской, то культура Древней Руси сосредотачивалась главным образом в монастырях, лесах, на берегах пустынных рек и озер, вдали от городов. Основным занятием грамотных монахов была по преимуществу переписка книг... Книжность сочеталась с искусством, и монастыри образовывали не только библиотеки, но и замечательное искусство иконописания...»⁶.

В Париже, в эмиграции, в 1924 или 1925 гг., Б. Зайцев издал книгу о преподобном Сергии Радонежском. В 1926 г. в журнале «Путь» опубликована рецензия на эту книгу известного русского философа Н. О. Лосского, отца выдающегося богослова Русской православной церкви, исследователя исихазма В. Н. Лосского. Он писал: «Будем всматриваться в такие образы, как лик св. Сергия и св. Серафима, будем носить их в своем сердце, и если мы хотя в малой степени уподобимся им в наших личных и общественных отношениях, нам суждено будет исцелить все раны революции и начать новую светлую страницу русской истории»⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Громов М.Н. Изборник-70. Тверь: Альфа-пресс, 2013. 560 с.

² Нисский Г. Об устройении человека. СПб.: Аxiома, 2000. С. 23—24.

³ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. Киев, 1991. С. 97.

⁴ См.: Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985. С. 339.

⁵ Прохоров Г.М. «Исихазм» и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. XXIII. С. 104.

⁶ Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 10.

⁷ Лосский Н.О. Преподобный Сергий Радонежский и Серафим Саровский (по поводу книги Б. Зайцева и Вл. Ильина) // Путь. 1926. № 2. С. 156.

Поступила 15.04.2014.

Ye. V. Mochalov. Legacy of St. Sergius of Radonezh in the Context of Ancient Russian Philosophy, Culture and Ethics

In 2014, Russia celebrated the 700th anniversary of the birth of one of the most revered saints of the Russian Orthodox Church, a public figure - Saint Sergius of Radonezh. The proposed paper is devoted to comprehension of the legacy of St. Sergius of Radonezh in the context of ancient Russian philosophy, culture and ethics. Virtues of the ancient Russian culture is its

originality, openness, desire to learn and creatively rethink the values of other peoples. The paper also concludes that St. Sergius continues the traditions of the Slovenian teachers Cyril and Methodius. Therefore, in this aspect, ancient Russian philosophy and culture to which St. Sergius of Radonezh belonged, is an integral part of the cultural legacy of all Slavic peoples.

The paper also highlights the differences between the ancient Russian philosophical tradition and the Western one. Ancient Russian philosophy is based on interpretation of the Bible, writings of the Church fathers, personal monastic experience. In a sense, the proof of this statement is Hesychasm, which had a beneficial and huge influence in shaping the views not only of St. Sergius, but throughout all the ancient Russian culture. The main intention of Hesychasm, which determines its essence, is an organic conjugation of phenomenally experienced reality with a new understanding, a new reading, a new interpretation of the patristic heritage. In addition, the paper suggests that the importance of Sergius of Radonezh was reflected in the establishment of civil peace in Russia, in facilitating the creation of a single state and the attainment of national and religious identity. The activities of St. Sergius made a significant contribution to the development of culture and philosophy of Ancient Russia.

MOCHALOV Yevgeny Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**Е. В. ВИКТОРОВА К ВОПРОСУ О ДУХОВНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Ключевые слова: духовная жизнь общества, духовное производство, творчество, импрессионизм, гениальность

Key words: spiritual life of the society, spiritual production, creativity, impressing, genius

Духовное производство как основной вид духовной деятельности общества рассматривается через призму индивидуального развития, в котором особая роль отводится импрессионизму. Представляя собой сильные впечатления, произведенные социальной средой, импрессионизм определяет специфику интересов гениальной личности, интенсивность ее деятельности и влияет на состояние духовной жизни общества.

Spiritual production as the main type of spiritual activities of the society is examined through the prism of individual development where a special role is given to «impressing». Representing strong impressions produced by the social environment, «impressing» determines the specific interests of a genius, intensity of his activity, and also affects the spiritual life of the society.

Являясь основным процессом духовной деятельности общества, духовное производство свидетельствует о состоянии общества, его созидательных потенциях и позволяет судить об ориентирах его дальнейшего духовного развития. Рождение новых научных теорий, моральных воззрений, религиозных постулатов, художественных образов, эстетических представлений и т. д., представляющих собой результаты духовного производства, — процесс, сочетающий объективное и субъективное, общественное и индивидуальное, рациональное и эмоциональное.

Вопросы, связанные с природой творчества, факторами, влияющими на такую деятельность, особенностями формирования творца, вовсе не новы. Среди факторов, определяющих вектор духовной деятельности личности, пристального рассмотрения требует импрессионизм, представляющий собой запечатление в сознании личности сильных воздействий

ВИКТОРОВА Елена Викторовна, доцент кафедры теории и практики социальной работы Пензенского государственного университета, кандидат педагогических наук.

социальной среды. В. П. Эфроимсон под импрессионизмом понимал «те воздействия детского и подросткового возраста, которые оказали решающее влияние на этические критерии и интеллект индивида»¹.

Основным средством духовной деятельности, прежде всего духовного производства, выступает интеллект отдельной личности. Это обуславливает взаимосвязь между импрессионизмом влияниями социальной среды на индивида и духовным производством как частью духовной жизни общества. Мемуарная и биографическая литература изобилует примерами импрессионизмов воздействий на личность, определяющих интересы и ценности последней на долгие годы, интенсивность ее духовной деятельности, неустанное стремление к истине. Примерами могут служить ситуации из жизни В. И. Вернадского, С. В. Ковалевской, П. А. Кропоткина, К. Линнея, Л. И. Мечникова, Г. Шлимана, А. Эйнштейна и многих других выдающихся личностей. В их жизни произошло яркое событие, которое повлекло за собой сильнейший интерес к будущей профессиональной деятельности.

Для любой личности объект действительности становится ценностью лишь тогда, когда обретает личностный смысл, осознан и прочувствован на собственном опыте как необходимый. Эталоном оценок ценностей на уровне индивидуальной жизни выступает личный опыт, которым проверяется необходимость, полезность чего-либо в жизни конкретной личности. Под влиянием указанных факторов обыденное сознание неминуемо делает выбор в пользу не духовных ценностей, а материальных, что актуально в социально-экономических условиях современной России. Недостаточность в современном обществе значительных духовных достижений объясняет то, что духовные потребности нескольких последних поколений, определяющие ценностные ориентиры потенциально продуктивной личности, формируются в условиях социальной среды, отдающей предпочтение материальным ценностям в ущерб духовным.

Общественная значимость творческих личностей детерминирована не только их вкладом в духовное производство, но и спецификой формирования тех целей, движением к достижению которых и обеспечивается этот вклад. Жизненные цели-ценности гениальных личностей отличаются от целей большинства людей соотношением материального и идеаль-

ного. В. Н. Сагатовский, анализируя импрессионный механизм формирования индивидуальных ценностей и интенций, приходит к выводу о том, что «непосредственной основой ценностей является такое эмоциональное отношение к миру, которое становится для данного субъекта устойчивым, доминирующим и не подлежащим (вне ситуаций кризиса и философской рефлексии) сомнению, т. е. фундаментальный настрой на мир»².

Формирование ценностей, определяющих направленность личности потенциального гения, характеризуется чертами, подтверждающими их импрессионную природу. Во-первых, ведущие жизненные ценности возникают в значимых ситуациях: импрессионг наблюдается в ситуации, возмевшей для личности особенное значение в силу сензитивности периода возникновения и социально-генетической предрасположенности к обостренному восприятию определенных природных и социальных воздействий. Во-вторых, возникновение ценностей имеет эмоциональную основу: оценка любого явления социальной действительности всегда тесно связана с эмоцией, которой оценивается потребность в чем-либо. Импрессионг же есть впечатление, запечатление. Для возникновения ключевых ценностей характерна предметность: импрессионг связан с конкретным объектом, на который в дальнейшем направляются все жизненные силы гения. Рассмотренными чертами духовных ценностей определяется суть творческой натуры — преодолевать препятствия на пути к достижению истины — в любом из ее воплощений. Так формируется духовная потребность — потребность в духовной деятельности.

Духовные потребности как внутренние побуждения к духовному производству не возникают сами по себе, они требуют соответствующих импрессионгов. События, влекущие за собой импрессионг, имеют сходство в том, что они оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие на личность. Содержание же событий может быть разным: это «какие-либо наблюдения, какой-либо акт доброты, жестокости, несправедливости, какая-либо книга, фильм, разговор, жизненное происшествие»³. Без знания генетической предрасположенности и особенностей социализации личности сложно предугадать, какие именно воздействия социальной среды станут решающими в духовной жизни конкретного

человека, однако специфика социальной ситуации развития и характер наиболее частых социальных воздействий, обусловленных состоянием духовной жизни общества, позволяют предполагать их возможные последствия.

Спектр ситуаций, в любой момент могущих стать импрессионными для личности, в современном обществе в сравнении с социокультурными возможностями прошлого очень богат: эмоционально заряжены ситуации живого общения, общения с произведениями искусства, ситуации, возникающие в виртуальной реальности. С другой стороны, этот спектр имеет тенденцию к сужению: духовное общение все чаще переносится в виртуальное пространство. Это качественно меняет содержание позитивных импрессионных ситуаций в условиях виртуальности, а для личности, постепенно теряющей опыт непосредственного социального общения, приводит к увеличению негативных импрессионгов.

Забота о создании благоприятных социальных условий для развития гениальных личностей, их самореализации — это забота о духовном здоровье и мощи общества. В. П. Эфроимсон, рассуждая о скоплении гениев в Афинах времен Перикла, говорит о возможности создавать условия, стимулирующие формирование гениев: «Никакие генетические данные не позволяют думать, что афиняне наследственно превосходили окружающие их современные народы. Секрет весь заключался именно в стимулирующей среде. А если это однажды произошло, следовательно, воспроизводимо и, более того, в десятки раз чаще, потому что в сотни раз шире спектр дарований, которые требуются обществу»⁴. Общественная ценность гениев обусловлена их непревзойденным вкладом в духовное производство: одна гениальная идея способна быстро и мощно продвинуть вперед духовную жизнь всего общества.

Рассмотрение проблем духовного производства через призму индивидуального развития, в котором особую роль играет импрессионг, определяющий специфику интересов гениальной личности, интенсивность ее деятельности и, в конечном счете, влияющий на ее продуктивность, открывает новые возможности в изучении духовных сил и перспектив современного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб. 1995. С. 25.

² Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. URL: <http://sofik-rgi.narod.ru> (дата обращения: 16.08.2013).

³ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. С. 85.

⁴ Его же. Предпосылки гениальности. URL: http://evolbiol.ru/efroimsom_genial.htm (дата обращения: 17.08.2013).

Поступила 16.09.2013.

**E. V. Viktorova. On the Issue
of Spiritual Production in the Modern Society**

Spiritual production, being universal in content, is carried out individually, therefore it can be considered in terms of development of an individual, in this case, of a creative, talented, brilliant one as we are talking about creating a new (historically unique, socially important) spiritual values.

Among the factors that determine the vector of spiritual activities of a creative personality, «impressing» is of peculiar interest which represents impression of strong influences of the social environment in the consciousness of a person providing specificity of goals and values in life of brilliant personalities in contrast to the goals of most people. Spiritual needs as inner motives to intellectual production, being given not biologically, but socially, do not arise by themselves — they require the appropriate «impressing». Formation of values determining the orientation of the personality of a potential genius is characterized by the features confirming their «impressing» nature: socio-genetic predisposition to a keen perception of certain social impacts, objectivity as a link to a specific object at which the vitality of a genius is directed further on. The described nature of spiritual values defines the essence of creativity — to overcome obstacles to the achievement of the values and goals in any of its manifestations: the scientific, artistic, religious, etc., forming a spiritual need — the need for spiritual activities.

The practical significance of the concept of «impressing» is that one of the serious problems facing modern society — to overcome insufficiency of significant spiritual achievements — cannot be solved without an analysis of a problem at the junction of the public and the private, where «impressing» finds itself as a factor of formation of spiritual needs and values.

VIKTOROVA Elena Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, Penza State University (Penza, Russian Federation).

Е. Н. ПЕСОЦКАЯ   **СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ
ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ
И УРОВНЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Ключевые слова: глобализация, концепция уровневости, глокализация, регионализация, личность

Key words: globalization, conception of levels, glocalization, regionalization, personality

Статья посвящена социально-философскому анализу процессов глобализации с позиций концепции уровневости, системно охватывающей разнообразие взаимодействий личности как социального субъекта, общества и сетевых систем.

The paper is devoted to the socio-philosophical analysis of the processes of globalization in terms of the conception of levels systematically covering the diversity of interactions between the personality as a social subject, the society, and the network systems.

Системно-структурный анализ глобализации в России, сделанный на основе концепции уровневости, отражает специфические черты и социальность каждого уровня¹. *Метауровень* глобализации воссоздает процессы на уровне метagalaktiki, каждое новое состояние которой является возможным ответом на жизнедеятельность человечества. *Мегауровень* воспроизводит глобализацию мирового пространства, оказывающую воздействие на Россию. *Мезоуровень* отражает глобализацию постсоветского пространства стран СНГ. *Макроуровень* охватил глобализацию в рамках региональных пространств России. *Микроуровень* означает ее проявление на уровне личности².

Современные мегапроцессы, воздействуя на нижние пласты, вызывают ответную реакцию в виде регионализации. Последняя является вариантом политики альтерглобализма как альтернативы антиглобализма, попыткой ухода от пагубных тенденций и последствий глобализации по-американски.

ПЕСОЦКАЯ Елена Николаевна, доцент кафедры философии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

Специфика практически всех национальных республик России состоит в том, что экономические, культурные и политические проблемы решаются, преломляясь через национальные отношения.

Региональное самосознание и региональная культура в современной многонациональной и многоконфессиональной России активно трансформируются в связующее звено между миром и человеком, способствуя адаптации, созданию его бытия в меняющемся мире. При этом создаются условия, в которых культура и духовность личности не сводятся к совокупности нравственно положительных качеств, а выступают как способы конституирования индивидуального бытия. В условиях политики мультикультурализма индикатором национальной идентичности становятся региональные ценности и толерантное поведение, которые постепенно отодвигают на задний план прежние локальные способы бытия этносов, задавая интенции на его изменение. Проблема формирования единого образца исследования ценностей и феноменов в меняющихся исторических и социокультурных условиях, их сущности, специфической природы, регулятивов и особенностей своего проявления более чем актуальна и требует пересмотра сложившихся традиционных подходов и методологии изучения, в которой концепция уровневости может стать методологическим стержнем.

Современное общество нуждается в полилоговой матрице культурного разнообразия, основанной на взаимодействии ценностей, которые не будут нивелированы глобализацией, что и обеспечит толерантность в отношениях различных этносов. Успешность функционирования регионов во многом зависит от использования местных ресурсов, построения собственной локальности по отношению к глобальному контексту³. В каждом регионе формируется собственная общественная система как объединение людей с определенными исторически значимыми ценностно-целевыми ориентирами, традициями и мировоззрением, приращением которых определяет динамику регионального развития и связывает мезо- и макроуровень глобализации, этнонациональный фактор как основу, потенциал государственного, общественного и духовно-нравственного развития. Человеческое бытие, ментальность плавно перетекают в мир расширенных реальных и виртуальных горизонтов, происходит преобразование культурных универсалий в синтетическое бытие.

Этнокультуры как основания синтетической культуры взаимодействуют в структуре этого ансамбля, включаясь в единый цикл через адаптационную роль менталитета. В этой цикличности глобализации успешно сопутствует «глокализация» как разработка собственных местных форм культуры, генетически связывающая региональную и национальную культуры⁴. Кроме того, регионализация отражает становление личности, сохраняющей свою культурную идентичность в ответ на новые вызовы эпохи.

Соотношение глобального и локального, переживаемого личностью, нередко порождает кризис идентичности. Кроме того, в обществе переходного типа идеи глобальной культуры перемежаются с процессами размывания традиционных ценностей многочисленных народов, влияя на личностный модуль каждого представителя. Пребывание субъекта в ситуации постоянного личного выбора означает его ценностную деятельность. Наряду с объективной стороной, глобализационные процессы обретают субъективную составляющую, выступая «сконструированной» реальностью.

В России догоняющая модернизация с присутствием процессов вестернизации отразилась на сфере культуры таким образом, что для личности возникла проблема исчерпанности традиционных ценностных, познавательных и деятельностных регулятивов. Модернизация и вестернизация переживают серьезный кризис в связи с трансформацией Запада. Новым путем развития становится поиск собственных культурных оснований модернизации. Глобализация создала возможности для национального и личностного самоопределения.

На этом фоне отмечается расширение контактов между социальными группами, индивидами из разных культур, религий и этнических общностей⁵. Общие стандарты во всех сферах жизни, характерные для глобализации, означают создание универсального пространства диалога культур. Формируются новые регуляторы гуманистической культуры: в сфере ценностей таким регулятивом служит гуманизация взаимоотношений людей, их отношений с природой, принцип толерантности; в сфере социальной деятельности — сотрудничество и взаимопомощь; в познании — синтез естественно-научного и гуманитарного знания и их методология.

Последствия глобализации остаются разноплановыми для народов, регионов и личности, которая попадает в центр

междисциплинарного дискурса по мере социокультурных изменений в мире и массовой индивидуализации социальной жизни. В условиях единой глобальной потребительской сети активно распространяется психология «одномерного человека». Социальные институты, культура и личностный ценностный выбор в свою очередь во многом определяют подобную психологию, поскольку локальные явления все больше сказываются на жизни отдельной личности через сетевую социальность, а общество все более «структурируется вокруг противостояния сетевых систем и личности, что в определенном смысле отражает противостояние процессов самопрезентации и идентичности»⁶. На основе анализа взаимодействия субъективной и объективной реальности идентичность характеризуется как самоопределение в социокультурном пространстве и свободная ориентация в этническом мире⁷ и философски осмысливается с позиции диалектической логики как «формальная — качество каждого объекта (включая абстрактные объекты); и реальная — присуща только эмпирическим объектам и имеет разные формы в зависимости от онтологического статуса объекта (организма, личности, какого-либо неорганического предмета или социального института)»⁸.

Виртуальная реальность стала развивающимся объектом познания, который трансформирует личностное мировосприятие и социальные аспекты ее жизни, претендуя на особое пространство коммуникации. Через личность она усиливает интеллектуальные возможности цивилизации. Ситуации, связанные с использованием компьютерных сетей и Интернета, показательны в этом плане. Широкий круг проблем, обусловленных информатизацией общества и электронными коммуникациями, предполагает множество вопросов и направлений, среди которых видное место занимают вопросы влияния информационных технологий на развитие экономической и производственной сфер, политики, культуры, науки, образования и языка информационного общества в целом. Социально-философское осмысление субъекта (личности) в Интернете помогает выявить ценностные грани проблемы. Это открывает пласт вопросов, связанных с локализацией индивида, статусом его тела, ума и сознания. Конкретизация проблемы субъектности в сфере информационных коммуникаций сопрягается с идеями автономности мира знания,

подчинения деятельности субъекта познания логике этого мира. Новые информационные и коммуникационные технологии приводят к возникновению локальных и региональных информационных сетей и фондов, работая на сохранение либо на разрушение ценностей.

Новая информация трансформирует картину мира, что мотивирует получателей информации на изменение реального социального мира, с тем чтобы последний соответствовал созданной виртуальной действительности. Возникает неустойчивая ситуация, способствующая тому, что реальный социальный мир трансформируется сообразно виртуальной картине мира. Информационная составляющая кризисного общества обладает достаточно большим потенциалом воздействия на процесс социетальной трансформации, стимулируя изменения не только в информационном поле, но и в других значимых полях⁹.

В формировании индивидуальных и национальных информационных сетей и фондов в условиях возрастания информационных ресурсов и их доступности основную роль играют две составляющие — технологическая и культурно-аксиологическая. Технологическая предполагает решение проблемы качества информации, т. е. ее прагматических и семантических характеристик. Культурно-аксиологическая составляющая связана с уже сложившейся традицией обсуждения социальных эффектов информационных технологий в рамках проблемы сохранения культурной идентичности, где многообразие культур рассматривается как ценность.

Интернет широко используется для распространения всех видов информации (деловой, политической, экономической и т. п.), а принцип ответственности личности в компьютерной и информационной этике становится неотъемлемой частью такого процесса, первично формируя микроуровень глобализации. Кроме того, уровень развития личности все больше определяется ее вовлеченностью в сетевое общество, поэтому в новых условиях «опыт функционирования виртуальной реальности становится одним из основных показателей "развитости" и "современности" человека»¹⁰. Движение к удовлетворению потребностей индивида в оперативном получении информации любого вида и назначения постоянно расширяет сферу его интеллектуального суверенитета. При этом формы и содержание источников в условиях глоба-

лизации создают противовес манипуляции общественным мнением, в котором нередко упрекают электронные СМИ. По оценкам некоторых специалистов, процесс взаимодействия современного человека как субъекта познания и виртуальной реальности как особого объекта этого познания приводит к постоянным изменениям в системе ценностных координат в направлении появления качественно иных видов социальных и индивидуальных коммуникативных отношений личности и стратегий их развития¹¹.

Таким образом, происходит процесс постепенного формирования новой модели социально-мобильной личности с качественно иными характеристиками и потребностями, которыми являются в равной мере как вызовы современного общества, так и созидательно-преобразующая деятельность, будучи включенной в разные уровни глобализации. Настоящая модель предполагает для своего целостного и эффективного изучения использование средств и методологии социально-философского анализа. В эту модель, на наш взгляд, вписывается концепция уровневости, системно охватывающая взаимодействия личности как социального субъекта, общества и сетевых систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ирхен И.И., Ремизов В.А. Социально-культурная регионализация современной России как глобализационный процесс // Современные социально-политические процессы в регионах России и мира. Краснодар: АНО «Центр соц.-полит. исслед. "Премьер"», 2011. С. 78—108.

² Там же. С. 86.

³ См.: Иконникова Н.К. Символические границы местных сообществ // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития. М., 2010. С. 69—71.

⁴ См.: Козин В.В., Писачкин В.А. Глобализация, глокализация, регионализм: дискурс становления и развития // Регионоведение. 2007. № 1. С. 5—15.

⁵ См.: Абдрашитова И.В. Российская идентичность в эпоху глобализации // Методология гуманитарного знания: материалы Регион. науч.-практ. конф. «Методология гуманитарного знания», 18—19 мая 2007 г.: сб. ст.: в 3 ч. Саранск, 2007. Ч. 1. С. 62—65.

⁶ Шерикбаева Н.А. Виртуальная реальность и проблема «разорванности» современного информационного общества // XXXVIII Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 48—50.

⁷ См.: Воронина Н.И. Этническая идентичность // Регионоведение. 2012. № 2. С. 167—168.

⁸ Там же.

⁹ См.: Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М.: КомКнига, 2005. 240 с.

¹⁰ Немыкина О.И. Виртуальная реальность как новая коммуникативная система глобализации // Философия и современность: материалы Междунар. науч.-теор. конф. (Саранск, 21—22 янв. 2008 г.): в 2 ч. Саранск, 2008. Ч. 2. С. 65—70.

¹¹ См.: Варганова Е.Л. Финская модель на рубеже столетий: информационное общество в СМ и Финляндии в европейской перспективе. М., 1999. С. 80—88.

Поступила 13.01.2014.

E. N. Pesotskaya. Socio-Philosophical Analysis of Peculiarities of Formation of Personality and the Level Conception of Globalization

The paper focuses on socio-philosophical analysis of the processes of globalization in terms of the conception of levels which systematically covers the diversity of the interactions between the personality as a social subject, the society, and the network systems. The paper presents meta-, mega-, meso-, macro- and micro-levels of the processes of globalization focusing in a personality and its features. The role of regionalization in the processes of transformation of the regional multi-confessional culture of Russia is emphasized. Regionalization, acting as a link between the globalizing world and a person contributes to adaptation, to creation of social being in the changing world, to rational updating of values. The issue of formation of a single sample of study of values in changing socio-cultural conditions, of their essence, nature, regulators and characteristics of manifestation is relevant and requires revision of traditional approaches and the methodology of study to which the conception of levels is the methodological core.

The issue of confrontation of the processes of self-presentation and identity of an individual is touched upon. The latter is characterized as self-determination in socio-cultural space and its free orientation in the ethnic world. The paper shows the process of gradual formation of a new model of socially mobile personality with qualitatively different characteristics and needs, which equally are the challenges of modern society and creative and transforming activity, being included into different levels of globalization.

Methodology of the socio-philosophical analysis is of great social and practical importance to generate a model of interactions of a personality as a social subject, society and network systems, in which new communicative attitudes and value regularities are formed.

PESOTSKAYA Elena Nikolayevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**К. В. ИЗВЕКОВ   СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Ключевые слова: гражданское общество, защита прав человека, механизмы правового регулирования, социальный аспект внутренней безопасности
Key words: civil society, protection of human rights, mechanisms of legal regulation, social aspect of internal security

Рассматривается проблема эффективности формирования гражданского общества и участие в этом процессе механизмов правового регулирования защиты прав человека.

The paper considers the issue of efficiency of formation of civil society and participation of the mechanisms of legal regulation for protection of human rights in this process.

Развитый уровень государственности, гражданского общества выражается в наличии эффективных механизмов правового регулирования, защиты прав человека. Механизм правового регулирования включает: нормы права, правоотношения, формы и акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей, применение права, элементы правосознания и правовой культуры.

Обеспечение правового регулирования, местного самоуправления обеспечивается посредством праворегулирующих, правоохранительных механизмов; механизмов разрешения конфликтов; идентификационных, информационных, организационных, акционных элементов процедурно-правовой регламентации поведения, правового воспитания лиц для удовлетворения законных интересов и прав населения.

От степени, качества интеграции этих механизмов зависит уровень развитости правовой государственности. В правовом государстве реализуется система гарантий прав человека, объединяющая право в объективном смысле и субъективные права граждан для трансформации обязанности и действия лиц, органов власти, общественных организаций в систему гарантий прав человека. Гарантии прав человека предполагают обеспечение нейтрализации правонарушений,

ИЗВЕКОВ Кирилл Владимирович, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, кандидат философских наук.

безопасности законопослушных граждан, реализацию взаимодополняющих ценностей автономии и зависимости, открытости и закрытости государства и общества.

Правовое пространство все время эволюционирует. С развитием социосферы происходит изменение ценностей, составляющих основу прав человека, изменяются содержание, формы, количество, функции прав, усиливается специализация их влияния на окружающую среду. Можно сказать, что права адаптируются к все более усложняющемуся общественному пространству.

Сильным, дееспособным оказывается то государство, где границы свободы и прав человека строго зафиксированы в законе и власть служит закону в качестве инструмента реализации и гарантии свобод и прав. Правовое государство только тогда выполняет свои функции, когда является сильным, способным не только принимать, но и соблюдать законы, обеспечивать их реализацию. Оно может последовательно сочетать основополагающие принципы прав человека, свобод входящих в него народов.

Реальность, характеризующая качество жизни населения в России на современном этапе, далеко не оптимистична. В стране продолжается депопуляция, смертность превышает рождаемость. Высока доля граждан, доходы которых ниже прожиточного минимума. Растет число убийств и самоубийств, тяжелых инфекционных заболеваний, резко ухудшается здоровье детей. Последствия экологической ситуации в стране сказываются на здоровье людей, их работоспособности, интеллекте. Высока «утечка мозгов», специалистов, рабочих высшей квалификации. Национальному генофонду создается реальная угроза, в то время как его сохранение, качественное улучшение жизнедеятельности относятся к числу важнейших факторов, детерминирующих национально-государственные интересы.

То же касается и сохранения (воспроизводства населения), качественного улучшения условий жизнедеятельности людей. Сохранение национального генофонда — цель национально-государственных интересов. Реализация этих задач предполагает защитные функции по отношению к внешним и внутренним угрозам, позитивные меры, направленные на улучшение условий жизнедеятельности. Последнее включает физическое существование, материальное благополучие, со-

хранение, приумножение духовных ценностей, национальной культуры, демократических устоев, среды обитания и др. Р. Рэйч пишет: «Политики обычно не понимают, что реальный потенциал нации даже не в овладении и обладании определенными технологиями, а в способности граждан страны решать более комплексные задачи будущего, основываясь на способностях адекватного решения задач прошлого и настоящего»¹.

Система внутренних национальных интересов должна строиться вокруг ее главного достояния — кадрового потенциала культуры, образования, квалификации. В период рыночных реформ основной ущерб нанесен как раз интеллектуальному потенциалу страны, тогда как именно с ним связываются основные надежды на возрождение и подъем. «Такой взгляд на проблему стратегических ресурсов позволяет выстроить систему внутренних экономических интересов страны и сформулировать соответствующие задачи и направления государственной политики», — отмечает Д. Кузин².

В Японии в 60-х гг. XX в., когда был завершен послевоенный восстановительный период, общая концепция развития страны содержала более половины документов, постулирующих необходимость мобилизации, воспроизводства, накопления социального капитала нации. Достижение обществом уровня наиболее передовых стран предполагало повышение готовности и способности членов общества решать более сложные и комплексные задачи, требующие иного уровня знаний. Стимулирование творчества и инновационности, активное обучение кадров всех возрастных групп, создание благоприятной социальной среды для наиболее эффективного использования предпринимательства, активной конкуренции, обеспечение равных индивидуальных возможностей являлись базовыми положениями стратегии общенационального масштаба.

Социальный аспект внутренней безопасности заключается в практической реализации идеи гражданского мира и согласия в обществе, что основывается на таких показателях, как социально-демографическая структура, культурно-образовательный состав населения, единство и сплоченность нации, профессиональный уровень управленческих решений органов власти, свободное функционирование системы соци-

альной мобильности, криминогенная обстановка, удовлетворенность населения условиями жизни, уверенность, надежда на будущее, отсутствие угроз и т. д. Социальные аспекты безопасности складываются в контексте исторического опыта нации. В общей системе внутренней безопасности они играют главную, жизнеобеспечивающую роль.

Политический компонент внутренней безопасности состоит в осуществлении оценочной, экспертно-аналитической, практической деятельности, направленной на выработку политики государства, адекватной вызовам внешних и внутренних угроз, реализующей стабильное функционирование сложившейся на данный исторический момент системы политической власти, регуляцию общественной жизнедеятельности. Политические аспекты внутренней безопасности являются важнейшими с точки зрения формирования и функционирования системы внутренней безопасности. Тип политической системы и идеологическая ориентация общества в значительной мере определяют организацию власти, что оказывает влияние на принятие решений в области национальной безопасности.

Экономический компонент внутренней безопасности общества предполагает оценку, анализ, осуществление мер по ее экономическому обеспечению, созданию материально-технической инфраструктуры защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. Экономические аспекты принято оценивать в контексте определения структуры и объема ресурсов, необходимых для решения проблемы внутренней безопасности.

В последние годы появилось значительное количество научных исследований, посвященных духовно-информационному компоненту внутренней безопасности. О значимости этой проблемы для России свидетельствует принятая в сентябре 2000 г. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации³. Для оценки состояния внутренней безопасности общества существует такой интегрированный показатель, как развитие человеческого потенциала, включающий продолжительность жизни, уровень образования, потребления на душу населения. По сумме этих параметров Россия занимает 70-е место в мире.

Вне социальной переориентации экономики и политики на действительные нужды народа Россия не может рас-

считывать на восстановление своего места среди великих экономических держав. Без этого, как показывает опыт передовых социальных государств, нет успешной современной экономики, перевода ее в постиндустриальное состояние, включая создание политических предпосылок для быстрого и устойчивого развития. Не построив социального государства, Россия не гарантирует внутреннюю безопасность⁴.

Внутренняя безопасность может быть оценена как состояние и свойство системы «личность — общество — государство», при котором гарантирована реализация основных прав и свобод личности и общества, законных интересов государства, и их развитие происходит на стабильной правовой основе. Под безопасностью понимается выработка ее субъектами необходимых решений и принятие на их основе действий, адекватных реальным и потенциальным угрозам. Обеспечение безопасности должно включать прогнозирование реальных и потенциальных угроз на базе полученной о них информации, своевременную их идентификацию. Эффективное обеспечение безопасности личности, общества и государства возможно тогда, когда у субъекта безопасности представления об угрозе будут соответствовать ее характеру и степени опасности.

К наиболее существенным угрозам внутренней безопасности системы «личность — общество — государство» в России следует отнести продолжающееся падение жизненного уровня населения страны, сопряженное с глубоким расслоением общества; преступность и коррупцию в обществе; межнациональные конфликты; социальные взрывы, нарушающие законность и правопорядок (асоциальный порядок). Реализация этих угроз внутренней безопасности чревата беззаконием, хаосом, распадом страны и деградацией государства, еще большим нарушением прав человека и основных международных норм, принятых современным сообществом.

Поскольку доминантой гражданского общества выступает отдельно взятая личность, несущими его конструкциями являются институты, организации, группы и т. д., призванные содействовать всесторонней реализации личности, ее потенциалов, интересов, целей, устремлений и т. д. Институты, ассоциации служат для индивида в качестве источников власти, влияния, авторитета. Разумеется, в данном аспекте

основополагающая роль центральной ячейки общественного организма, источника влияния и авторитета сохраняется за семьей. Немаловажную роль играют родственные связи, соседские общины, профессиональные организации, творческие институты, трудовые коллективы, сословия, социальные слои, с которыми люди отождествляют себя. Другой основополагающей единицей социального действия в обществе, в том числе гражданском, является группа. Очевидная характеристика группы — функциональная взаимозависимость составляющих ее членов. Группа существует и действует в силу разделяемых всеми ее членами интересов, целей, установок, ценностей, что, в свою очередь, предполагает взаимную зависимость ее членов друг от друга в деле реализации совместных целей и интересов. Чем определеннее цели и интересы, тем вероятнее жизнеспособность и функциональная эффективность группы. Спаянность группы обеспечивается тем, что поведение всех ее членов регулируется комплексом предписываемых им (писаных или неписаных) прав и обязанностей. Любое общественное объединение предполагает статусный ряд, или ранжирование индивидуальных лиц в рамках общепринятой иерархии. Статус и иерархия зависят от изменений в установленном комплексе ролевых функций и ожиданий.

В Республике Мордовия осуществляется политика, направленная на конструктивный, творческий диалог власти и общественных организаций в поиске разрешения возникающих споров в сфере правозащитной деятельности. Развитые традиции самоорганизации граждан эффективно помогают государству осуществлять свои социальные обязательства, у власти появляются активные, инициативные, помощники. Примером может служить деятельность созданной в 1996 г. Общественной организации «Мордовский республиканский правозащитный центр» (МРПЦ). Мероприятия и акции, проводимые МРПЦ, способствуют развитию системы общественной правозащиты, выявлению нарушений властями прав человека и основных гражданских свобод.

Новой вехой в развитии правозащитной деятельности в РМ стало утверждение 26 марта 2010 г. в республике должности Уполномоченного по правам ребенка при Главе Республики Мордовия. Введение новой должности было призвано содействовать более эффективной защите прав

и интересов ребенка по нескольким направлениям: обеспечение защиты прав, свобод и помощь в восстановлении нарушенных прав ребенка; содействие совершенствованию законодательства Республики Мордовия о правах ребенка и участие в разработке мероприятий по усилению социальной защищенности детей; просвещение населения о правах ребенка, формах и методах их защиты; межрегиональное сотрудничество в интересах детей.

Институт Уполномоченного по правам человека в Мордовии — одна из серьезных гарантий, которая может и должна оправдать конституционное предназначение государства и обеспечить надежды граждан. Несмотря на трудности в выполнении полномочий, в Мордовии он сформировался как действенный инструмент защиты прав и законных интересов граждан. Обращения граждан — один из главных механизмов в реализации функций Уполномоченного по правам человека в регионе.

Таким образом, эволюция норм правового пространства наводит на утверждение, что социальное развитие с неизбежностью предполагает развитие ценностей правовой культуры. В круг правового регулирования попадают новые вопросы, отражающие социальные противоречия, ситуации опровержения гуманитарных начал, призванных регулировать жизнедеятельность. В XX в. правовая культура продолжала эволюционировать, совершенствуя свой потенциал защиты личности в социальном взаимодействии. Государственные институты и гражданская самоорганизация — важные составляющие механизма становления права как гаранта безопасности личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Кузин Д. Что является главным достоянием любой развитой нации? // Вопр. экономики. 1994. № 2. С. 37—38.

² Там же. С. 38.

³ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации 9 сентября 2000 г. // Рос. газ. 2000. 28 сент.

⁴ См.: Социальные императивы постиндустриализма: материалы круглого стола, проведенного в ИЭ РАН 27 ноября 1997 г. М., 1998. 113 с.

Поступила 28.05.2014.

K. V. Izvekov. Socio-Philosophical Analysis of Protection of Human Rights

The level of statehood and civil society is characterized by existence of effective mechanisms of legal regulation, of protection of human rights. The mechanism of legal regulation includes: the rule of law (official rules); legal relationship (specific models of behavior for parties on the basis of regulations and legal facts); forms and acts of exercise of subjective rights and legal duties; application of the law; elements of legal awareness and legal culture.

The guarantees reflect the principle of subordination and correlation of man and society. The system of protection of human rights in the rule-of-law state consists of the set of values, regulations, organizational and power resources; their purpose is to maintain order. Accordingly, it is possible to speak of the target determination of the guarantees.

The social aspect of internal security lies in the practical realization of the idea of civil peace and accord in the society, which is based on such factors as: socio-demographic structure, cultural and educational composition of the population, unity and cohesion of the nation, professional level of management decisions by the authorities, free functioning of the system of social mobility, criminal situation, satisfaction of the population with the living conditions, confidence, hope for the future, absence of threats, etc.

In the Republic of Mordovia, the implemented general policy is aimed at constructive and creative dialogue between the authorities and public organizations in the search for resolution of disputes in the field of human rights protection. Developed traditions of self-organization of citizens effectively help the state fulfill its social obligations; the state gets active and ambitious assistants.

Evolution of regulations of the legal space leads to the assertion that social development involves cultivation of values of the legal culture. The range of legal regulation encompasses new issues that reflect social contradictions, situations of refutation of humanitarian principles meant to regulate the life activity. Not only state institutions, but also the civil self-organization are important components of the mechanism of development of law as a guarantor of personal security.

IZVEKOV Kirill Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Socio-Economic Disciplines, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

Г. П. ТУМАНОВА

СМЕНА ЮРИДИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ СОЦИУМА

Ключевые слова: рациональность, теория выбора, юридические парадигмы, мотивация, двухпороговая информация, память, социальность, ценность, нейронные сети

Key words: rationality, theory of choice, legal paradigms, motivation, double-threshold information, memory, sociality, value, neural networks

В статье проанализировано построение «картины» объективной реальности как смены юридических парадигм. Оно связано со структурными информационными процессами, подчеркивающими неразрывную связь между получением информации о мире и ее осмыслением как конечного (счетного) числа разнообразных комбинаций в рамках категориально-понятийного аппарата.

The paper analyzes the construction of the «picture» of the objective reality as a change of legal paradigms. It is associated with structural information processes emphasizing the indissoluble ties between obtaining information about the world and its understanding as a finite (countable) number of different combinations within the categorical and conceptual apparatus.

Построение «картины» объективной реальности как смены юридических парадигм связано со структурными информационными процессами, подчеркивающими неразрывную связь между получением информации о мире и ее осмыслением как конечного (счетного) числа разнообразных комбинаций в рамках категориально-понятийного аппарата. Субъект демонстрирует избирательный отбор информации в зависимости от совокупности имеющихся у него аттитюдов (мотивов, стимулов и т. д.)¹. Социальные установки оказываются задействованными в осмыслении явлений социальной реальности, поиске и селективной экспозиции социальной информации. Возможны два случая отбора информации: очень сильного

ТУМАНОВА Галина Павловна, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

или очень слабого аттитюда на объект. Этот феномен был обозначен как биполярный способ подбора «аттитюдно-релевантной» информации: индивид запоминает, фиксирует про- или контрааттитюдную информацию, но пропускает нейтральную, т. е. в данном случае границы получения информации четко обозначены².

Стимулы и мотивы как смена структурной информации в рамках рациональности представлены в парадигмах юриспруденции. Классическая, позитивистско-сциентистская и коммуникативная (или герменевтическая) покоятся на различении понятия и понимания смыслового значения (ценностной информации). Смысл в теории рационального выбора Дж. С. Коулмена в рамках позитивистской, естественно-научной и либеральной парадигм юриспруденции представлен мотивациями и стимулами индивидов³. Перечисленные концепции происхождения права представлены нормотворческой деятельностью, алгоритм которой связан со структурированной информацией и созданием гештальт-образов в юридических парадигмах концепции Г. Саймона⁴. Он обозначил некоторые принципы структурирования информации: оценку поступившей информации и в дальнейшем ее пересмотр по мере поступления новой; реакцию на самую свежую информацию и учет необходимым образом предыдущей; в случае столкновения интересов людей (несовершенная конкуренция) достижение консенсуса по поводу, что считать оптимальным поведением.

С этими принципами связан *дифференциальный порог* поступающей информации. Учитывая, что обширный поток новой информации препятствует припоминанию, в то время как воспроизведение даже большого объема сведений значительно меньше влияет на процесс восприятия, информационная экономия устанавливает, что число повторений получаемой внешней информации не увеличивает ее фиксацию. Поэтому необходимо установить определенный информационный индикатор, в соответствии с которым будет сравниваться и выбираться поступающая информация по принципу ее селективной ценности⁵. Также важны принципы оптимальной фильтрации сигналов, максимума взаимной информации между стимулами и реакциями организма⁶. Таким образом, можно перейти к анализу *смысловой информации*.

В своем исследовании Г. Эббингауз обозначил основное организованное, структурированное поле восприятия различных форм информации (ассоциации, образы, копии объектов, абстракции и т. д.) с характерным для человека смыслом. Это информационное поле образует обширные связи, которые представляют собой душевные переживания как в настоящем, так и в прошедшем и будущем⁷.

Дифференциальный порог *ценностной* информации на первом уровне определяется в концепции сенсорной системы в качестве «самоформирующейся машины», закрепляющей навыки в виде порога чувствительности, т. е. то, что обозначено пределами физического возбуждения. Границы применимости сенсорных систем обозначены отражаемой информацией.

Второй уровень представлен *дифференциальным порогом ценностной информации* через принцип «сцепления» и включен в категорию ассоциаций по смежности. Процесс запечатлевания рассматривался как функция фактора смежности ценностной информации, как переосмысление закономерностей генерации информации и отношений между ее внутренней и внешней формами, а также изучение проблемы потерь субпороговой информации.

Известно, что объективный рост уровня помех по мере интенсификации информационного метаболизма в развивающейся системе имплицитно подразумевает рост ценной информации, в результате чего ее все более значительная часть оказывается *субпороговой, нераспознанной, рассеянной*. Налицо энтропийная тенденция, диссипативная по отношению к внешней информации и благоприятная для внутренней в аспекте поддержания эволюционного потенциала развивающихся систем.

Эффективное познание объекта возможно, когда субъект уподобляется объекту. Вероятность нахождения нужных каналов передачи информации в произвольном опыте функционирования субъект-объектных отношений невелика⁸. Следовательно, «попадание» отражаемой информации в ряд вероятностной, а в дальнейшем и ценной усложняется, что обусловлено потерей *субпороговой информации*. Чем больше возможность получить оригинальную, невероятностную информацию, тем меньше ее субпороговые потери. Границы ценности информации в рамках воспроизведения

в ассоциативной теории обусловлены мерой ее оригинальности. Основная мысль Г. Т. Фехнера заключалась в том, что между ментальным опытом (ощущением) и физическим раздражителем существует количественная связь⁹. Устойчивость в процессе запечатлевания и воспроизведения оригинальности информации в отражаемо-структурном соотношении определяется энергетическими минимумами связей (так называемой нейронной сетью), а в дальнейшем — двунаправленной ассоциативной памятью. В основе устойчивости при процессе запечатлевания лежит принцип работы рекуррентных нейронных сетей.

Третий уровень воспроизведения информации определен теорией памяти в *гештальт-психологии*. Ее представители подвергли критике положение ассоцианизма о смежности элементов во времени и пространстве как условий возникновения и закрепления связи (ассоциации) в мозгу и предложили свою версию «сцепления» информационных процессов по контрастности¹⁰.

В отличие от сцепления по смежности, при соотнесении отдельных информационных свойств объекта с ценностью информации выделяется информационная доминанта как информативный критерий воспроизведения информационных образований в *гештальт-теории*. Доминанта есть интегральный, целостный информационный образ. Интегрированный образ структурирует информацию, расположенную внутри заданного интервала. В этом случае мы имеем классический способ использования SQL (Structured Query Language) при отборе из базы данных. Выборка данных на основе их информационного содержания всегда предполагает ту или иную форму сравнения задаваемого извне ключа (структурной информации), по которому должен осуществляться поиск, с некоторой частью или со всей информацией. Но возможен вариант поиска, при котором необходимо среди совокупности данных найти те, которые наилучшим образом (в смысле некоторой заданной меры) соответствуют ключевой информации.

Таким образом, исходя из сказанного, можно перейти к четвертому уровню воспроизведения информации в *произвольном и непроизвольном* опыте теории деятельности. Решающий сдвиг в изучении запоминания и воспроизведения информации был связан с трактовкой памяти как

деятельности. Дж. Уотсон делает акцент на изучении процессов запоминания информации в стремлении представить мышление как скрытую моторную активность, выступающую заместителем действия. Произвольное запоминание представляет собой действие, реализующееся при помощи информационных средств и способов. Один из них — *метод двойной стимуляции*, который показывает, что вращивание «стимулов-объектов» и «стимулов-средств» перестраивает функционирование памяти. Из опытов П. И. Зинченко получены факты, характеризующие две формы произвольного запоминания: первая является продуктом целенаправленной деятельности, вторая — продуктом разнообразных ориентировочных реакций, вызываемых объектами как фоновыми раздражителями¹¹. На основе «вращивания» средств коренным образом перестраивается функционирование памяти: из непосредственного, а затем внешне опосредованного процесса запоминания становится внутренне опосредованным, произвольным актом, обеспечивающим высокую продуктивность памяти. Обращаясь к помощи вспомогательных средств, человек изменяет структуру акта запоминания. Непосредственное запоминание становится опосредствованным, опирающимся на две системы, или два ряда, стимулов — «стимулы-объекты» и «стимулы-средства».

Таким образом, природа «стимулов-объектов» обусловлена совокупностью распределения в них отражаемой и структурной информации, а «стимулы-средства» оказывают воздействие на периодичность, ритмичность, регулярность воспроизведения информации. Закон эстетического качества Ф. Гемстергейса гласит, что реакция на сообщение в виде деятельности предполагает возможно большее число мотивационных представлений в возможно меньшее время¹². Понятие предсказуемости информации становится определяющим, так как наиболее жестко согласует мотивы и цель субъекта.

Для анализа такого понимания необходимо экстраполировать продолжение полученного сообщения в соответствии сначала с мотивами субъекта, а в дальнейшем с его целью. Известно, что ценность информации есть непосредственный аргумент ее функции полезности, определяющей эффективность системы¹³. Именно в этом смысле ценность информации является прагматическим отношением. Ценностной

компонентой информации выступает ее смысл. Мотивация в передаче и получении информации может быть любой, даже не ценностной, но цель практически всегда ценностна для субъекта. А если это так, то можно прогнозировать деятельность субъекта на основе полученной информации, которая становится для него ценностно-мотивационной. Причем такой прогноз всегда сопровождается изучением мотивационной информации за определенный период времени: чем быстрее меняются мотивы в поведении человека в ограниченный промежуток времени, тем более точно можно прогнозировать дальнейшие процессы его деятельности.

Таким образом, структурирование информации в контексте рациональности обусловлено пониманием смысла мотивационных действий в системе юридических парадигм. По принципу эффективного использования информации обозначают дифференциальный порог информации, отмеченный в теории рационального выбора. Гештальт-образы и структурирование информации проходят все уровни восприятия, хранения и передачи в психико-физиологическом состоянии индивида. Поступление новой информации и пересмотр старой в зависимости от мотивационности поведения — это процедуры в деятельности индивида в методологических парадигмах. Рационализация поведения в праве обусловлена проблемой понимания и разработкой категориально-понятийного аппарата.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл (ЭКСМО), 2005. С. 23—25.

² См.: Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Мир, 2007. С. 34—35.

³ См.: Коулмен Дж.С. Теория рационального выбора. М.: Прогресс, 2010. 183 с.

⁴ См.: Саймон Г. Концепция социального выбора. М.: РОССПЭН, 2009. 284 с.

⁵ См.: Эйген М. Теория оптимальной фильтрации. М., 2011. 364 с.

⁶ См.: Голицын Г.А. Проблема информации в социосистемах. М.: РОССПЭН, 2009. 245 с.

⁷ См.: Выготский Л.С. Психология развития человека. С. 25—27.

⁸ См.: Мандельброт Б., Ричард Л. Непослушные рынки: фрактальная революция в финансах. М.: Вильямс, 2006. С. 45—48.

⁹ Цит. по: Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // ZTHESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 146—152.

¹⁰ См.: Мандельброт Б., Ричард Л. Непослушные рынки ... С. 67—78.

¹¹ Там же. С. 45—46.

¹² См.: Гемстергейс Ф. Понятие информации в семантическом аспекте. М.: РОССПЭН, 2008. 180 с.

¹³ См.: Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления. С. 12—14.

Поступила 23.12.2013.

**G. P. Tumanova. Change of Legal Paradigms
of Structural Information of a Society**

The paper exposes that the social setup in the system of legal regulations are involved in understanding of phenomena of social reality and in the search for selective exposure of social information. Two types of selecting information are possible: those of very strong or very weak attitude on the object. This phenomenon was labeled as bipolar method of selection of «attitude-relevant» information: a person remembers, notes either pro-or counter-attitude information, but ignores the neutral information, i. e., in this case, the boundaries of getting information are clearly marked.

Effective cognition of a legal object is possible, providing the subject is similar to the object. Consequently, «labeling» the reflected information as probabilistic and further as valuable is complicated due to the loss of the sub-threshold information. Sustainability in the process of capturing and reproduction of the original information in the reflectively structural correlation of legal parties is determined by the energy minima of relations (the so-called Hopfield neural network), and further by the Kosko bidirectional associative memory. The basis of stability in the process of capturing is the principle of operation of recurrent neural networks, in which, upon the receipt of a stimulus on one set of neurons, the feedback reaction is detected on a different set of neurons.

The value of information is important for the study of motivation in the paradigms of law. The value of information is determined by the pragmatic attitude. Motivation in sending and receiving information in legal structures is built on the principle of effective use of information and is indicated by a differential threshold of information recorded in the rational choice theory.

TUMANOVA Galina Pavlovna, Postgraduate at the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

М. Э. РЯБОВА

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Ключевые слова: социокультурное разнообразие, российские регионы, устойчивость развития, точки опоры, межкультурный диалог

Key words: socio-cultural diversity, Russian regions, sustainable development, fulcra, intercultural dialogue

Актуализируется проблема социокультурного разнообразия российских регионов. Сделан вывод о положительном значении этого явления для эффективного решения новых вызовов современности.

The paper actualizes the problem of socio-cultural diversity of Russia's regions. The author comes to the conclusion that this phenomenon has positive meaning for effective solution of new challenges.

Постановка проблемы социокультурного разнообразия и рефлексии современной реальности с точки зрения воспроизводства российских регионов определяется необходимостью выявления специфики динамичных социальных явлений, обусловленных появлением новых принципов организации сообществ и новых практик сотрудничества в среде разнородных субъектов социальных действий. Разнонаправленные и часто взаимоисключающие процессы в континууме регионов России, переживающих самоопределение и реструктурирование собственного пространства, заслуживают серьезного социально-философского осмысления для диагностики направлений устойчивого развития российского социума в целом.

Важнейшей задачей российских регионов сейчас является поиск своего места в мире глобальных изменений. Тенденции нового миропорядка несут в себе вызовы, которые могут коренным образом трансформировать каждое сообщество. Например, В. С. Стёпин обращает внимание на

РЯБОВА Марина Эдуардовна, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

существующую угрозу протекания интеграционных процессов не как равноправного диалога культур, а как активного одностороннего воздействия ценностей стран Запада, пропагандирующих менталитет утилитарного общества на другие культуры: «Стремление стран-лидеров западного мира сохранить свое доминирующее положение в пространстве мирового рынка может стимулировать консервацию существующего положения дел и активную защиту ценностей западной (техногенной) цивилизации, ориентирующих на отношение к природе в основном как к системе ресурсов для деятельности»¹.

Меняющиеся условия бытия предполагают неоднозначные реакции со стороны российских регионов. Удачный или неудачный ответ на такого рода вызовы может существенно изменить их судьбу в частности и социокультурный облик России в целом. Здесь причинно-следственная связь объясняется диалектическим противоречием: в единстве читается разнообразие, а в разнообразии — единство. Логику движения от оснований к единичному и от него к общему отмечает А. С. Ахиезер: «Такой подход фокусирует внимание на анализе отношения между обществом как целым и любым значимым явлением общества, их влияния друг на друга, взаимопроникновения-взаимоотталкивания социокультурного целого и части»².

Глобализация вызывает страх у исторически сложившихся сообществ оказаться в подчинении чуждым ценностям, целям, принципам. Угроза разрушения ранее сложившихся привычных форм жизни становится серьезной проблемой, порождающей ментальное противостояние. Опыт российской истории свидетельствует, что такая ситуация в случае ее затяжного характера может привести к деструктивным, опасным для России последствиям.

Глубокие социокультурные перемены в российских регионах начинаются в 90-х гг. XX в. Учитывая многоаспектность и сложность российской региональной специфики, прогрессивное развитие российских регионов в начале XXI в. предусматривает неизбежность их социокультурного разнообразия в ходе всемирной интеграции. Совокупность конкретных условий каждого региона (уровень экономического развития, природные ресурсы, структура власти и др.) определяет их уникальность. Следует отметить, что социокультурное

разнообразие российских регионов имеет другую природу, чем в Европе. Российские регионы представляют собой взаимопересекающиеся специфические сообщества, которые глубоко дифференцированы по уровню развития, различны по аксиологическим ориентирам, этническим приоритетам и сложившимся экономико-политическим отношениям.

По критерию дробности регионального деления Россия лидирует среди федеративных государств мира по числу субъектов Федерации (83 против 51 в США, 27 в Бразилии, 16 в Германии, 13 в Канаде). Социокультурное разнообразие на российской почве обладает двойственной спецификой. С одной стороны, оно существует в рамках ведущих тенденций мирового развития, с другой — детерминировано новыми задачами, связанными с активизацией информационного пространства и величиной российской территории. При этом региональное разнообразие создает препятствия для проведения унифицированной региональной политики в России, так как характеристики одного региона могут быть не свойственны для другого. Например, высокий уровень накопленного производственно-технического потенциала у одного и низкая интенсивность хозяйственной деятельности у другого региона и т. п. В каждом регионе сложилась отдельная система общественных отношений, существующая рядом с другими подобными ограниченными (относительно свободными) системами. Огромные контрасты между регионами порождают проблему разрыва между уровнем и качеством жизнедеятельности населения. Все труднее оказывается найти основания для связи локальных сообществ в одно целое. Между тем тематически многие регионы в современной России оказываются гораздо более связанными, чем это кажется на первый взгляд, а именно — социокультурно.

Поскольку российским регионам имманентно социокультурное разнообразие, необходимы всесторонний учет и осмысление этого фактора при критической оценке позитивных и негативных сторон бытия в современной обстановке, которые позволят прогнозировать проблемы в будущем и проектировать их всевозможные решения. Социокультурное разнообразие базируется на множественности социальных процессов и культурных феноменов, обеспечивая возможность выбора в принятии конкретных решений. Предпосыл-

кой возникновения социокультурного разнообразия выступают способности индивида к самоорганизации, различным способам деятельностного взаимодействия. Многообразие различий обуславливает множественность специализаций и последующее экономическое взаимодействие, выходящее за рамки одной культуры, одного этнического сообщества. Выход за пределы одного культурного пространства предоставляет широкие возможности для взаимопроникновения и взаимоотталкивания разных культур.

Взаимодействие сторон сопровождается их развитием, изменением в ходе совершенствующегося обменного процесса, имеющего противоположное, встречное направление. При этом происходит изменение обеих сторон как противоположностей и тем самым их преобразование. Одна сторона включает в себя и преобразует в процессе обмена содержание другой, а другая — содержание первой. В результате происходят взаимообогащение и наращивание многогранности каждой. Логика такого процесса не существует априори, она вырабатывается лишь в процессе взаимоотношений качественно различных сторон. Это логика различия конкретно складывающейся полисубъектности.

Общепринятым является диалектическое положение о том, что в процессе развития внешнее становится внутренним. Однако этот процесс перехода не есть простое и пассивное усвоение внешнего опыта и внешних воздействий, а сложный процесс, в котором ведущее место занимает человек. Человеческая деятельность в связи со сказанным выступает как рефлексивная форма движения, означающая, что человек фокусирует свою креативную энергию на задаче освоения собственной сущности. Возникновение рефлексии связано с появлением чисто человеческой способности расчленения своего поведения, и прежде всего вычленения деятельности, имеющей предметом как самое себя, так и внешний мир.

Такое понимание разнообразия в мировосприятии и образе жизни способствует сохранению самобытности регионов, является активным фактором общественного развития. Социокультурное разнообразие, расширяя границы своего пространства, выводит его за рамки локальных образований (регионов), тем не менее одновременно сохраняет особенности каждого из них. Сложившиеся представления о разнообразии как феномене, одновременно характеризующемся

гомогенностью и гетерогенностью, обладающем как подобием, так и различиями, подводят к выводу о двойственном характере наших знаний о нем. С одной стороны, повсеместно наблюдается стремление к универсализации как частному случаю усложнения общества, с другой — внутри регионов растет столь обостренное чувство социокультурной самоидентификации, что выходит за рамки отдельного региона и начинает носить характер всеобщего целого. Всеобщее может трактоваться не как результат сведения различий, а как связь между различиями, социальное, соответственно, как связь различных субъектов. Суть этого процесса в том, что на фоне мобильности современной социальной реальности двойственность переходит в противоречия, накопление которых в социуме активизирует способность им противостоять.

Можно по-разному оценивать позитивные и негативные аспекты разнообразия, однако очевидно, что социокультурное разнообразие, синтезируя в целое социальную реальность, выступает фокусом цивилизационного развития, перемещает ценности культур и технологические изменения на новый уровень и тем самым усиливает адекватные решения на возникающие вызовы современному обществу. Втягивание национальных сообществ в процесс саморазвития через возможности, влекущие различия, можно рассматривать как попытку нейтрализовать опасности, чтобы обеспечить собственное и вписаться в мировое развитие.

Следует сказать, что современный культурный контекст, детерминированный доминированием в нем социокультурного разнообразия, как нельзя лучше приспособлен для подготовки человека к жизни в условиях быстрого изменения и наращивания многообразия современного мира, необходимости реализации совместных усилий для решения глобальных проблем, угрожающих существованию человека. Речь идет о формировании эффективной стратегии, при которой разнообразие «точек опоры» могло бы осуществлять реальную устойчивость развития регионов.

Например, осваивая новые условия, региональные власти ищут способы разрешения возникающих проблем, повышения эффективности управления и попыток воздействия на международные процессы принятия решений, действуя по трем направлениям: децентрализация — наращивание соб-

ственной активности в сфере международных связей с опорой на региональную автономию; консолидация — объединение усилий с другими регионами в своей стране и за рубежом в рамках двусторонних или многосторонних договоренностей, членства в международных и национальных организациях; централизация — укрепление взаимодействия с центром по вопросам международного сотрудничества. Недостаток внутренних ресурсов регионов для эффективного решения стоящих перед ними проблем компенсируется дополнительным стимулом усиления взаимодействия с центром, в том числе и по вопросам международного сотрудничества, привлечения регионов к формированию и реализации внешней политики центра. Тем самым приоритетным становится совместное решение задач, ведущее к трансформации регионов в саморазвивающиеся субъекты.

Движущей силой такого взаимодействия в мире разнообразия является возможность разрешения всевозможных противоречий и принятие эффективных решений с точки зрения прогрессивного развития цивилизации, которое базируется на межкультурном диалоге, способствующем эффекту эмерджентности. Многоуровневость социокультурной трансформации требует новых эвристических подходов и интерпретации разных форм социальной реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стёпин В. С. Типы цивилизационного развития // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М., 2007. С. 13.

² Ахизер А.С., Рябова М.Э., Сычев А.Н. Концепция социальной философии в усложняющемся мире // Власть. 2005. № 7. С. 55.

Поступила 02.06.2014.

M. E. Ryabova. Socio-Cultural Diversity in the Regional Perspective

In consideration of the multifaceted and complex Russian regional specificity, progressive development of Russian regions in the beginning of the 21st century provides for inevitability of their socio-cultural diversity under the circumstances of globalization. Socio-cultural diversity is based on the multiplicity of social processes and cultural phenomena, providing a choice in making specific decisions. Prerequisites for emergence of socio-cultural diversity are the ability of an individual to self-organization, to various

methods of active interaction. The interaction of the parties is accompanied by their development, by changes in the course of improving the exchange process, having an opposite direction. At the same time the change of both parties as opposites occurs and thereby — their transformation.

The prevailing ideas of the diversity as of a phenomenon, which is characterized by both homogeneity and heterogeneity, having both the similarity and differences, lead to the conclusion of the dual nature of our knowledge about it.

Socio-cultural diversity, synthesizing the social reality as a whole, is the focus of civilization development, relocates the values of cultures and technological changes to a new level and thereby enhances adequate solutions to the emerging challenges of modern society.

Drawing of national communities into the process of self-development through opportunities entailing differences can be seen as an attempt to neutralize the danger, to ensure their own one and to fit to the world development.

RYABOVA Marina Eduardovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**П. Д. МИНИЧКИН МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА**

Ключевые слова: культура, этнос, этнокультура, природная и социальная среда, средовая культура, культурология, хронотопы

Key words: culture, ethnicity, ethnic culture, natural and social environment, environmental culture, culturology, chronotopes

В статье анализируются методологические и теоретические основы изучения духовной культуры этноса в контексте определения предмета исследования — явлений культуры с учетом жизненной среды этноса: природной, социальной и геополитической.

The paper discusses the methodological and theoretical fundamentals of the study of the spiritual culture of an ethnic group in the context of identification of the object of study — the cultural phenomena with regard to the living environment of an ethnic group: natural, social, and geopolitical.

Усиление внимания к национальной культуре, ее истории, современному состоянию, тенденциям и перспективам развития — закономерный процесс XXI в.

Адекватно тенденции интернационализации усиливается стремление к «национальному ренессансу». Оба эти процесса служат проявлением единой закономерности развития мировой цивилизации, суть которой в постоянном диалоге национального и интернационального. Культура как совокупность способов и методов создания материальных и духовных ценностей, организации жизни и общения людей пронизывает все сферы общественных отношений. Система созданных ценностей и технологий их «производства» определяет облик цивилизации, ее уровень. Д. С. Лихачев писал: «Если человек не будет ценить то, что осталось ему в наследство от родителей, прародителей, и тех, кто родил их, он потеряет память о себе, о своем месте происхождения, о своем предназначении»¹.

До настоящего времени формирование культурологии как научного направления не завершено. Нет единства мнений по поводу ее объекта. Высказываются суждения в пользу

МИНИЧКИН Павел Дмитриевич, аспирант кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета.

того, что им выступает художественная культура народов, человечества в целом. По нашему мнению, такое определение объекта культурологии является искусственным и чрезмерным его ограничением. Оно не охватывает многие сферы созидательной деятельности народов, в каждой из которых создаются не только материальные и духовные ценности, но и соответствующие технологии, т. е. направления, формы и виды культуры.

В культурологических исследованиях нередко наблюдается взаимодополнение методов изучения явлений культуры. Это происходит по объективным причинам: различные аспекты развития любого явления тесно взаимосвязаны, но не всегда синхронны. Иными словами, возникновение, становление и развитие явлений культуры во всех сферах жизни взаимосвязаны, но каждое из них исторически и содержательно относительно самостоятельно, автономно.

Взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно оформленных в литературе, М. М. Бахтин называл хронотопом (в дословном переводе — «времяпространство»). Этот термин употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности Эйнштейна. Для М. М. Бахтина был важен смысл, который он имеет в теории относительности. Он просто перенес его в литературоведение почти как метафору (почти, но не совсем): «Нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (почти как четвертое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы и не касаемся хронотопа в других сферах культуры. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе: этот образ всегда существенно хронотипичен»². Это означает, что М. М. Бахтин не отрицает возможности применения понятия «хронотоп» не только к литературе, но и к другим сферам культуры.

Изложенное имеет принципиальное значение для любого культурологического исследования, в том числе для исследования любой национальной культуры. Очевидно, что при

организации исследования национальной культуры недостаточно руководствоваться только общими принципами методологии и теории. Для этого важны и «частные» методики. Особое внимание, на наш взгляд, следует сосредоточить на поиске специфики этнокультуры конкретного народа.

В системе материальной и духовной культуры у всех народов мира много общего, того, что отражает и выражает общие закономерности цивилизованной деятельности человечества. Однако каждый этнос — это особая составляющая человечества, которая выбирает свой путь, способы и приемы созидательной деятельности и творчества, создает свою систему технологий познания, созидания и сохранения материальных и духовных ценностей. Достигается это путем выбора приоритета для тех или иных технологий, способов, методов.

Важный аспект методологии культурологических исследований связан с раскрытием причин, «истоков», порождающих своеобразие системы культуры конкретного этноса. «Ничто так полно не отражает историю уникального мира наших предков, эволюцию духовной и материальной культуры (мыслей, чувств, традиций, опыта и пр.) любого этноса, как мифология. Поэтому в настоящее время интерес к ней как к культурологическому явлению отдаленного прошлого заметно возрос, получив новый импульс для развития... Замечено, что утрата нацией собственной исторической памяти, хранящейся в национальной мифологии, автоматически ведет к потере представлений о своих истоках, родословной, т. е. об истории Великой Семьи. Народ уподобляется ребенку, ищущему в толпе своих мать и отца, лица которых он никогда не видел»³. Поэтому особенности культуры народа являются важнейшим этнодифференцирующим признаком. Подобные признаки не могут быть присущи народу изначально (т. е. генетически) и навеки. Они возникают в какой-то период жизни этноса, развиваются вместе с ним и могут быть утрачены.

По нашему мнению, большое значение в поиске своеобразия системы культуры конкретного этноса имеет анализ жизненной среды этноса: природной, социальной, геополитической.

Единство *природной среды* и человеческого рода, его этнических видов достаточно глубоко раскрыто в мировой

и отечественной науке (Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, С. М. Широкогоров, А. Й. Элез и др.). Однако культурологическая взаимосвязь природы и этноса остается малоисследованной. Это справедливо применительно к большинству этносов, каждый из которых, наряду с общими принципами и закономерностями, формирует свою оригинальную систему взаимосвязи с природой, особый набор технологий для ее преобразования во имя удовлетворения своих потребностей, т. е. для жизни. Приспосабливаясь к природе, преобразуя ее ресурсы в продукты и предметы потребления, народ вырабатывает собственную не только материальную, но и духовную этнокультуру.

Одним из способов систематизации этносов является, по мнению С. М. Широкогорова, этнографическая классификация. Он предлагает различить два метода. Это, «во-первых, классификация по культурным циклам, объединяющим этносы единою культурою, в разной или одинаковой мере воспринятой ими, во-вторых, классификация по степени культурности»⁴. Он вводит понятие «культура этноса». «Культура этноса слагается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что родились... Культура каждого этноса или группы этносов состоит из сложного комплекса технических знаний, общественных институтов, суммы знаний научных и эстетических и религии»⁵.

Определяя объект этнографии, С. М. Широкогоров считает, что «имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека», т. е. его материальную, социальную и духовную культуру⁶. В. Р. Филиппов, рассматривая теорию этноса С. М. Широкогорова, обращает внимание на то, что «этнографическая классификация» на самом деле представляет собой попытку культурной классификации. По его мнению, этнос и культура — отнюдь не одно и то же. Этничность (этнографичность) культуры не представляется бесспорной. Он акцентирует внимание на культуре человека, а не этноса⁷.

Социальная среда жизни этноса, формируясь по общим законам каждого этапа развития цивилизации, отличается своей оригинальной системой, особенной структурой. «Способ

бытия социальной формы деятельности, механизм ее осуществления как общественного отношения в материальном мире и есть культура. Поэтому углубление содержательного и деятельностного единства человека и природы на основе развития человека как субъекта социальной деятельности и социального творчества выдвигается в качестве критерия культурной динамики. Историческое развитие человечества (при любых возможных подразделениях его на отдельные периоды) идет по линии все большего освобождения людей от их изначальной зависимости от природы и их вовлеченности в такую социальную связь, которая опосредуется результатами совокупного человеческого труда, т. е. культуры»⁸.

Д. С. Лихачев писал, что культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства⁹. Логично в связи с этим ввести в исследовательский процесс понятие средовой культуры, подразумевающей проявления специфики социальной этнокультуры во всех сферах общественных отношений: экономических, бытовых, демографических, классовых, политических, духовных и т. п. Взаимосвязь этих сфер и видов отношений также отличается оригинальностью у каждого народа.

В частности, С. Г. Кнабе рассматривает повседневную культуру как элемент средовой культуры. Он обращает внимание на предметы бытового обихода, эстетику костюма, общение с искусством, жизненную среду: «Жизненная среда в не меньшей мере, чем само по себе художественное произведение, становится постепенно реальной формой существования искусства... В XX в. вообще и в послевоенные десятилетия в частности произведение, при сохранении им, разумеется, всей его традиционной роли, все чаще утрачивает автономию и либо само начинает жить как сгусток окружающей жизненной среды, либо раскрывается ей навстречу и впускает ее в себя, делает своим элементом. Процесс этот представлен особенно ясно, например, в столь популярной сегодня средовой архитектуре. Если на протяжении веков архитектор видел смысл своей деятельности в создании прекрасного сооружения, то ныне главная задача все чаще

усматривается в создании не до конца организованной, текучей и изменчивой материально-пространственной среды обитания (или, точнее, пребывания), призванной породить не столько эстетическое наслаждение как таковое, сколько чувство удовлетворения от свободного и естественного включения человека в жизнь и историю. Отдельное произведение архитектурного искусства если и воспринимается, то оценивается не по соответствию канону, а по органичности включения — но не в ансамбль, а в жизненную среду»¹⁰.

Геополитическая среда расселения и характер взаимодействия этноса с ближним и дальним зарубежьем оказывают на его облик существенное влияние. Такое взаимодействие на разных этапах развития этноса меняется, но это постоянный диалог культур (правда, не всегда мирный), средство включения в региональную и планетарную культуру человечества. Методология познания сущности и закономерностей диалога культур народов, его значения в их цивилизованном развитии глубоко раскрыта М. М. Бахтиным. Но он не дал определения феномена «культура». Он неоднократно подчеркивал, что не следует спорить о словах, главное, схватить сущность явления, события. Как отмечает М. С. Глазман, под культурой мыслитель понимал всеобщую категорию, возникающую «не в результате формального обобщения различных явлений, а как выявление всеобщности особенного»¹¹. В. С. Библер подчеркивает, что «Бахтин исходит из историко-культурных, культурологических и философских штудий и концепций, которые были развиты в 20-м веке», что важнейшим фактором культуры для него выступает форма общения людей, «благодаря чему и возможно сближение культур при одновременном их различии»¹². Именно в контексте культуры индивиды могут общаться, невзирая на национальности, возраст, социальное положение.

Бахтинское понимание культуры в аспекте диалога, по В. С. Библиеру, есть «диалог не только неоднозначных подходов, мнений, но и различных культурных исторических слоев, как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого — вступающего в диалог — феномена культуры, образа культуры, произведения культуры»¹³. Ни одно явление культуры не рождается на песке, своим основанием оно уходит в далекое прошлое, и только в таком случае его значение будет непреходящим, поскольку «все,

что принадлежит только к настоящему, умирает вместе с ним»¹⁴. М. М. Бахтин отмечает, что, обращаясь к прошлым пластам культуры, мы тем самым хотим воскресить из небытия идеи, смыслы, образы, могущие выполнить роль «ариадниной нити» в лабиринте современных проблем, сомнительных чаяний. «Смысловые явления, — утверждает он, — могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох»¹⁵.

Р. И. Александрова выделяет четыре аспекта методологии М. М. Бахтина применительно к культуре. Во-первых, философ призывает «диалектически понять единство многообразия в сфере культуры. И не только понять, но обеспечить это общечеловеческое единство. Такая задача поставлена самой историей человечества, в особенности современной эпохой, которую справедливо называют эпохой глобальных проблем. Анализ этих проблем требует в свою очередь ответа на следующие вопросы: есть ли общие черты между культурами, отдаленными друг от друга тысячелетиями; и существует ли некое основополагающее начало у культур разных народов в одну и ту же эпоху и в то же время отличия их вследствие различных политических, идеологических структур, природных условий, уровня развития цивилизации и т. д.»¹⁶. Во-вторых, все сферы культуры получают свою значимость, единство только в соприкосновении с Человеком, Личностью. Культура не может существовать вне личности. Она призвана гармонизировать сферу отношений человека и социума, человека и космоса, взятых безотносительно ко времени и пространству. В-третьих, личностный аспект проблемы духовной культуры требует анализа отдельных ее сторон: негативных явлений в сфере духовного состояния личности, таких как «болезнь» языка, разрыв между образованием и подлинной образованностью, культурностью, негативное отношение к культуре прошлого, других народов; положения науки, образования, искусства в условиях рынка, многопартийности, деидеологизации; возможного возрождения общечеловеческой культуры, определения ее критериев и путей; роли религии в жизни современного человека, возможности духовного возрождения личности только на путях религиозного сознания. В-четвертых, аспект, связанный с развитием феномена культуры в творчестве Бахтина, пред-

полагает взаимодействие мира культуры с миром бытия, жизнью общества. Они могут не совпадать друг с другом из-за ряда обстоятельств.

Вывод, к которому приходит Р. И. Александрова, заключается в том, что идея непрерывности культурно-исторического процесса, высказанная Бахтиным, актуальна в современных условиях в теоретическом и практическом отношениях. «В ней сделан акцент на укорененность культурной современности в культурной истории»¹⁷.

Особую методологическую сложность имеет анализ истории развития культуры народа. Главная трудность при этом — раскрытие диалектики поступательной взаимосвязи традиционного и нового в культуре этноса. Разумеется, изучение истории культуры народов — дело вовсе не новое. Наука накопила в этом отношении огромный опыт. Но было бы преувеличением считать, что у современных историков культуры нет методологических проблем, без решения которых невозможно обеспечить высокий уровень исследований. На наш взгляд, дискуссии вокруг точки зрения Гумилева на возникновение и развитие этносов¹⁸ дают основание считать, что современная историческая наука еще не выработала общепризнанной методологии определения критериев «рождения» и «продолжительности жизни» этноса и его культуры. Одним из вариантов такой системы критериев, по нашему мнению, можно считать критерии «самоопределения» сообщества людей по отношению к природной среде обитания и по отношению к другим сообществам людей. Самоопределение сообщества людей в этнос предполагает обретение коллективной способности к «самовыражению» в относительно локальной среде обитания.

Поиск «природного» и «социального» в этносе, их диалектической связи позволит ответить на вопрос «Что обеспечивает долговечность в традициях: природное или социальное?». Вяч. И. Иванов полагает, что человек — часть природы и рожден природой. Но социализация человека происходит в системе социальных отношений. Этнос представляет собой сообщество людей. Поэтому в этнос органично и диалектически включены и природные, и социальные элементы¹⁹. Важным критерием «рождения этноса» является его длительная устойчивость к внешним воздействиям. Каждый этап развития этноса в области культуры знаменуется

«сменой поколений». Механизм смены действует на стыке традиционного и нового. Традиционная культура, составляя стержень технологической структуры цивилизационного развития этноса, обеспечивает ему преемственность. Вместе с тем, систематически обновляясь, она укрепляет свои позиции. По нашему глубокому убеждению, уровень традиционного измеряется не столько временем функционирования, сколько своеобразием, выражающим существо той или иной этнокультуры.

Таким образом, методология изучения этнокультуры представляет собой сложную систему, главный смысл которой состоит в том, чтобы, используя совокупность принципов и методов, предельно объективно отразить специфику культуры этноса в ее историческом развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: URL: <http://gentlehood.ru/heroes/dmitriy-lihachev> (дата обращения: 13.01.2014).

² Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин. М.: Худож. лит., 1986. С. 121—122.

³ Юрченкова Н.Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2002. С. 4.

⁴ Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Изв. вост. фак-та Гос. Дальневост. ун-та. Вып. XVIII. Т. I. Шанхай, 1923. С. 43.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ См.: Филиппов В.Р. «Теория этноса» С.М. Широкогорова // Этнопаранама. 2005. № 3—4. С. 49.

⁸ Воронина Н.И. Теоретическая культурология: учебник: в 2 ч. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2006. С. 27.

⁹ См.: Лихачев Д.С. Культура как целостная среда. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach.html (дата обращения: 13.01.2014).

¹⁰ Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Г.С. Кнабе. Избранные труды. Теория и история культуры. М.: РОССПЭН, 2006. С. 54.

¹¹ Глазман М.С. Проблема «специфики» эстетического в творчестве Бахтина // Эстетика М.М. Бахтина и современность. Саранск, 1989. С. 6—7.

¹² Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. М., 1991. С. 292—293.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 350.

¹⁵ Его же. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984—1985. М.: Наука, 1986. С. 82.

¹⁶ Александрова Р.И. Нравственная философия и творческое наследие М.М. Бахтина. Саранск, 1995. С. 99.

¹⁷ Там же. С. 98.

¹⁸ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990. 528 с.

¹⁹ См.: Иванов Вяч. И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. 428 с.

Поступила 13.02.2014.

P. D. Minichkin. Methodological and Theoretical Fundamentals of the Study of the Spiritual Culture of an Ethnic Group

Increased attention to ethnic culture, its history, its current state, trends and prospects of development is a natural process of the 21st century typical not only for Russia but for the whole civilized developed world. Adequately to the trend of internationalization, the trend of «ethnic revival» is growing. These processes serve as a manifestation of common regularity of development of the global civilization, the essence of which is in constant dialogue of the national and the international. As a result of this dialogue, human material and spiritual cultures are transforming being filled with new content.

In implementation of research of the ethnic culture, it is not enough to follow only the general principles of methodology and theory. The «particular» methods are also important in it. High priority should be given to finding the specificity of the ethnic culture of a particular people. An important aspect of the methodology of cultural studies is associated with the disclosure of the reasons, the «origins» generating a unique system of ethnic culture, in which utterly important is the analysis of the living environment of the ethnic group: natural, social, geopolitical. It is logical to introduce to the research process the concept of «environmental culture», denoting manifestations of the specificity of social ethnic culture in all spheres of public relations: economic, everyday, demographic, class, political, spiritual, etc.

Each stage in development of an ethnic group in the cultural field is marked by a «generational change». The change mechanism operates at the intersection of the traditional and the new. Traditional culture, constituting the core of the technological structure of civilizational development of an ethnic group, ensures its continuity. However, being regularly updated, it strengthens its grounds. The level of the traditional is measured not so much by the time of operation, but by originality, expressing the essence of a particular ethnic culture.

MINICHKIN Pavel Dmitrievich, Postgraduate at the Department of Design and Advertising, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

А. В. ЛЕБЕДЕВ

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТА «СОТВОРЕНИЕ МИРА»
В КУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ,
БАВИЛОНСКОЙ И ФИННО-УГОРСКОЙ
МИФОЛОГИИ)**

Ключевые слова: Библия, сотворение мира, вавилонская мифология, мордовский эпос, христианизация, лингвокультурология, компаративность

Key words: Bible, creation of the world, Babylonian mythology, Mordvin epic, Christianization, culture-oriented linguistics, comparativeness

В статье рассматривается сравнительный аспект концепта «сотворение» библейских сюжетов, вавилонской и мордовской мифологической картины мира, прослеживаются параллели и взаимопроникновение культур разных эпох.

The paper considers the comparative aspect of the concept of «creation» in biblical stories, in the Babylonian and the Mordvin mythological pictures of the world; parallels and interpenetration of cultures of different ages are retraced.

Людей издревле волновали вопросы сотворения, обустройства мира, своего места в системе бытия. Особой формой выражения сознания и чувств древнего человека выступает миф, специфика которого наиболее четко проявляется в первобытной культуре, когда мифы приравнивались к науке, представляя цельную систему, в терминах которой не только описывается, но и воспринимается мир. Мифические события были «кирпичиками» мифической модели мира, которая включает богов, природу, человека и мир культуры. Наиболее распространенный образ модели древнего мира предстает в виде Мирового древа, которое делится на три сакральные зоны по вертикали: нижняя — корни (земля и подземелье); средняя — ствол (надземная атмосфера); верхняя — ветви и крона (небо). В эти же зоны древа входит

ЛЕБЕДЕВ Антон Валерьевич, старший преподаватель кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета, кандидат культурологии.

и представление человека о времени, прошлом, настоящем и будущем, дне и ночи, зиме и лете. Будучи связанным своими зонами с предками, нынешним поколением и потомками, древо во всех мифологиях обладает сакральной сущностью и рассматривается как «ось мира», связывающая три его уровня.

Повествования о сотворении мира являются ярким примером взаимопроникновения вавилонской и библейской культур. Между деталями рассказа о начале бытия в Священном Писании и книге «Энума Элиш» можно найти немало параллелей. Обзор отличительных черт концепта «сотворение мира» в вавилонской и библейской картине мира постараемся представить в виде таблицы:

<i>Библия, книга Бытие</i>	<i>Энума элиш</i>
Бог представляется как конечный источник власти и силы, превосходит творение	Конечным источником власти и силы являются магические заклинания, боги при этом подчинены природе (III. 101; IV 1—26, 91)
Организованное описание сотворения, систематическое повествование обо всех сферах природы	Не включает рассказ о сотворении растений, животных и света — существование их только подразумевается. Луна и звезды являются творением, в отличие от Солнца (V. 2—22)
Цель творения: прославление Бога и признание Его как Творца. Признание Его власти и первичности во всем	Цель творения: несущественная, случайная. Гимн Хвалы Мардуку как самому могущественному богу (VI. 100)
Сотворение начинается прежде, чем все существующие на сегодняшний момент вещи начали быть (Быт. 1:1). В процессе творения Бог дает имена всему сущему (Быт. 1:5, 8, 10)	Сотворение начинается до того, как небеса и земля были названы. При этом творение происходит из чего-то прежде существующего (I. 10)
Сотворение начинается с первозданной бездны (евр. <i>tehom</i> — Быт. 1:2)	Сотворение начинается с бездны — пресной воды («Апсу») и соленой воды («Тиама» — родственное <i>tehom</i>) (I. 3)
Сотворение раскрывается в определенной временной последовательности, через структуру из 7 дней (Быт. 1:5, 8, 13)	Хронологическая структура («дни») отсутствует
Сотворение посредством слов Бога (Быт. 1:3, 6, 9, 11, 20)	Творение из предсуществующей материи (IV. 137—140; VI. 33)

Продолжение таблицы на стр. 252

<i>Библия, книга Бытие</i>	<i>Энума элиш</i>
Воды внизу и наверху отделены друг от друга твердью (Быт. 1:6—8)	Труп Тиамата разделен надвое и превращен в воду внизу и наверху (IV. 137—140)
Человек сотворен для господства над творением (Быт. 1:8)	Человек сотворен, чтобы служить богам и облегчать из труд (VI, 8, 34)
Человек сотворен из праха земного (Быт. 2:7)	Человек сотворен из крови убитого героя Кингу (VI. 33)

На основе проведенного анализа можно сделать предположение о существовании некоего «прамифа», более древнего взгляда на сотворение, который позже сформировал вавилонские и библейские концепты. Параллели с библейской картиной мира также прослеживаются и в мордовской мифологии, которая представляет собой совокупность религиозных верований финно-угорских народностей мокша и эрзя, основанных на культе женских божеств, подвергшихся влиянию древних традиций (индоиранской, восточнославянской), опирающихся на такие мировые религии, как ислам и христианство. Мордовская мифология берет свое начало за 2—3 тыс. лет до н. э. Это одна из ветвей финно-угрии, что подтверждается общностью мифологических сюжетов. Примечательно, что в XIX в. П. И. Мельников-Печерский собрал и литературно обработал мифы мордвы, а финский ученый Уно Хольмберг (Харва) в начале XX в. исследовал их религиозные взгляды¹.

Отметим, что образцы мордовской мифологии представлены устным народным творчеством, некоторыми обрядами, а впоследствии и многими письменными произведениями. Мифологическая картина мира мордвы состоит из трех составляющих. Это небо, земля, подземный мир, которые соединены мистической березой — келу. Плоская круглая или четырехугольная Земля, омываемая мировым океаном, изображается в виде ковша или чаши и располагается на белой рыбе (белуге) или на трех рыбах (белуге, осетре, севрюге), которые, двигаясь в разных направлениях, создают равновесие в мире и охраняются богиней Равой (Волга). Верховный бог Чи-паз (мокша), Чам-паз (эрзя) представляет собой существо неопределенного пола, которое творит человека: у эрзи — из глины, а у мокши — из древесного пня. Кроме того, в мордовской мифологии преобладают женские божества, выступающие в человеческом (антропоморфном),

животном (зооморфном), растительном или смешанном (гибридном) облициях. Так, по представлениям мордвы, в древние времена на земле жили люди-птицы, люди-кони, люди-рыбы, люди-медведи, люди-пчелы, которые явились зооантропоморфными предками некоторых человеческих родов.

Поклонение божествам выражалось в жертвоприношениях, молитвах по отношению к добрым богам и в заклинаниях — к злым. Пантеон мордовских языческих божеств состоял из небесных — главный бог Шкай (мокша), Нишке (эрзя), мать богов Анге Патяй (мокша, эрзя), Микула (мокша), Микула-паз (эрзя) — языческий праобраз Николая Чудотворца, божество солнца Чи-ава, божество луны Ков-ава, гром Пургине-паз и др.; земных — богиня земли Масторонь кирди (мокша), Мастор-ава (эрзя), покровительница села Вель-ава (мокша, эрзя), богиня поля Пакс-ава (мокша), Пакся Сярко (эрзя), богиня леса Вирь-ава (мокша, эрзя), покровительница дома, семьи Куд-ава (мокша, эрзя), божество хлева и скотного двора Кардаз-ава (мокша, эрзя) и др.; подземных — злой дух Шайтан (мокша), Идемевсь (эрзя), злые духи — его помощники. Мифологическая символика мордвы проявилась в эпических песнях о противостоянии коня и сокола, где сокол выступает символом охоты, а конь — символ земледелия — всегда побеждает. Огонь имеет двойное значение разрушителя, смерти и света, тепла, а свеча означает продолжение рода, плодородие. Вода — символ очищения, береза — плодородия, женского начала, яблоня — красоты, гармонии².

Подобно библейскому повествованию, космогонические мифы мордвы связывают идею сотворения мира с возникновением Земли и являются геоцентричными. Верховный бог сам или при помощи злого духа достает кусок земли или песок со дна океана, превратившись в утку. Существует и сюжет о сотворении мира Великой птицей Ине Нармонь (мокша), Ине Нармунь (эрзя), несущей мировое яйцо, из которого возникает Земля. Из скорлупы появляется небесная и подземная твердь, а Небо, Солнце, Луна образуются после сотворения Земли. Великая птица Ине Нармонь сносит яйцо: из желтка возникает земля, из скорлупы — подземный и небесный миры. Согласно другому мифу, птица высидывает три яйца на древе Мира — березе или дубе. Из одного

яйца появляется жаворонок — покровитель земледелия; из другого — соловей, символизирующий дом и домашнее хозяйство; из третьего — лесная птица кукушка. Согласно мифу, из трех яиц выводятся три матери — богини поля, ветра и леса. Верховный бог бог Чи-паз творит Вселенную, а затем тридцать лет спит на земле под Мировым деревом в отличие от библейского Бога (один год). За это время Мировое древо вырастает, подземные воды заполняют овраги и ямы, которые становятся озерами. Место, где спал бог, заполняется водой и превращается в р. Суру. Бог проспал в кроне древа еще тридцать лет, затем раздавил яйцо, снесенное птицей-демиург, из которого появилась богиня плодородия Анге-патяй.

Отметим, что книга Бытие начинается с описания бездны, где Дух Святой носился над водой, в Новом Завете (2 Пет. 2:5) указывается, что «небеса и земля составлены из воды и водою». Здесь можно провести параллели с еще одним мордовским мифом, где рассказывается о том, что, когда на свете не было ничего, кроме воды, Высший бог Чам-паз плыл на камне по океану и размышлял о сотворении мира, которым он будет управлять. Он скупал без товарища и из его плевка вышел шайтан, который мечтал создать свой мир. В противодействии их возникло все на Земле. Из камней бог сотворил звезды и Млечный путь. Загробный мир, или преисподняя, по верованиям мордвы, является областью тьмы, куда не заглядывают солнце и ветер. Шайтан вредил богу во всех его творениях: на чистый небосвод он напустил темные тучи, но бог дал плодородный дождь; на поверхность вод Шайтан выпустил ветры, но бог построил лодку, сшил парус и научил людей судостроению; в горы бог поместил драгоценные камни и металлы, а из камней Шайтана научил людей делать мельничные жернова; овраги бог наполнил водой и из них потекли реки; засадил землю прекрасными деревьями, но дьявол повалил их; бог научил людей пахать землю и косить траву; Шкай сотворил скот, Шайтан — хищных зверей. За злобу и гордыню Чам-паз проклял Шайтана и навсегда заточил его под дно морское. Снова прослеживается параллель с библейским сюжетом, где Дьявол низвергается Богом с небес. Каменная лодка в водах первичного океана является типичным мотивом в дуалистических легендах у финно-угров о равноправии

двух творцов мира — бога и дьявола (шайтана). Плевком, из которого возникает шайтан, напоминает о происхождении нечистой силы в карельской и финской мифологии. Восхождение к христианским апокрифам выражается в традиции плевать через левое плечо, т. е. плевать на дьявола³.

В представлениях эрзи сохранился другой миф о сотворении мира, имеющий общее с христианскими верованиями, Высший бог Вере-паз создал небо и землю, выпустил в мировой океан трех рыб, на которых держится земля: севрюга — на востоке, осетр — в центре Вселенной, белуга — на западе. Бог сотворил человеческий род, насадил леса, зажег свою свечу — зарю, которая освещает землю светом. Поэтому у мордвы запрещается закрывать солнечный луч, так как можно сломать ногу божеству; нельзя плыть через отражение солнца в воде, так как веслами можно задеть бороду бога. Сам бог может превращаться в голубя, лебедя, орла, ласточку, волка, быка, коня, зайца, медведя, при этом лебедь является его любимой птицей — небесным посланцем. Интересно, что Богиня-мать Анге-патяй в мифах эрзи была сотворена Чам-пазом и является богиней плодородия. Из своего дома она посылает жизнь на землю вместе с росой, дождем, снегом, молоком. Богиня обитает в своем небесном доме в образе прекрасной девы (влияние христианского культа Богородицы), а на земле появляется в виде старухи-богатырши, в образе большой птицы с золотым хвостом и клювом, просыпая на землю семена или в образе голубки, которая бросает цветы пчелам для сбора меда и хлебные крошки курам. Из животных богиня любит больше других овцу и свинью, потому что они наиболее плодовиты. Среди растений Анге-патяй предпочитает просо и лен, так как они дают много семян. Анге-патяй — покровительница родов и рожениц, посылающая большое потомство. Пряде-ние связано с символикой рождения и надления судьбой. Христианская Богородица тоже пряла, когда к ней явился ангел с Благовещением; у разных народов пряжи пряли нити судьбы как греческие мойры, скандинавские норны, волшебные девы эстонского фольклора. Мокша почитали богинь-матерей (ава), старшей из которых считалась Азор-ава, т. е. «госпожа (хозяйка) — мать». В мифологии мордвы известны были и духи-отцы — «атя или кирди», т. е. «хозяева»: Ведь-атя — «отец воды», Вирь-атя — «отец

леса», Варма-атя — «отец ветра», Тол-атя — «отец огня», Мода-атя — «отец земли», Велень кирди — хозяин села, Кардаз-сярко — домовый.

Под влиянием христианства у мордвы возникли свои представления о святом семействе: боге-отце Чам-пазе, богине-матери Анге-патяй и их сыне Нишке. Чам-паз послал Нишке на землю, чтобы он покровительствовал людям и пчелам и пока Нишке жил на земле, бог выполнял все просьбы людей, а сам Нишке учил людей добру и мастерству. Шайтан уверил людей, что он — не сын божий и хочет лишить их веселой жизни, отучая от пьянства. Убив Нишке, они увидели, что он — действительно сын бога, так как после смерти он на крыльях вознесся на небо. Приняв христианство, мордва привнесла свою ментальность: иконы именовались по мордовской традиции «паз-ава» — «божья мать». Богиня Анге-патяй отождествлялась с Богородицей — матерью Нишке или с повивальной бабкой — апокрифической Саломеей. В процессе христианизации в фольклоре были переосмыслены многие мотивы христианской мифологии: о мордовской троице — Нишке, Николе (Никола-паз или Матор-паз — бог земли) и Норов-пазе, сидящих на Мировом древе и раздающих долю-счастье.

Фольклористика и мифология Античности стали основой для формирования национальных языков и литературы в эпоху Средневековья и Возрождения, отражающих своеобразие исторического развития и специфику национального характера. По своей художественной природе мордовская мифология ближе всего к греческой и финской, где также органически переплетены миф и героическая песня, боги и люди действуют совместно, доминирует созидание. Сюжеты и герои мордовского героического эпоса являются отражением представлений народа о мироздании, его мифологических и исторических воззрений, относительно понятий «идеальный царь» и «государство», эстетических и нравственных взглядов. Героический век мордвы связан с формированием раннеклассовых отношений, охватывает IV—IX вв. н. э. и продолжается в X—XIII вв. По мнению Е. А. Федосеевой, «характер эпохи обусловил и характер эпического героя, которым стал сын или потомок божества и смертного человека, призванный выполнять волю неба на земле, упорядочивать жизнь людей, установить закон, справедливость, преодолеть

вая первобытную стихию»⁴. Действительно, в мифологии и религиозных воззрениях каждого народа проявляется национальное своеобразие, отражается его история, культура, быт, язык, особенности мирозерцания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Маскаев А.И. Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. С. 308.

² См.: Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород, 1994. С. 134—138.

³ См.: Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. С. 24—34.

⁴ Федосеева Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2007. С. 112.

Поступила 17.07.2014.

A. V. Lebedev. Representation of the Concept of «Creation of the World» in Cultures (Case Study of Biblical Stories, Babylonian and Finno-Ugric Mythology)

From the earliest times, people were interested in the issues of creation of the world and in their place in the system of existence. Myth is a special form of expression of consciousness and feelings of the ancient man. Its specificity is most clearly manifested in the primitive culture when myths were equated with science representing an integral system in terms of which the world was not only described, but also perceived. Mythical events were the «bricks» of the mythical model of the world, which included gods, nature, man and the world of culture. It is in mythology and religious beliefs of every people, that its national identity is manifested, its history is reflected, as well as its culture, way of life, language, and features of the world outlook.

Narrations about the creation of the world are a striking example of interpenetration of the Babylonian and the Biblical cultures. One can draw a lot of parallels between the details of the narrative of the beginning of existence in the Holy Scripture and in the book of «Enuma Elish». Parallels with the biblical picture of the world can also be found in the Mordvin mythology, which is a set of religious beliefs of the Finno-Ugric peoples of Moksha and Erzya based on worship of female deities, influenced by ancient traditions (Indo-Iranian, Eastern Slavic), rested upon such world religions as Islam and Christianity.

LEBEDEV Anton Valerievich, Candidate of Culturology, Senior Lecturer at the Department of the English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Д. М. ДОБАТОВКИН

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕТВОРЕНИЯ
МОРДОВСКОГО ФОЛЬКЛОРА
В ПЕРВОМ КОНЦЕРТЕ
ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ С ОРКЕСТРОМ
Л. И. ВОИНОВА**

Ключевые слова: жанр концерта, балалайка, композитор Л. И. Воинов, мордовский песенный фольклор, анализ музыкального содержания, драматургия

Key words: genre of concerto, balalaika, composer Voinov, Mordvin song folklore, analysis of music content, dramatic works

Дан анализ музыки Первого концерта для балалайки с оркестром мордовского композитора Л. И. Воинова. Выявлены приемы и средства композиции, которые позволили ему претворить в музыке особенности национального фольклора.

The paper presents an analysis of music of the First Concerto for Balalaika and Orchestra written by a Mordovian composer Leonid Voinov. Ways and means of composition which allowed the composer to convert features of ethnic folklore into music are exposed.

Жанр концерта всегда был плодотворной почвой для воплощения художественного мастерства композиторов, привлекая их возможностью реализации творческого потенциала и раскрытия музыкального содержания. В связи с этим важно выявить типичные и общезначимые черты и средства, необходимые для развития жанра балалаечного концерта. Ведь любой «творческий замысел требует поисков способов его художественного воплощения»¹. Тем самым можно проследить за развитием творческого кредо композитора, приблизиться к раскрытию его мировоззрения.

Можно считать закономерным явлением само обращение большинства авторов в своих произведениях к национальным истокам, что в полной мере можно корреспондировать и к

ДОБАТОВКИН Дмитрий Михайлович, старший преподаватель кафедры оркестрового дирижирования и оперной подготовки Саратовской государственной консерватории (академии) им. Л. В. Собинова.

творчеству известного мордовского композитора Леонида Ивановича Воинова (1898—1967), в первую очередь к его концертам для балалайки.

Возникший в тяжелое военное время и в сложный период послевоенного восстановления страны, Первый концерт Воинова во многом определил немаловажное значение этого жанра в развитии национального мордовского искусства, что стало определяющим фактором возрождения жанра как феномена, отражающего народное мировоззрение и вместе с тем представляющего своеобразный синтез разных музыкально-стилевых направлений. Иными словами, с одной стороны, Воинов, будучи незаурядным исполнителем-балалаечником, внедрил и адаптировал в мордовской музыке русскую балалайку, с другой — обогатил балалаечный концерт мордовскими интонациями. В его концерте не наблюдается фундаментальности формы, не достигается мощь звучания, поскольку замысел произведений иной: в сжатых, лаконичных, подчас миниатюрных частях Первого концерта и в более развернутых разделах Второго просматривается глубинная идея объединить народное творчество с академическим искусством, что преемственно продолжает традиции русских композиторов-классиков — М. И. Глинки, М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, а также С. Н. Василенко, одним из первых создавшего наилучший образец концерта для балалайки с оркестром уже в советское время.

Концерт № 1 (D-dur) для балалайки с оркестром русских народных инструментов был создан Л. И. Воиновым в 1944—1945 гг. По словам музыковеда Н. И. Бояркина, произведение «отличается зрелостью мысли, логичностью и стройностью драматургического развития»². По воспоминаниям очевидцев, этот Концерт был «живым»: Воинов свободно распоряжался музыкальным материалом, периодически внося изменения в тот или иной фрагмент, меняя мелодический рисунок или полностью обновляя тематизм. В связи с этим в качестве объекта исследования мы выберем тот вариант Концерта № 1, который постоянно экспонируется в Доме-музее Л. И. Воинова (г. Темников, Мордовия).

Концерт состоит из трех частей, тематизм которых основан на народных мордовских мелодиях.

Первая часть, не имеющая вступления, сразу начинается с показа темы главной партии, проходящей в оркестре

торжественно-эпической поступью. Тема не обладает особой рельефностью, но ее мелодия в оркестровом изложении заключает в себе большую внутреннюю силу и обладает богатырским размахом. Однако в дальнейшем изложении темы ее характер приобретает лирико-эпические черты, мелодия наполняется широтой и напевностью. В основе ее лежит традиционная эрзянская историческая песня «*Виш-кинене од цера*» («Юноша в полон попал»)³.

Пример 1

Мелодика темы, начатая с терцового тона главной тональности (D-dur) и неоднократно возвращаемая к нему, словно подчеркивает особую значимость этого тона (тот же терцовый элемент является частью построения фигурации в партии солирующей балалайки). Довлеющая терцовость, не свойственная, например, русской народной песенности с присущей для нее квинтовостью и тяготениями к тоническому устою, придает музыке темы романтический оттенок. Ритмическая сторона отличается преобладанием мерных четвертных длительностей. Однако проведение мелодии в оркестре проходит на фоне сопровождающего полонезного ритма. Сочетание семичетвертного размера с помпезно-танцевальной ритмической фигурой вносит в музыку главной темы неповторимую оригинальность — эпическую широту и монументальность. Среди преобладающей функции тонической гармонии кратковременное (двухтактовое) введение плагальности на субдоминанте (G-dur) создает иллюзию развития, вносящего ощущение свежести. Тот же функциональный срез дает в оркестровом показе темы эффект микротрехчастности: $aa^1 (2+1) + b (2) + a^2 (2)$.

Пример 2

Музыкальный пример 2: оркестровое сопровождение главной темы. Включает введение пиано и четыре системы нотации для оркестра. Темп обозначен как Moderato assai.

Отсутствие вступления и проведение главной темы в партии оркестра отвечает известным стандартам: строение I части Концерта опирается на общезначимые для исторического развития музыкального мира традиции венских классиков. Одной из особенностей является тот факт, что солирующая балалайка не сразу демонстрирует тему, а вступает с фигурационных аккордов, поддерживающих ее мелодическое начало, которое продолжает свое звучание в оркестровом изложении. Такая схема фактурного развития сходна с началом Первого фортепианного концерта П. И. Чайковского. Аккорды, возникающие сначала как заполнение мелодии и словно ненароком совпадающие с ее интонационной канвой, органично продолжают «линию своей жизни».

«Волнообразные» арпеджированные фигурации, пришедшие на смену полонезному ритму вступления, знаменуют другое настроение: торжественность сменяется успокоением. Звучание темы в партии оркестра на слабой динамике (*p*) позволяет говорить о ее двойственной роли: она совмещает как бы две функции, являясь одновременно и темой, и фоном. Развитие главной темы в экспозиции ознаменовано сменой тональностей $D - A - fis - E$, что происходит на фоне синкопированного ритма в сопровождении. Уже здесь

наблюдается синхронная разработка двух тематических элементов: упомянутого терцового тона (у солиста) и восходящих восьмых (у оркестра). Вторая (побочная) тема песенного склада и тоже народного плана, звучащая в тональности минорной доминанты (*a-moll*), рисует лирический образ.

Пример 3

Тревожные нисходящие малосекундовые интонации плача, прослеживающиеся в бурных фигурациях шестнадцатыми в оркестровом сопровождении, насыщают мелодию солирующей балалайки беспоконьем и внутренним трепетом. В основе бурлящего фактурного фона лежит имитационное развитие однотипной хроматической интонации, данной в нисходящем движении. Интонационно мелодический рисунок темы напоминает эрзянскую народную песню «Вай, верьга, верьга» («Ой, высоко, высоко»)⁴.

Пример 4

В первой части концерта следует отметить преобладание главной темы над побочной, что в целом характерно для концертного жанра. *S-dur'*ный фрагмент основной темы, начинающий разработку, и дальнейшее тональное сопоставление *D — Es* проясняют общее настроение, внося в него нотку свежести и делая намек на переломный момент, который, впрочем, так и не наступает. Но небольшая конфликтность, присутствующая в следующем разделе разработки и построенная на мотивах побочной темы, создает момент драматического накала, оставляя центром внимания главную тему.

Важным звеном представляется синтез мотивов основных тем, усиливающий лирический настрой музыки всего концерта, но не получающий в дальнейшем драматургическом развитии своего подтверждения. В каденции достигается тот же важный момент синтеза, что и в разработке — соединение обеих тем. Кода основана полностью на начальном фрагменте первой темы, чем вновь доказывается ее доминантное значение. Здесь же имеется ритмический рисунок (две шестнадцатых и восьмая), характерный для народных балалаечных наигрышей, зеркальное отражение которого будет иметь место в финале Концерта (восьмая и две шестнадцатых).

Вторая часть написана в форме вариаций на тему мокшанской народной песни «Тяпяленга сидя кальхть» («В этой стороне частый ивняк»)⁵.

Пример 5

Ассоциирующаяся с лирическим пейзажем, шеститактовая тема вариаций, по утверждению Н. И. Бояркина, представляет веснянку⁶. Однако по характеру музыки она больше напоминает жанр колыбельной со свойственными ей повторами (два последних такта), создающими эффект успокоения, баюкания. В данном случае композитор специально находит и включает в развитие концерта мелодию с противоположным вектором движения: тема

Andante содержит нисходящий тетрахорд, противоречащий восходящему тетрахорду из начальной темы первой части. Тем самым образуется контраст, нивелирующий жанровую монотонность.

Пример 6

Тема, дважды проводимая в оркестре и варьируемая с помощью фигураций, в партии солиста интонационно почти не меняется, постоянной трансформации подвержены лишь оркестровые подголоски, перемежающиеся с вариациями у солирующей балалайки. Однако солирующей ее можно назвать лишь условно, так как, теряя функции лидера, она выступает в качестве одного из голосов оркестра. Этот же принцип организации встречается в III части Концерта. После 4-й и 9-й вариаций композитор вводит небольшие каденционные эпизоды, отделяющие *a-moll'*ные вариации от других, проходящих в родственных тональностях: *a — d — e — E — a*. Иными словами, *a-moll'*ные вариации обрамляют средние, «событийные» части, за счет такой группировки выстраивается своеобразная трехчастность. В 4-й вариации каноническое проведение темы в партии оркестра на фоне «неспокойных» фигураций у солирующего инструмента создает ощущение взволнованности, что находит продолжение в триольных ритмах балалайки в 6-й вариации и оркестра в 7-й вариации. Именно эта вариация является динамическим центром развития всей части. Оstinатная фигура 8-й вариации олицетворяет отголоски произошедших «событий», а «разреженная» остинатность 10-й вариации подводит итог развитию всей части.

После пребывания в разных тональных сферах второй части финал возвращает нас к основной тональности кон-

церта — *D-dur*. В третьей части используются две народные мелодии: мокшанская народная песня «*Кштема мора*» («*Танец-песня*») ⁷ и напев в обработке Л. П. Кирюкова «*Якань, якань, ялганякай*» («*Гуляла, гуляла я, подружка*») ⁸:

Пример 7

Пример 8

Мокшанская песня «*Кштема мора*» дана в сборнике Л. П. Кирюкова в двух вариантах, оба из которых используются Л. И. Воиновым в финале Концерта: I вариант в качестве рефрена, II вариант — в первом эпизоде, точно его повторяющем по мелодической линии и сходным с русской народной песней «*Во поле береза стояла*», на что указывает Н. И. Бояркин ⁹. Тема эпизода подвергается варьированию.

Пример 9

Пример 10

The image shows a musical score for Example 10. It consists of three systems of music. The first system has a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The second system continues the piano accompaniment. The third system has a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff. The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The music features a mix of eighth and sixteenth notes, with some rests and dynamic markings.

Композитору удастся синтезировать в разработке финала формы разного плана: рондо с чертами сонатной формы и вариации, в которых способ развития ведущей темы основан на принципе мотивного вычленения. В первом показе мелодии сразу же получает развитие «выхваченный» мотив-интонация из второго такта. Беря начало в партии солиста, этот мотив секвентно развивается и, подхватываемый оркестром, создает эффект праздничного настроения; подчеркнутые тонико-доминантовые тяготения органично синтезируют все три образные сферы финала.

В финале интересно выстроено варьирование основной темы: после показа трехтактового тематического фрагмента у оркестра в измененном виде трижды предстает тот же фрагмент в партии солиста, что нарушает ощущение квадратности. Хотя развитие финала базируется прежде всего на теме «Кштема мора», претерпевающей различные изменения, в нем прослеживается взаимодействие мотивных элементов сразу двух народных тем, проводимых в *h-moll'e* и *fis-moll'e*: «Кштема мора» и «Якань, якань, ялганякай». Такой синтез способствует выявлению специфических черт в обеих мелодиях, что можно понимать как воплощение полярно-противоположных образов, подобных двойственным жизненным ситуациям амбивалентного плана, когда радость совмещается с грустью.

Вслед за кратким модуляционным оборотом мелодия мокшанской песни в партии оркестра звучит несколько неожиданно (*d-moll*). Во время эпизодической вариации ее

напева у солиста в оркестре подголоском проходит мелодия, предвещающая тему «Якань, якань...», вводимую в середине финала, что имеет большое значение для драматургического единства всей части.

По сравнению с напевом песни из сборника Л. П. Кирюкова, в музыке Концерта вторая тема финала имеет иное окончание, повторяющее песенное начало, тем самым мелодия ее обрамляется. Композитор бережно сохраняет модулирующую часть песенного напева, оставляя его завершение в тональности минорной доминанты.

Подготовка и дальнейшее развитие побочной темы народного плана, медленной и широко распевной, напоминающей протяжную песню (*h-moll*), происходят на фоне оstinатных фигур, перетекающих из партии солиста в голоса оркестра и звучащих на фоне выдержанного баса, что придает II и III частям композиционно-драматургическое единство. Трижды проводимая тема у оркестра, солиста и вновь оркестра (во временном разрезе это пропорционально вариационному разделу, строящемуся на основной теме) образует суммарно три небольших части в разных тональных сферах (*fis*, *d*, *D*). Побочная тема звучит в неизменном виде, варьируется лишь фигурационное «окружение» вокруг нее, такой прием своего рода «остинатности» также цементирует всю композицию Концерта. В *d-moll'*ном разделе на фоне темы-противопоставления варьируется основная тема в партии солиста, а в последующем эпизоде в одноименном мажоре медленная тема проходит уже без солирующего инструмента, чем подчеркивается временное господство побочной темы.

Кода, утверждающая радостные настроения главной темы, порученной партии солиста, полностью построена на ее материале. Несмотря на разный содержательный акцент I части и финала, обе части обладают чертами сходства, которые передаются тональностью, темпом, интонационной близостью тематического материала.

Таким образом, народное начало выражено в Концерте сугубо фольклорными мелодиями, взятыми композитором из сборников мордовской народной музыки, большая часть которых принадлежит эпическому типу экспонирования. Принципы развития песенно-танцевального материала традиционны и унаследованы от русских композиторов-классиков.

Музыка Л. И. Воинова имеет непреходящее значение для мордовского национального искусства. Его концерты для балалайки с оркестром и сегодня являются единственными (среди творчества других мордовских композиторов), органично претворяющими этот жанр. Уникальность концерта состоит в насыщении его мордовским фольклором, который наполняет содержательную амплитуду выразительных средств музыки. Ведь именно «народная музыка так или иначе сказывается на становлении профессиональных творческих школ и направлений в отечественном искусстве, неся и воплощая тем самым национальную традицию»¹⁰. Такое наполнение музыки концерта национальным духом позволило композитору изменить сам ход развития этого жанра, взявшего своеобразную «пальму первенства» после более чем пятнадцатилетнего перерыва в истории балалаечного концерта. Концерт Л. И. Воинова вносит не только заметный вклад в обновление мордовской национальной музыки, но и является определенной ступенью в развитии балалаечного концерта на начальном этапе становления этого жанра.

Мы выражаем благодарность директору Дома-музея Л. И. Воинова в г. Темникове Республики Мордовия Н. Н. Зараеву и научному сотруднику музея Г. Н. Поздняковой за предоставление нотного текста Концерта № 1 для балалайки с оркестром русских народных инструментов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казанцева Л.П. Содержание музыкального произведения в контексте художественной культуры. Астрахань, 2005. С. 3.

² Бояркин Н.И. Мордовский мелос и творчество Л.И. Воинова // Леонид Иванович Воинов. Жизнь и творчество в материалах и документах. Саратов, 2008. С. 119.

³ См.: Кирюков Л.П. Мокшэрзянь морот. М.: Центриздат, 1929. С. 72.

⁴ Там же. С. 77

⁵ Там же. С. 25.

⁶ См.: Бояркин Н.И. Мордовский мелос и творчество Л.И. Воинова. С. 120.

⁷ См.: Кирюков Л.П. Мокшэрзянь морот. С. 46.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ См.: Бояркин Н.И. Мордовский мелос и творчество Л.И. Воинова. С. 121.

¹⁰ Кулапина О.И. Приемы обработки русского народно-песенного материала (анализ техники композиции). СПб., 2008. С. 9.

Поступила 25.04.2014.

D. M. Dobatovkin. Features of Conversion of the Mordvin Folklore in the L. I. Voinov's First Concerto for Balalaika and Orchestra

The creative work of L. I. Voinov is a significant contribution to the Mordovian music culture. One of its notable sides is presented by two concertos for balalaika and orchestra. The paper analyzes the music of the First Concerto permeated with the Mordvin song folklore, discusses the approach of the composer to the compositional structure of the work, and to the development elements; interpenetration of the Mordvin and Russian ethnic cultures in the examined composition is emphasized, and the degree of thematic differences between the Concerto and the primary sources — the genuine folk melodies is revealed.

Among the features of the work are: absence of prelude, dynamic transformation of the Erzya folk song «A Young Man Has Been Captured» acting as the main theme of the first movement, genre modification of the Moksha folk song «This Side Is Overgrown With Osier» presented in the form of a lullaby serves as the theme for variations in the second movement of the Concerto. Synthesis of contrasting themes in the first and the third movements can be considered a significant stylistic feature of the Concerto's composition.

The uniqueness of the composition written in 1945 is in saturation of it with characteristic elements of the Mordvin folklore that fill the substantial amplitude with means of music expressiveness. This saturation of the music of the Concerto with the national spirit allowed the composer to influence the development of this genre «bearing the palm» after more than fifteen years of interval in the history of the balalaika concerto.

DOBATOVKIN Dmitry Mikhailovich, Senior Lecturer at the Department of Orchestral Conducting and Opera Training, Sobinov Saratov State Conservatory (Academy) (Saratov, Russian Federation).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

1. Рецензируемый научно-публицистический журнал «Регионоведение» (далее — Журнал) публикует результаты оригинальных научных исследований. Статья, поступившая в редакцию, должна соответствовать одному из научных направлений Журнала (экономика, философия, социология, политология, культурология). Публикуются только те рукописи, которые ранее нигде не публиковались. В противном случае ответственность за это несет(ут) автор(ы) публикации.

2. Статья, написанная под псевдонимом или без указания авторства, не рассматривается.

3. Статья может иметь авторское посвящение.

4. Объем статьи не должен превышать 12 стр., рецензии на опубликованные книги, монографии — 6 стр. Большой объем материалов допускается по решению редакционной коллегии Журнала.

5. Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word для Windows, напечатана на одной стороне листа формата А4. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Ширина полей: слева — 3 см; справа — 1,5 см; сверху — 2 см; снизу — 2 см. Абзацный отступ — 1 см. Текст набирается с установленным автоматическим переносом.

6. Все материалы должны быть в электронном и распечатанном виде. Несовпадение бумажной и электронной версий статьи не допускается. Распечатка должна быть точной копией электронного варианта. В противном случае редакция Журнала вправе отклонить публикацию статьи.

7. В первой строке заглавными буквами указываются инициалы и фамилия(и) автора(ов) (выравнивание по правому краю).

8. Через строку приводится название статьи, которое дается заглавными буквами и полужирным шрифтом (выравнивание по центру).

9. Далее также через строку указываются ключевые слова статьи, отделяемые друг от друга запятой. Ключевые слова приводятся на русском и английском языках. После ключевых слов (через одну строку) дается краткая аннотация статьи (3—4 строки) на русском и английском языках. Если статья написана на другом иностранном языке, то обязательным является наличие ключевых слов и аннотации также на русском и английском языках.

10. Затем (через одну строку) приводится авторская справка, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, город и место работы (учебы), домашний адрес, контактные телефоны, факс, e-mail. Автор(ы) несет(ут) ответственность за содержание данных о себе. Автор(ы), имеющий(ие) допуск к государственной тайне Российской Федерации, имеет(ют) право не указывать место работы и контактные данные. Место работы (учебы) дается полным названием без каких-либо аббревиатур.

11. Сокращение слов, кроме общепринятых, в статье не допускается. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

12. Данные в таблицах не должны дублировать данные графиков, схем и текста, и наоборот. Таблицы должны быть наглядными, иметь название. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется.

13. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Их следует нумеровать, если формула не одна.

14. Каждый рисунок (график, схема) должен быть четким, иметь нумерацию (если рисунков несколько) и название.

15. В статье должна использоваться международная система единиц СИ.

16. После основного текста через одну строку заглавными буквами печатается слово «примечания» или, если в тексте одна ссылка, «примечание» (выравнивание по центру). Не допускаются постраничные и автоматические сноски. По тексту должна быть сквозная нумерация 1, 2, 3 и т. д., набранная вручную. При ссылке на источники необходимо указывать фамилию автора, начальные буквы его имени и отчества, полное название книги, год и место издания, конкретные страницы. Каждый источник печатается с новой строки под порядковым номером. Нумерация осуществляется по мере цитирования и указания ссылок на источник в статье. За правильность цитирования и приведенных в примечаниях данных ответственность несет(ут) автор(ы) статьи.

17. Примечания следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

18. К статье также прилагается реферат объемом 150—200 слов на русском языке, включающий краткое, точное изложение содержания статьи в соответствии с ее структурой, а также конкретные сведения (выводы, рекомендации и т. п.). Перевод реферата, а также аннотаций, ключевых слов, сведений об авторе(ах) статьи на английский язык, выполненный компьютерными программами, не принимается. Вводные слова и обороты в тексте реферата не используются.

19. К статье по желанию автора(ов) прилагается(ются) черно-белая(ые) или цветная(ые) фотография(и) без уголка и дефектов, размер 3 x 4 см. Электронная версия фотографии(й) принимается отдельным от текста статьи файлом в формате TIFF или JPEG без предварительной обработки. К печати не допускаются фотографии фривольного характера.

20. Статьи, оформленные с техническими отклонениями от изложенных требований, а также статьи с выявленными пассажирами компилятивного или плагиатного характера к печати не допускаются.

21. Статьи редактируются и не возвращаются.

22. Авторские оригиналы статей хранятся в редакции в течение одного года после их издания. По истечении указанного срока они подлежат уничтожению.

Журнал распространяется по подписке.

Редактор *С. В. Денисова*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод на английский язык *А. В. Пузакова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 57331 от 17 марта 2014 г. Подписано в печать 30.09.2014. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 14,32. Тираж 1 000 экз. I завод — 300 экз. Заказ № 1279.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.